

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Специальный редактор –
Д.П. ВОРОНИН

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

А ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
Евангельская концепция в творчестве
И.С. Тургенева: роман «Рудин»4

ПР ОЗ А

Владимир КРУПИН
Отрывки из обрывков.
Конспекты ненаписанного17

Александр и Сергей ЮДИНЫ
Куры ноги.....79

Михаил СМИРНОВ
Рассказы..... 115

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
Коммуналка148

П ОЭ З И Я

Юрий БОГДАНОВ
Господи, помилуй!55

Юрий РЫЧЕНКОВ
Глава из поэмы «О пятидесятих...»71

Виктор КАШКИН
«Я нужен тишине...»77

Николай ПИДЛАСКО
Васильковский букет92

Светлана ГОРОШИЛОВА
«На родимой моей стороне...»99

Татьяна НИКОЛЬСКАЯ
«Очищая сердца от коросты...»107

Ирина КАТЧЕНКОВА
«Откуда стихи проросли?»110

Игорь БЕЛКИН-ХАНАДЕЕВ
«Рассыпается долгая ночь...»125

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№3(29) 2018

Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:
С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 25.10.18.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ Е-5556

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Николай ПОЛОТНЯНКО
Прекрасная Дама.....135

Нина ГОЛОВАНОВА
Молчат тени эпох.....152

Евгений КАРУНИН
«Храни, Господь, мою Отчизну...».....156

Таисия ГУСЬКОВА
«Ах, зеркала...»161

Евгений ПРУДЧЕНКО
«Последнее время жизни...»166

Анна МАЯКОВА
На Истре176

Татьяна ЧЕРНОВА
«Я в новый день уйду одна...»178

Юрий МУРАШКИН
«Дух русской творческой свободы...»182

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Елена КИРИЛЛОВА
«В это время смутное, когда Россия
переживает всякие беды и невзгоды»:
Иоанн Кронштадтский и настроения
в российском обществе периода Первой
Русской революции (1905–1907 гг.).....62

Василий ПОЛЯКОВ
О пользе театротерапии, раденья наукам
смолоду и радости Отечеству служить
(Алексей Николаевич Оленин)185

ПАМЯТЬ

Александр КУЩ
МВТУ.....103

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр БАЛТИН
Слово о «Великороссе».....159

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Уже давно весь мир находится в ожидании чего-то непредсказуемого, что, возможно, должно будет если не изменить ход истории, то, во всяком случае, полностью перестроить баланс сил и энергий, который сложился в мире к началу XXI века. Сегодня мы явственно видим признаки вырождения европейской цивилизации – признаки, которые сопровождаются высоким подъёмом научно-технического прогресса и, как следствие, уровня жизни для тех, у кого хватило необходимых качеств, чтобы застолбить себе место под солнцем. В то же время социальное неравенство достигло столь значительных масштабов, что сдержать его уже не получается косметическими мерами благотворительности и обмена малоимущих масс. При внешнем всплеске религиозности, обусловленном образовавшимся после поражения, на данном историческом этапе, коммунизма идеологическим вакуумом, ещё никогда мир в целом не был настолько дегуманизирован, как сейчас. Человечество пребывает в состоянии постоянного стресса, который практически повсеместно выражается в неоправданной жестокости и бессмысленных социальных столкновениях. Традиционные ценности и иерархии, на протяжении столетий служившие основой человеческого бытия, сегодня подменяются космополитическими установками, ведущими народы к вырождению и растворению в аморфной массе мирового «потребителя»...

Всё вышесказанное – объективно, но это не значит, что каждый должен смотреть на происходящее как на неизбежное. Мир управляется неведомой силой, воля которой непредсказуема. Россия сегодня, как и на протяжении всей своей истории, находится в плотном кольце лукавых и циничных «партнёров» и прямых врагов, которым необходимо противостоять, в том числе и на духовном поприще. Журнал «ВЕЛИКОРОССЪ» продолжает публиковать произведения, отражающие современное сознание многонационального народа России, его мировоззренческую эволюцию, художественные достижения. В условиях нынешнего разобщённого мира художественное слово является мощным фактором борьбы за утверждение светлых духовных начал в мире и в человеке.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук
Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссе», 2018
© Авторы, 2018

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К 200-летию великого русского писателя

Евангельская концепция в творчестве И.С. Тургенева: роман «Рудин»

«**Рудин**» (1855) – первое произведение романного творчества И.С. Тургенева в ряду его замечательных романов: «**Дворянское гнездо**» (1858), «**Накануне**» (1859), «**Отцы и дети**» (1861), «**Дым**» (1867), «**Новь**» (1877).

Тургеневский художественный мир можно определить словами М.Е. Салтыкова-Щедрина: «это начало любви и света, во всякой строке бьющее живым ключом»¹. Лаконичный отзыв длиной в одну строку вместил в себя безграничное: Любовь, Свет, вода жизни – ключевые именованья в Новом Завете: «Бог есть любовь» (1 Ин. 4:8); «Свет истинный, Который просвещает всякого человека» (Ин. 1:9); «Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берёт воду жизни даром» (Откр. 22:17). Читатель словно напитывается этой живой водой.

Главный источник светоносности, гармонии и соразмерности тургеневской прозы, её благотворного влияния на душу – в Евангелии, которое составляет особый глубинный пласт художественного текста.

Один из ведущих мотивов, определяющий идейно-эстетическую структуру образа и своеобразии характера главного героя романа «**Рудин**», восходит к христианскому сказанию о вечном страннике – Агасфере. На него указывают в эпизоде сам Рудин и его знакомый Лежнев, сменивший холодную неприязнь к актёрствующему «человеку фразы» горячим сочувствием «бесприютному скитальцу». Мотив скитальчества, неизменно сопровождающий Рудина и проходящий сквозь всю художественную ткань текста, в финальных сценах сгущается, концентрируется, получая,

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Алла Анатольевна Новикова-Строганова – доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета.

Живёт в Орле.

наконец, своё истинное именование: «Ты назвал себя Вечным жидом»¹.

Вечный жид – легендарный Агасфер, согласно преданию, не дал приюта и отдохновения Христу, когда Господь, шествуя по Своему крестному пути к месту Распятия на Голгофу, остановился у стены Агасферова дома. За это Агасфер был лишён не только своего дома, но и вообще какого-либо пристанища; обречён на вечные скитания до второго пришествия Христа. Такая кара генетически восходит к наказанию библейскому завистнику-братоубийце Каину, которого Бог навеки лишил покоя и обрёл неприкаянно скитаться по свету.

Христианское сказание об Агасфере будоражило воображение, начиная со средних веков, и получило самое широкое распространение. Пугающая тень Вечного жида виделась людям по всему миру. Легенда нашла воплощение в западноевропейской литературе: в поэзии Шубарта, Ленау, Гёте, философской драме Э. Кине, романе-сатире Э. Сю и др. В русской словесности образ Агасфера привлекал внимание Пушкина (известен набросок стихотворения «Агасфер»), Кюхельбекера («поэма в отрывках» «Агасвер»), Батюшкова (замысел поэмы об Агасфере), Жуковского (последняя – незавершённая – поэма «Агасвер, или Странствующий жид»). Вечный жид у Жуковского –

*Богообидчик,
Проклятью преданный, лишённый смерти,
И в смерти – жизни; вечно по земле
Бродить приговорённый...²*

В русском народнопоэтическом сознании образ Вечного жида совместился с фольклорным образом сказочного злодея, поработителя земли русской в пословице, записанной В.И. Далем: «Кощей (Кош) бессмертный – вечный жид кошерный»³.

Тургенев в «Рудине» представил собственную трактовку сюжета об Агасфере. До времени скрытое в подтексте религиозно-философское наполнение романа в финале прорывается на поверхность, являя себя в христианской концепции мира и человека: «Все мы под Богом ходим» (5, 321). О действии Высшего Промысла в человеческой судьбе напоминает Рудину Лежнев в их прощальной беседе: «А почему ты знаешь, может быть, тебе и следует так

¹ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1978–1982. – Сочинения: В 12 т. – Т. 5. – С. 321. В дальнейшем сочинения И.С. Тургенева цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.

² Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: В 3 т. – СПб., 1906. – Т. 2. – С. 477.

³ См.: Русские писатели о евреях. Составитель В.Н. Афанасьев. – М.: Книга, 2005. – С. 431–446.

вечно странствовать, может быть, ты исполняешь этим высшее, для тебя самого неизвестное назначение» (5, 321).

«Высшее» назначение грешника Агасфера не только в том, что он вечно несёт своё наказание, но и в том, что тем самым он вечно свидетельствует о Боге. Также Рудин, ни разу не упоминая имени Христа, в моменты душевного подъёма, высокого вдохновения невольно – «для него самого неожиданно» (5, 230) – становится провозвестником Божественных установлений: «казалось, его устами говорило что-то высшее»; «Рудин говорил о том, что придаёт вечное значение временной жизни человека» (5, 230). Герой признаёт, что «быть орудием тех высших сил должно заменить человеку все другие радости» (5, 230).

Мотив неприютности и скитаний не как «охота к перемене мест», но именно как наказание за грех, восходящий к Агасферу и укоренённый в более древнем библейском образе Каина, – один из ведущих в мотивном комплексе, формирующем образ Рудина. Тема выстраивается исподволь, оставаясь поначалу сокрытой в подтексте, однако неизменно сопутствует главному герою, начиная с его первого появления на страницах романа.

Можно заметить, что в портретном описании при самом первом знакомстве с Рудиным проступают некоторые внешние черты израильтянина Агасфера: «курчавый, смуглый», будто выжженный солнцем библейской пустыни странник в потрёпанной одежде: «Платье на нём было не ново и узко, словно он из него вырос» (5, 219).

Исследователями давно отмечено, что облик героя слагается из разнородных черт¹. Ещё один диссонанс в ряду противоречий – смех Рудина: «Когда он смеялся, лицо его принимало странное, почти старческое выражение, глаза ёжились, нос морщился» (5, 234). Эта «странность» – приметы дряхлости в нестаром человеке – намекает на некую «вневременность», «вечность» образа.

Мастер «тайной психологии» – Тургенев умеет передать внутреннюю жизнь персонажа, заостряя внимание на внешних проявлениях духовной, душевно-эмоциональной сферы: мимике, жесте, взгляде, звуке голоса и т.д. Поза Рудина в светской гостиной красноречиво указывает не только на его внутреннее состояние, но и содержит намёк на судьбу героя. Он сидит, «держая шляпу на коленях» (5, 219). Это не просто жест неловкого смущения незваного гостя. Здесь вербально не выраженное указание на привычку к скитаниям как образу жизни: в любой момент Рудин готов сорваться с места, откланяться, удалиться.

Он всегда в пути, и в гостиной Дарьи Михайловны Ласунской оказался также случайно, проездом, с дороги. Его внезапное появление (ожидали другого гостя) предваряет «стук экипажа» (5, 219). Драматическую развязку свидания с Натальей у Авдюхина пруда сопровождает «лёгкий стук беговых дрожек» (5, 283) – как предвестие того, что Рудин вынужден будет вскоре покинуть дом Ласунской: «Он уезжает... Ну! дорога скатертью» (5, 287). Впоследствии характерные звуки дороги – отрывистое позвякивание бубенчиков, стук колёс – «небольшого тарантаса» (5, 219), «плохенькой рогожной кибитки» (5, 307) и, наконец, даже «телеги» (5, 309) – устойчивый атрибут героя-путника. К тому же перемена вида дорожных экипажей наглядно свидетельствует о том, что с годами странник, нигде не нашедший себе места,

¹ См.: Бялый Г.А. Тургенев и русский реализм. – М.; Л.: Сов. писатель, 1962. – С. 79.

не сумевший применить себя ни к какому делу, попадает всё в более стеснённые жизненные обстоятельства, бедственное – вплоть до нищеты – положение.

Телега становится не только метафорой судьбы героя, но и философской универсалией – воплощением жизни человека, тянущегося своим путём к последнему пристанищу – смерти. По догадке В.М. Марковича, «детали дорожной сцены (начиная с «седого мужичка» на облучке, погоняющего тройку лошадей) отчётливо соотносятся с мотивами пушкинской «Телеги жизни».

*Хоть тяжело подчас в ней
бремя,
Телега на ходу легка,
Ямщик лихой, седое время
Везёт, не слезет с облучка...¹*

В универсально-философской «многослойности» романа угадываются и другие поэтические аллюзии сходного лирико-символического плана. Агасферовские мотивы в жалобах Рудина: «мне уже наскучило таскаться с места на место. Пора отдохнуть» (5, 241); «Мне остаётся теперь тащиться по знойной и пыльной дороге, со станции до станции, в тряской телеге... Когда я доеду, и доеду ли – Бог знает...» (5, 264) – соотносятся также с «Дорожными жалобами» (1829) Пушкина:

*Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?
Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь судил.²*

Ассоциативные образные связи с Пушкиным тем более важны, что имя поэта и его творчество входят в роман как один из важных ценностных критериев. С любовью выписывая глубокую и поэтичную натуру Натальи Ласунской – первой в галерее «тургеневских девушек», автор упоминает, что «она знала наизусть всего Пушкина» (5, 240). Вольтер, например, при всём благородстве своего характера не обладает эстетической отзывчивостью: «к литературе влечения не чувствовал, а стихов просто боялся. “Это непонятно, как стихи”, – говаривал он» (5, 271).

Неслучайно поэтому Наталья испытывает к влюблённому в неё Вольтеру лишь дружеское расположение. Рудин же увлекает девушку, в том числе

¹ Маркович В.М. И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы). – Л.: ЛГУ, 1982. – С. 123.

² Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. – М.: ГИХЛ, 1959. – Т. 2. – С. 305.

Д.Н. Кардовский.
Первое появление Рудина
у Ласунских

своей склонностью к поэтизации жизни: «Поэзия – язык богов. Я сам люблю стихи. Но не в одних стихах поэзия: она разлита везде, она вокруг нас... Взгляните на эти деревья, на это небо – отовсюду веет красотой и жизнью» (5, 241). В своих речах герой умеет возвышаться «до поэзии» (5, 230). Тургенев доверяет ему собственные сокровенные мысли, выраженные в афористической форме: «где красота и жизнь, там и поэзия» (5, 241).

Рудин, конечно, выделяется из обывательского окружения. В нём нет ничего зоологического, как в «доморощенном Мефистофеле» Пигасове (автор отмечает его «лисье личико»); как в дамском угоднике и шпионе Пандалевском (если разложить фамилию на составляющие, получится «панда» – милловидный травоядный зверь и хищный «лев» – охотник за добычей). Нет в Рудине и прагматичности, приземлённости, тогда как, например, его бывший приятель по университету Лежнев, занявшийся хозяйствованием в собственном имении, при всей своей человеческой порядочности утратил юношескую открытость, превратился в «мучной мешок» (5, 202).

Рудину же, как перелётной птице, необходим простор. Тема вечных скитаний находит подкрепление и в предыстории Рудина: «Я родился перекапти-полем <...> Я не могу остановиться» (5, 320). В пересказе Лежнева повествуется о скитальческой жизни главного героя с его раннего детства: после смерти отца ребёнок рос и воспитывался вне дома, у чужих людей, за чужой счёт. Обласканный богатой помещицей Ласунской Рудин временно «царит» «великим визирем» (5, 244) в её доме, в сущности оставаясь всё на том же униженном положении приживальщика, которого «роняют <...>, как перчатку после бала, как бумажку с конфетки» (5, 291), когда он становится ненужным.

Контраст тем более велик, что Рудин стремился выглядеть, «как путешествующий принц» (5, 228), а с ним обошлись, как с бездомным бродягой. В который раз «гонимый миром странник» лишается временного пристанища: «надеялся, что нашёл хотя временную пристань... Теперь опять придётся мыкаться по свету» (5, 294). Рудину даже не дано времени на сборы и прощание: «Он наскоро уложился»; «стал торопливо прощаться со всеми. <...> его как будто выгоняли» (6, 291–292). Он покинул дом Дарьи Михайловны так же внезапно и стремительно, как и появился в нём: «проворно сбежал с лестницы, вскочил в тарантас» (5, 292).

Скандинавская легенда, поведенная Рудиным в первый вечер у Ласунской: «птичка, как человек в мире: прилетела из темноты и улетела в темноту» (5, 230), – явилась аллегорией его собственной судьбы. Образно говоря, Рудин прилетел из темноты и улетел в темноту – в неизвестность, недолго побыв «в тепле и свете» (5, 230). В то же время Тургенев представил здесь метафору человеческой души. Та «темнота», откуда она вылетает и куда улетает, непостижима для земного разума, недоступна физическому зрению.

Открытый писателем в его первом романе образ одинокой птицы без гнезда как символ трагизма жизни человека: «наша жизнь быстра и ничтожна <...> в самой смерти найдёт он свою жизнь, своё гнездо» (5, 230) – стал философской универсалией и прошёл через всё тургеневское творчество, обретя своё завершение в прощальном цикле «Стихотворений в прозе» (1878–1883): «Устала бедная птица... Слабеет взмах её крыльев; ныряет её полёт. Взвилась бы она к небу... но не свить же гнезда в этой бездонной пустоте!» (10, 178).

Порыв к небу остаётся бесплодным, поскольку небесная высь рефлекслирующему сознанию в русле философии «космического пессимизма» представляется трагически опустошённой. Точно так же трагизм жизни Рудина

заключается в том, что «замечательно умный» герой – «в сущности пустой» (5, 252). Такие люди неспособны почувствовать себя «как бы живыми сосудами вечной истины» (5, 257). Рудин – «сосуд скудельный», не наполненный Божественной истиной «Наполняющего всё во всё» (Еф. 1:23).

Извечный вопрос об истине, ответа на который допытывался Понтий Пилат у Христа: «Что есть истина?» (Ин. 18:38), – в тургеневском романе формулируется предельно заострённо, путём троекратного повтора: «а истина – что такое истина? Где она, эта истина? <...> Я спрашиваю: где истина?» (5, 226–227).

В споре с Пигасовым Рудин берётся с видом всезнания толковать о необходимости «быть и жить в истине» (5, 226), однако он столь же далёк от неё, как и его оппонент – скептик и мизантроп. Рудина просят обратить «старого грешника»

Пигасова «на путь истины» (5, 226). Но главный герой тургеневского романа никоим образом не соотносится с Иоанном Предтечей, который призывал «приготовить путь Господу», «прямыми сделать стези Его» (Мф. 3:3). Рудин не ведаёт ни истины, ни истинного пути. Вдаваясь в «метафизические тонкости» (5, 223), он не постигает главного: что истина, не извращённая человеческими измышлениями, лукавым мудрствованием, – Сам Христос, сказавший: «Аз есмь Путь, и Истина, и Жизнь» (Ин. 14:6); «Я на то родился и пришёл в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» (Ин. 18:37).

Прозвучавшую в романе легенду о птице можно переосмыслить и в православном ключе. Тогда она приняла бы не трагический, а спасительный характер, как, например, в письме святителя Феофана Затворника о духовной жизни: «Бог в помощь, спасайтесь! Со страхом и трепетом подобает нам проходить дело своё и житие своё, и служение своё, то, что кому положено, и где, и как положено. Как райскую птичку, надо беречь сей страх, чтобы не улетел. Улетит, трудно поймать. Чтобы не улетел, надо двери клетки затворить: собрать мысли и связать чувства вниманием»¹.

Подобный спасительный трепет самонадеянному велеречивому герою до поры неведом. Рассуждая о стремлении «к отысканию общих начал в частных явлениях» (5, 223), философствующий герой не доходит до главного и основного «общего начала» всех начал – «Бога живого» (2 Кор. 6:16), «В Котором

Д.Н. Кардовский. Объяснение в саду

¹ Святитель Феофан Затворник. Письма о христианской жизни. Поучения. – М.: Московский Сретенский монастырь, 1997. – С. 145.

сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол. 2:3), ибо «Он есть прежде всего, и всё Им стоит» (Кол. 1:17), и «никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1 Кор. 3:11), «Ибо всё из Него, Им и к Нему» (Рим. 11:36).

«Кто учит иному, – говорит апостол Павел, – и не следует словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражён страстью к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения, пустые споры между людьми повреждённого ума, чуждыми истины» (1 Тим. 6:3–5).

«Проклятым философом» назвал Рудина честный и прямой Волынцев, помышляющий даже о дуэли: «Я его, проклятого философа, как куропатку застрелю...» (5, 285). От подобных философов предостерегал святой апостол, советуя отвращаться «негодного пустословия и прекословий лжеименного знания» (1 Тим. 6:20): «Смотрите, братия, чтобы кто не увлёк вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2:8).

Именно «пустым обольщением» цветистой фразы увлекал Рудин Наталью, пока не наступило её прозрение: «от слова до дела ещё далеко» (5, 282). Пустое рудинское велеречие противостоит апостольской заповеди: «станем любить не словом и языком, но делом и истиною» (1 Ин. 3:18).

У Рудина нет прочной духовной опоры. Он сравнивает себя с надломленной яблоней: «она сломилась от тяжести и множества своих собственных плодов». «Она сломилась оттого, что у ней не было опоры» (5, 249), – возражает Наталья. Вседержительная опора обретается верой: «Аз есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был, и грядет, Вседержитель» (Откр. 1:8).

По суждению Рудина, «если у человека нет крепкого начала, в которое он верит, нет почвы, на которой он стоит твёрдо, как может он дать себе отчёт в потребностях, в значении, в будущности своего народа? Как может он знать, что он должен сам делать, если...» (5, 224). Запинка, прервавшая эту рудинскую тираду, многозначительна: у героя-скитальца нет веры, а значит – нет ни крепкого начала, ни корней, ни почвы, ни родины. Погружённый «в германский романтический и философский мир» (5, 249), он не способен к практическому деланию и лишь теоретизирует на почве отвлечённости немецкой идеалистической философии. Само «красноречие его не русское» (5, 252). В то же время для «будущности своего народа» нужны общие начала с ним, общий корень – согласно православной литургии: не только «едиными усты», но и «единым сердцем».

Но мысль Рудина не осердечена. Тогда как именно сердце – тот центр в христианской антропологии цельности, куда, соответственно учению православной аскетике о «самособирании», должны быть собраны и мысли, и чувства, и волевые устремления до времени «рассыпанного человека»¹. Сердце является проводником к Богу, средоточием даров Святого Духа. Ещё в первые века христианства святой Макарий Египетский призывал «собрать в любви ко Господу рассеянное по всей земле сердце». Преподобный Исаак Сирийский учил: «сердце обнимает в себе и держит в своей власти внутренние чувства. Оно есть корень, а если корень свят, то и ветви святы»².

¹ См.: Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. – СПб.: Алетея, 1994.

² Исаак Сирийский. Слова подвижнические. – М., 1993. – С. 24.

«Умника»-Рудина, «как китайского болванчика, постоянно перевешивала голова. Но с одной головой, как бы сильна она ни была, человеку трудно узнать даже то, что в нём самом происходит» (5, 278), – замечает Тургенев. Герой тщетно надеется только на человеческий разум, утверждая с бескрылых гуманистических позиций «веру в самих себя, в свои силы» (5, 224) и забывая, что есть «превосходящая разумение любовь Христова» (Еф. 3:19); «мир Божий, который превыше всякого ума» (Флп. 4:7). «Никто не обольщай самого себя: если кто из вас думает быть мудрым, – наставляет апостол Павел, – <...> Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом, как написано: “увлекает мудрых в лукавстве их”. И ещё: “Господь знает умствования мудрецов, что они суетны”» (1 Кор. 3:18–20).

В суетно-позёрской «проповеди» Рудина нет апостольского духа самоотверженного служения истине. Призыв принести свою личность «в жертву общему благу» (5, 227) на деле остаётся пустословием самолюбивого фразёра, сосредоточенного только на своём «я». Ему не дано понять, что «стыдно тешишься шумом собственных речей, стыдно рисоваться» (5, 252).

Пустая фраза без Бога заполняется в итоге противоположно направленной тёмной силой. Она словно персонифицируется в инфернальное существо, преследует героя, точно злой гений, и становится источником гибели. В финале Рудин осознаёт: «Фраза, точно, меня сгубила, она заела меня, я до конца не мог от неё отделаться» (5, 319).

В безблагодатной фразе нет духовного горения. Хотя внешне Рудин может «разгораться», внутренне он остаётся «холоден, как лёд» (2, 252). Мотив огня, сопутствующий герою, парадоксально антиномичен. Сама фамилия «Рудин», содержащая образный намёк на огонь, этимологически многозначна и противоречива. Будучи производной от слова «руда» в значении «горная порода, содержащая металл», она указывает на силу и твёрдость. В то же время в русских говорах слово «руда» обладает большой смысловой объёмностью. Наиболее распространённое значение – «кровь».

В евангельском свете кровь указывает на неизмеримую духовную высоту самопожертвования Христа на Голгофе во искупление человечества: «сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26:28); «Кровь Иисуса Христа <...> очищает нас от всякого греха» (1 Ин. 1:7).

Жертвенная кровь Рудина на брошенной баррикаде: «Пуля прошла ему сквозь самое сердце» (5, 322), – оказалась бессмысленным и бесполезным жертвоприношением. В тургеневском романе мотив крови реализуется также в трагических стихотворных образах призрака «с кровью на груди» (5, 259), «кровавых жизни незабудок» (5, 271), которые косвенно соотносятся с образом главного героя.

Встречаются диалектные значения лексемы «руда» уже в отрицательной коннотации: «болотная ржавчина», «сажа», «замаранное пятно, грязь, чернота, особенно на теле, одежде, белье»¹. Сниженный мотив пятна, загрязнённости также обнаруживается в композиции образа Рудина: «Сколько раз вылетал соколом – и возвращался ползком, как улитка, у которой раздавили раковину!.. Где ни бывал я, по каким дорогам ни ходил!.. А дороги бывают грязные» (5, 311).

¹ См.: Виноградов В.В. История слов. – М.: Институт русского языка РАН, 1999.

В метафорах и антитезах последнего монолога героя (высокий полёт горделивой птицей – ползание по земле раздавленной улиткой) – история «агасферовских» скитаний Рудина – в итоге никчёмных, пустых, постыдных.

В «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля «рудой» (южн. зап.) – рыжий и рыже-бурый, тёмно- и жарко-красный. Данные значения встраиваются в ассоциативный лексико-семантический ряд: «крававый», «горячий», «жаркий», «огненный», «пламенеющий», «знойный» и т.д. Эти цвето- и светообразы также играют важную роль в формировании мотива Агасфера и в поэтике романа в целом.

Первоначальной заявкой рудинской темы звучат некоторые «неспокойные» ноты в умиротворяющем пейзаже экспозиции: тихим летним утром вдруг пробегают волны «красноватой ряби» по «высокой зыбкой ржи» (5, 199).

Метафорическим предварением главного героя, перспекцией его отношений с Натальей служит также «диспут» Липиной и Лежнева об огне:

«–<...> Вам всё огня нужно; а огонь никуда не годится. Вспыхнет, надымит и погаснет.

– И согреет <...>

– Да... и обожжёт» (5, 202).

С образом огня соотносятся имплицитные мотивы свечи, лампы, костра, жара, золы, пепла и некоторые другие. В первый вечер у Ласунской проявляется тема огненной рудинской стихии: герой «разгорелся», говорил «горячо». Возникает ассоциативная связь с пылающим костром, вокруг которого собираются люди: «Все столпились в кружок около него» (5, 225). Рудин всех всколыхнул, оживил, как будто влил свежей крови. Более всех на «огонь» Рудина отзывается Наталья. Её «честная, страстная и горячая натура» (5, 253) внутренне созвучна этому «пламени». Сама она начинает «пылать» и «светиться»: «Наталья вся вспыхнула» (5, 265); «лицо покрылось алой краской, и взор её <...> заблестал» (5, 225).

Ещё до драматического объяснения у Авдюхина пруда, когда героиня проявила решительность своей серьёзной натуры, именно её слово готово зажечь угасшего оратора, который «так безнадежно махнул рукою и так печально поник головою» (5, 242). Настроения печали и безнадежности соприродны Агасферу, обречённому на безысходную вечную кару.

Рудин – в агасферовском ключе – вовсе не костёр, а, скорее, призрачный блуждающий огонёк. Если продолжить этот образно-семантический ряд, рудинский свет сопоставим со слабым свечением светлячка. Неслучайно в романе упоминается о другом насекомом – божьей коровке, которая с усилием взберётся «на конец былинки и сидит, сидит на ней, всё как будто крылья расправляет и полететь собирается – и вдруг свалится и опять полезет» (5, 313).

Сходный рисунок поведения – в предсмертных мгновениях Рудина на баррикаде: он лез, «карабкаясь кверху и помахивая и знаменем, и саблей» (5, 332). Тело бесславно погибло, но душа вознеслась в небо, как в фольклорных заклинаниях о «божьей коровке», ко Христу – истинному пастырю «божьих коровок» – душ человеческих.

Подлинный духовный огонь представлен в романе в ретроспективном плане. Вдохновитель студенческой молодёжи Покорский вселял в окружающих «огонь и силу» (5, 257), в отличие от Рудина, которого «никто не любил <...> Его иго носили» (5, 256). Покорский «Пылал полуночной лампадой / Перед святынею добра...» (5, 255) «Лампада» Рудина, по его собственному признанию в эпилоге романа, разбита.

Тургенев прибегает к христианской образности и церковной стилистике, от лица Лежнева повествуя о кружке Покорского: «с каким-то священным ужасом благоговения <...> чувствовали себя <...> призванными к чему-то великому» (5, 256–257); «я совсем переродился: смирился, расспрашивал, учился, радовался, благоговел – одним словом, точно в храм какой вступил» (5, 257). В этом «храме» раздумья о судьбах мира, «о будущности человечества» были нераздельно слиты с мыслями «о Боге, о правде» (5, 257).

Справедливое общество, счастливая будущность невозможны без Христа, без исполнения евангельских заповедей. Безбожный прогресс, лукаво надуманные человеческие законы и юридические установления ведут лишь к внешним усовершенствованиям материальной стороны мира и одновременно – к духовному оскудению и нравственному одичанию. Вот почему все преобразования, за которые брался «прогрессист» Рудин, потерпели крах. «Святыня добра» и деятельной любви к людям была ему неведома. Его запал бесплодно угас: «уже всё кончено, и масла в лампаде нет, и сама лампада разбита, и вот-вот сейчас докурится фитиль...» (5, 319)

В тургеневском романе актуализирована внутренняя параллель с Агасфером, понесшим справедливую кару за то, что не знал сострадания, любви к Богу и человеку. Вечный жид нарушил главные заповеди, о которых Христос возвестил искушавшему Его законнику-фарисею: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоею. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:37–40); «иной большей сих заповеди нет» (Мк. 12:31).

Агасферовский грех Рудина в том, что, нарушая эти главные заповеди, из которых вырастают все другие христианские заветы, он отрекается таким образом от Христа, невольно принимает сторону противника Бога – сатаны, становясь его слепым орудием. Многие действия Рудина, помимо его собственной воли, уподобляются дьявольским козням. Так, холодным разъедающим рационализмом он разрушает юношескую любовь Лежнева, разъединяет влюблённых («диаболос» в переводе – «разделитель»); распоряжается чужими тайнами, «как своим добром» (5, 273); чудовищно обходится с матерью; безсердечен в отношениях с Натальей, сам не зная, зачем и куда он её увлёл. Подобно врагу рода человеческого – охотнику за людскими душами, Рудин поневоле выступает как ловец «молодой, честной души» (5, 267). Смутный намёк на бесовские проявления его натуры – в пигасовском уподоблении Рудина хвостатому существу: «все судят о ваших достоинствах по хвосту» (5, 267). Наконец, Волынцев невольно заявляет об inferнальности сил, управляющих Рудиным: «с какого дьявола вам вздумалось ко мне с этим известием пожаловать?» (5, 272).

Прежде всего, к самому Рудину относятся слова, сказанные им о Лежневе: «мало истины, мало любви» (5, 238). Подобно тому, как Агасфер оттолкнул Христа, не дав Господу даже временного пристанища, Рудин отталкивает искреннее чувство Натальи, не впуская любовь в свою душу. Он убеждён, что для любви нет места в современном мире: «кто любит в наше время? кто дерзает любить?» (5, 250)

Неприкаянность становится наказанием и за отвергнутую любовь девушки, и за неумение и нежелание любить ближнего. Чтобы быть способным любить, требуется «надломить упорный эгоизм своей личности» (5, 227). Однако

этот красноречивый призыв Рудина в его собственной жизни не выходит за пределы фразёрства. Беда тургеневского героя в том, что «охотно и часто» говоря о любви, он «не довольно уяснил самому себе трагическое значение любви». По его же словам, надо было «поглубже зачерпнуть» (5, 250).

Глубочайший смысл жизни, все таинственные глубины бытия представлены в Новом Завете. В евангельском смысле человек, закрытый для любви, не впускает в душу самого Христа. Неспособность к любви равносильна отторжению от Бога. Священное Писание преисполнено темой любви; более того – свидетельствует о любви как сущности Бога: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём» (1 Ин. 4:16). К милосердной – Божеской – любви настойчиво призывали человечество апостолы: «Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рождён от Бога и знает Бога» (1 Ин. 4:8). Соответственно: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4:8).

В самоотверженной любви к ближнему – прообраз всеобъемлющей жертвенной любви Христа. Отделяя праведников от грешников, Христос говорит «тем, которые по левую сторону: “идите от меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня”. Тогда и они скажут Ему в ответ: “Господи! Когда мы видели Тебя алчущим или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?” Тогда скажет им в ответ: “истинно говорю вам, так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне”. И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» (Мф. 25:41–46).

Неприкаянные странствования Рудина вызваны не столько внешними причинами, сколько его внутренним состоянием: безлюбным отношением к жизни, за которое неизбежно наступает расплата. Неспособный к любви Рудин несёт агасферовское наказание: «Маялся я много, скитался не одним телом – душой скитался» (5, 311). В эпилоге появляется мотив скитальческой судьбы как устрашающей кары, возмездия, таинственного проклятия Вечному жиду: «едва успею я войти в определённое положение, остановиться на известной точке, судьба так и сопрёт меня с неё долой... Я стал бояться её – моей судьбы... Отчего всё это?» (5, 319).

В финале романа даётся ответ на роковой вопрос, наступает запоздалое прозрение. Герой тоскует по не реализованному им идеалу деятельной любви: «Слепую бабку и всё её семейство своими трудами прокормить <...> Вот тебе и дело» (5, 319). На возражение Лежнева: «но доброе слово – тоже дело» – Рудин «тихо покачал головой» (5, 319). Его слово не стало делом. Он не исполнил завета о слове-служении: «Говорит ли кто, говори, как слова Божии; служит ли кто, служи по силе, какую даёт Бог» (1 Пет. 4:11). Блистая «музыкой красноречия», Рудин самолюбиво забывал о Божественной сущности Слова: «и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1); «слово Твоё есть истина» (Ин. 17:17). Творящее, творческое слово, равнозначное делу, должно приближать к Богу, а не отдалять от Него. Облекаясь в роль оратора, Рудин пренебрёг новозаветной заповедью: «Более же всего облекитесь в любовь» (Кол. 3:14).

В противовес главному герою повести Н.С. Лескова «Очарованный странник» (1873), нашедшему своё призвание в праведном служении Богу и своему народу, Рудин – странник разочарованный. Скиталец без Бога не

Д.Н. Кардовский. Рудин на баррикаде

«очарованный странник», а Вечный жид. Его неприкаянный дух «летает» в пустоте, точно пугающее привидение, «летучий голландец»: «очутился опять лёгко и гол в пустом пространстве. Лети, мол, куда хочешь...» (5, 314)

Смутно намеченный при первом появлении Рудина образ пустыни в конце романа усиливается, вырастает в метафору опустевшей, выжженной дотла жизни героя. Его кибитка еле тащится «в самый зной» (5, 307), «измученные лошадёнки кое-как доплелись» (5, 307), и сам Рудин подобен заезженной понурой кляче – опустошённый, без сил, без чувств, без интереса к жизни: «Он сидел, понуриив голову и нахлобучив козырёк фуражки на глаза. Неровные толчки кибитки бросали его с стороны на сторону. Он казался совершенно бесчувственным, словно дремал» (5, 307). «Когда же это мы до станции доедем?» (5, 307), – вопрошает Рудин возницу. По всей видимости, до своей станции, до своего земного приюта Агасфер не доберётся никогда.

Эпилог содержит намёк на то, что Рудин – явно в оппозиции к политической власти, не своей волей едет (скрытое указание и на автобиографический момент: Тургенев создавал свой роман, будучи высланным из столицы на жительство в его имение Спасское-Лутовиново Мценского уезда Орловской губернии): «Меня отправляют к себе в деревню на жительство» (5, 310). Но он и не под властью Христа, тогда как всякая власть, подменяющая евангельские Божеские заповеди лукавыми человеческими законами, есть зло.

Амбивалентность огненной энергии обнаруживает себя в смене колористической гаммы: «безбожный» огонь саморазрушителен, превращается в золу и пепел. Зной скитальческой жизни испепелил яркие краски: читатель видит Рудина в «старом запылённом плаще», герой «пожелтел в последние два года; серебряные нити заблестали кой-где в кудрях, и глаза, всё ещё прекрасные, как будто потускнели <...> Платье на нём было изношенное и старое» (5, 308). В сцене последней встречи с Лежневым Рудин «почти совсем седой и сторбленный» (5, 310).

В финале романа отчётливо звучит покаянный мотив страдания и смирения: «было что-то <...> грустно-покорное в его нагнутой фигуре» (5, 309). Герой всё более и более сгибается под тяжестью своей судьбы: «нагнутый»,

потом «сгорбленный» и, наконец, склонённый пулей в последнем земном поклоне: «повалился лицом вниз, точно в ноги кому-то поклонился» (5, 322).

Апофеозом «огненной» темы становится «знойный полдень» (5, 322) на баррикаде в Париже, где происходит своего рода «самосожжение» Рудина. Он окружён настойчивым мельканием красного цвета: красный шарф, красное знамя, – точно языками пламени. В Рудине не было внутреннего горения души и духа, и потому он испепелён огнём внешним. Сбылось пророчество в рудинском прощальном письме Наталье: «Я кончу тем, что пожертвую собой за какой-нибудь вздор, в который даже верить не буду» (5, 293).

Эта жертва – без веры, без любви – осталась напрасной и безславной. По слову же Господа, только самоотверженная любовь к Богу и ближнему «*есть больше всех всесожжений и жертв*» (Мк. 12:33).

Типологическая близость персонажей-«скитальцев» в финале тургеневского романа оборачивается их расхождением. Вечный жид осуждён на неприкаянное безсмертие как наказание и проклятие. «Духовный скиталец» Рудин в смерти обрёл своё последнее пристанище: «полуденный зной проходит, и настает вечер и ночь, а там и возвращение в тихое убежище, где сладко спится измученным и усталым...» (7, 184) – написал Тургенев впоследствии в романе «Отцы и дети» (1861).

Смирённый в смертном искупительном поклоне, Рудин невольно и неосознанно поклонился Богу. Герой очищен от греха – по апостольскому слову: «*А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою*» (Еф. 2:13).

Актуализация параллели образа Рудина с Агасфером предоставляет возможность установления диалогической соотнесённости романа с христианским евангельским контекстом. Евангельский текст является скрытым импульсом, уводящим в метафизические глубины тургеневского произведения; придаёт ему религиозно-философскую универсальность, позволяющую не только выявить проблемы современности, но и обратиться к вечным вопросам бытия. Исследование символично-философской «запредельности» романа помогает точнее определить религиозно-нравственную позицию писателя.

В эпилоге звучит глубоко прочувствованное лирическое слово Тургенева, которое открыто облекается в форму горячей молитвы к живому милосердному Богу: «И да поможет Господь всем бесприютным скитальцам!» (5, 322).

Первый тургеневский роман явился в какой-то мере самопредсказанием. Писатель словно предчувствовал собственную скитальческую судьбу «на краю чужого гнезда», кончину на чужбине, во Франции, вдали от Родины, от своего родового имени – «дворянского гнезда». Незадолго до смерти он передал прощальный поклон родным местам через своего друга, поэта Якова Петровича Полонского, будучи не в силах сам поклониться своим любимым «дому, саду <...> дубу, родине», которую ему уже не суждено было увидеть.

ПРОЗА

Владимир КРУПИН

Отрывки из обрывков Конспекты ненаписанного

У МЕНЯ БЫВАЛО: советовали редактора взяться за так называемую «проходную» тему, или просто переделать что-то уже написанное, «сгладить углы», «спрятать концы», для моей же пользы советовали: книга выйдет, всё какая копейка на молочишко. Нищета же одолевала. Я даже и пытался переделывать написанное. Но Бог спасал – не шло. «Не могу, не получается, говорил я, лучше не печатайте». То есть бывало во мне малодушие – известности хотелось, благополучия, но, повторяю, Господь хранил от угождения духу века сего.

ТУНИС, ПОСОЛЬСТВО, пресс-конференция. Мы с Распутиным отвечаем на вопросы. Приходит записка: «Будьте осторожнее в высказываниях – в зале враждебные СМИ». Но что такого мы можем сказать? Какие секреты мы знаем? Скорее всего, чекисты посольства опасаются за своё место. Значит, есть что-то такое, что может повредить Советскому Союзу? Ничего не понятно.

«Нас объединяет культура, она независима от политики, систем устройства государств, есть единое общемировое движение человеческой мысли». – Это один из нас. Другой: «Разделение в мире одно: за Христа или против Него».

Встреча долгая. Долгий потом ужин. Один из советников, подходя с бокалом: «О культуре очень хорошо, но о разделении немного неосторожно». – «А разве не так?» – «Так-то так. Но, может быть, рановато об этом?»

И было-то это совсем недавно. Тогда же ездили в Бизерту, видели умирающие русские корабли. И, конечно, в Карфаген. Услышать голос римского сенатора Катона: «Карфаген должен быть разрушен». А за что? За разврат.

ОСТАТКИ АМФИТЕАТРА. Осень. Мальчишки вдалеке играют в футбол. Раздеваюсь и долго забредаю в Средиземное море. Даже и заплываю.

Владимир Николаевич Крупин – родился 7 сентября 1941 года в селе Кильмезь Кировской области. Сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Окончив сельскую школу, работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии в ракетных войсках. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, в Московской духовной академии, в других учебных заведениях. Автор более 30 книг. Со-председатель правления Союза писателей России. Живёт в Москве.

Возвращаюсь – надо же – полон берег весёлых мальчишек. Аплодируют смелому дедушке. Под ногами множество плоских камешков – «блинчиков». Вода спокойна, очень пригодная для их «выпекания». Бросаю – семь касаний. Кружочки аккуратно расходятся по воде. Ещё! Десять. У мальчишек полный восторг. Неужели так не играют? Во мне просыпается педагогическое образование. Учю подбирать камешки. Выстраиваю мальчишек. Их человек двадцать. Бросаем. Вначале для практики, потом соревнование. Вскоре выявляются лидеры. Вот их уже пятеро, трое. И, наконец, два последних. У одного получается пять «блинчиков». Объявляю его победителем и – что-то же надо подарить – дарю кепочку с эмблемой фонда святого апостола Андрея Первозванного. Благодарные мальчишки дарят мне... футбольный мяч. Передариваю его самому маленькому, у которого пока не получилось бросать камешек по глади воды. Ну не всё сразу, научится.

Около монастыря преподобного Герасима Иорданского возрождается античность, строится амфитеатр Александра Македонского.

НИЧЕГО НЕ НАДО выдумывать. Да и что нам, русским, выдумывать, когда жизнь русская сама по себе настолько необыкновенна, что хотя бы её-то успеть постичь. Она – единственная в мире такого размаха: от приземлённости до занебесных высот. Все всегда не понимали нас и, то воспитывали, то завоёвывали, то отступались, то вновь нападали. Злоба к нам какая-то звериная, необъяснимая, это, конечно, от безбожия, от непонимания роли России в мире. А её роль – одухотворить материальный мир.

А как это поймёт материальный мир, те же англичане? Да никак. Но верим, что Господь их вразумит.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ различия меж Россией и Западом – это небо и земля. Эти различия преодолимы при одном условии – Запад должен вернуться в лоно Православия, заново обрести Христа. Это единственное условие. Иначе он погибнет, и уже погибает. Остаётся от него только материальное видимое да плюс ублажение плоти, да плюс великое самомнение. А вечное невидимое отошло от него.

У них не только превозношение, но и элементарная лень. Месса двадцать минут. Торопятся делать бизнес (мэк моней).

А ещё есть у них, она и к нам проникает, такая ересь, что не надо никаких религий, надо просто верить и всё. Что неважно, какая конфессия, верь в Бога, и спасёшься. А как верить? Да как угодно.

Только тот католик, который переходит в Православие, становится счастливым.

ВИНОВАТ И КАЮСЬ, что не смог так, как бы следовало, написать об отце и матери. Писал, но не поднялся до высоты понимания их подвига, полной их заслуги в том, что чего-то достиг. Ведь писатели-то они, а не я, я – записчик только, обработчик их рассказов, аранжировщик, так сказать.

Читаю торопливые записи, каракули – всё же ушло: говор, жизненные ситуации, измерение поступков. Другие люди. «До чего дожили, – говорила мама, страдавшая особенно за молодёжь, – раньше стыд знали, а сейчас, что дурно, то и потешно». – «Да, – подхватывал отец, – чего ещё ждать, когда

юбки короче некуда, до самой развилки. Сел на остановке на скамье, рядом она – хлоп, и ноги все голые. У меня в руках газета была, я ей на колени кинул: на, хоть прикройся. Она так заорала, будто режут её. И, знаешь, мамочка, никто, никто меня не поддержал».

ОСМЕЛЮСЬ ЗАПИСАТЬ рассказ мамы о предпоследнем земном дне отца.

– Он уже долго лежал, весь выболелся. Я же вижу: прижимает его, но он всю жизнь никогда не жаловался. Спрашиваю: «Коля, как ты? Он: Мамочка, всё нормально». – А отойду на кухню, слышу – тихонько стонет. Весь высох. Подхожу накануне, вдруг вижу, он как-то не так глядит. – «Что, Коля, что?» А он спрашивает: – «А почему ты платье передела? Такое платье красивое». – «Какое платье, я с утра в халате». – «Нет, мать, ты была в белом, подошла от окна, говоришь: «Ну что, полегче тебе?» – «Да ничего говорю, терпимо». Говоришь: – «Ещё немного потерпи, скоро будет хорошо». И как-то быстро ушла. Говорю: «Отец, может, тебе показалось?» – «Да как же показалось, я же с утра не спал».

Назавтра, под утро, он скончался. Был в комнате один. Так же, как потом и мама, спустя восемнадцать лет, тоже на рассвете, ушла от нас.

Великие люди – мои родители.

БОЮСЬ СИЛЬНО умных. Налетает: «Вам это надо знать! Энергетические силовые линии идут векторно по России. Это сакрально и мистически раздвигает информационное поле нашего влияния, которое заполнено другими. А ждут нас. Это понятно?» – «Ещё бы», – торопливо соглашаюсь я. Он доволен: «Да, так. Подключайтесь. Мы не за баксовое, а за нравственное благополучие».

МАТУШКА: «ЖИЛА, мать очень суровая была, по голове не погладила, парней больше любила. Раз я, ещё девчонкой, корову подоила, хлев забыла закрыть, а корова уже копытом в ведре с молоком стоит. Мне влетело».

ЭПИГРАФЫ: «НЕТ в жизни счастья (наколка на груди)». «Отец, ты спишь, а я страдаю» (надпись на могильном памятнике). «Без слов (слёз), но от души» (отрывок из дарственной надписи). «Спи, мой милый, не ворочайся» (из причитания жены над гробом мужа).

ИГРАЛИ В «ДОМИК». Детство. И прятки, и ляпки, и догонялки, всякие игры были. До игры чертили на земле круги – домики. И вот – тебя догоняют, уже вот-вот осалят, а ты прыгаешь в свой кружок и кричишь; «А я в домике!» И это «я в домике» защищало от напасти. Да, домик, как мечта о своём будущем домике, как об основе жизни. Идём с дочкой с занятий. Она вся измученная, еле тащится. Приходим домой, она прыгает. «Катечка, ты же хотела сразу спать» – «А дома прибавляются домашние силы».

И лошадь к дому быстрее бежит. И дома родные стены помогают.

МОЛОДЫЕ УЧЁНЫЕ изобрели аппарат, который работает на доверии. Чем больше ему доверяешь, тем он лучше работает. Но приёмная комиссия такому изобретению не поверила. Вот и всё.

СТЫДНО ПЕРЕД детьми и внуками: им не видать такого детства, какое было у меня. Счастливейшее! Как? А крапиву ели, лебеду? А лапти? И что?

Но двери не закрывали в домах, замков не помню. Какая любовь друг к другу, какие счастливые труды в поле, огороде, на сенокосе. Какие родники! Из реки пили воду в любом месте. А какая школа! Кружки, школьный театр, соревнования. Какая любовь к Отечеству! «Наша родина – самая светлая, наша родина – самая сильная».

ОТЧЕГО БЫ НЕ НАЧАТЬ с того, чем заканчивал Толстой, с его убеждений? Они же уже у старика, то есть вроде бы как бы у мудреца. А если он дикость говорит, свою религию сочиняет, то что? Чужих умов в литературе не займёшь. И не помогут тебе они ни жить, ни писать, ни поступать по их. На плечи тому же Толстому не влезешь, да и нехорошо мучить старика. Это в науке, да, там плечи предшественников держат, от того наука быстра, но литература не такая. Наука – столб, литература – поле, где просторно всем: и злакам и сорнякам. Ссориться в литературе могут только шавки, таланты рады друг другу. Не рады? Так какие же это таланты?..

КАК Я МОГУ ДОВЕРЯТЬ французским романам, если в них нигде не встретишь фразы: «Консьержка была явно с тяжкого похмелья»?

А её русская сестра, дежурная по подъезду, бывала. Был я знаком и с другой дежурной, которая ходила в церковь и знала, что в воскресенье нельзя работать. Она и не работала. Мало того, закрывала двери лифта на висячий замок, приговаривая: «Не ходите в церковь – ходите пешком». Она этим явно не увеличивала число прихожан, но упрямо считала свои действия верными. Была бы она консьержкой, её бы уволили, но так как она была дежурной по подъезду, а пойти на её место, на её зарплату желающих не было, то она продолжала пребывать в своём звании. Как и первая, которая, опять же в отличие от консьержки, в частом бывании (по выражении мамы) добиралась утром до работы, испытывая синдром похмелья.

То есть одно из двух: или русские романы гораздо правдивее французских или парижские консьержки закодированы от выпивки.

ЖЕНЩИНА, оглядываясь на идущих за нею мужа и сына: «Не распыляйтесь», то есть: не отставайте.

Похоже, как в больнице врач пришедшим посетителям громко: «Не трембируйте коридоры».

ПОЗАВЧЕРА ПАВЕЛ Фивейский, сегодня Антоний Великий, завтра Кирилл и Афанасий Александрийские. Будем молиться! Есть нам за что благодарить Бога, есть нам в чём пред Ним каяться, есть о чём просить. Надо омыть Россию светлыми слезами смирения и покаяния, иначе умоемся кровью.

ИСКАТЬ НА ЗЕМЛЕ то ценное, что будет ценно и на небе. (Прочитал или услышал).

КОШКА ВО СНЕ – к недругу. Собака – к другу. Лошадь – ко лжи. Смешно всё это. Ко лжи от того, что ложь-лошадь? А по-немецки пферд. Где тут ложь? Исчезнет всё «яко соние восстающего», то есть просыпающегося. Лучшие сны – это река, берег, прохлада.

И ЧТО НАМ за указ Международное право. Оно уже одобряет педерастов, и ему подчиняться? Свобода ювенальной юстиции и содомии? Нет, это окончательно последние времена. Дожили. Так нам и надо.

ЗНАКОМ БЫЛ со старушкой, которая в 1916-м году, в приюте читала императору Николаю молитву «Отче наш» по-мордовски. Она была мордовкой. Потом стала женой великого художника Павла Корина. Привёл нас с Распутиным в его мастерскую Солоухин. Конечно, создаваемое полотно не надо было называть ни «Реквием», как советовал Горький, ни «Русь уходящая», как называл Корин, а просто «Русь». Такая мощь в лицах, такая молитвенность.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ на свадьбе в Керчи. Немного запомнил:

*Бывайте здоровы, живите богато
На сколько позволит вам ваша зарплата.
На сколько позволит вам ваша зарплата:
На тещу, на брата, на тестя, на свата.
А если муж будет у вас не разиня,
Получите ордены Мать-героиня.
Окружат гурьбой вас дочурки с сынками,
А как прокормить их, подумайте сами.*

ВООБЩЕ ПЕРЕДЕЛКИ общеизвестных песен, выражений, были повсеместны, это было и творчество и неприятие казённости. Тут хорошая песня «Бывайте здоровы, живите богато» не шаржируется, а расширяется. А вот, например, времён войны песню: «Ты меня ждёшь, и у детской кровати тайком ты слезу проливаешь» пели, бывало, и так: «Ты меня ждёшь, а сама с лейтенантом живёшь».

Или на мотив «Тучи над городом встали»: «Папка воюет на фронте – мамка смеётся в тылу. Папка вернётся, к мамке приедет, я ему всё расскажу».

ЧЕГО ЕЩЁ нам не хватило и не хватает? Войны, конфликты, истребление лесов, отравление воды – это же всё от нас самих. Поневоле оправдаешь и возблагодаришь Господа за вразумления: наводнения, землетрясения, огненные очищения.

ОТЕЦ ДИМИТРИЙ ДУДКО всерьёз уговаривал нас: Распутина, Бородину, меня принять священнический сан: «Ваши знания о жизни, о человеческой душе раздвинуты и помогут вам в писательском деле». Мы вежливо улыбались, совершенно не представляя, как это может быть. А вот писатель Ярослав Шипов смог, и стал священником, и пишет хорошо. Когда я преподавал древнерусскую литературу в Академии живописи, ваяния и зодчества, то просил кафедру искусствоведения пригласить его для преподавания Закона Божия. Пригласили. Но ректор донимал его вопросом: «Почему же надо подставлять правую щеку, когда уже ударили по левой? Ну нет, я не подставляю!»

– СКАЖИ НАШИМ: мы пашем.

СТАРИКИ СИДЯТ. Один торопится. «Сиди, теперь чего тебе не сидеть: старуха не убежит». – «Дак ужин-то без меня съест. Такая ли стала прожора. Со зла на меня ест». – «А с чего злая?» – «Дак всё никак не помру».

– О, У НЕГО эрудиция была трёхэтажная.

– Мат у него был трехэтажный. Из матери в мать, да из души в душу, прости, Господи. Чего вот он теперь? Там-то не поматеришься, язык сгнил.

– ЛЕТ-ТО МНЕ сколько было – копейки! Конечно, обманул. «Женюсь, женюсь». Женился, да на другой. А мне: «Нельзя быть такой доверчивой». Вот и вся тут лайф стори.

– «НА ХРЕН НИЩИХ, сам в лаптицах». Нищие играли в карты «на деревню, на куски». Проигравший обходил деревню и все поданные куски отдавал выигравшему.

РЕБЁНОК НАУЧИТ быть матерью. Такая поговорка. Отнесём её к рождению идеи. Родилась идея, и воспитает и вытянет. И сама родит. Да, если её оплодотворить. Оплодотворяется мысль. Чем? Духом.

ВЗВИНЧЕННЫЙ, ВЗДУТЫЙ авторитет Сахарова. Это ненадолго. Конечно, другого вырастят. Боннеры-то на что. А откуда боннеры, новодворские, алексеевы, ковалёвы? Из инкубатора ненависти к России. Но инкубатор – это нечто искусственное, а оно не вечно. Перестанет сатана его подпитывать, тут ему и кирдык.

Хотя, что тут обольщаться – не перестанет.

ПРИШЛО ПО СМС: «Тонкий месяц, снег идёт. Купола с крестами. Так и чудится: вот-вот понесутся сани. Ждётся и веришь в волшебство, кажется всё новым. Так бывает в Рождество. С Рождеством Христовым!» И: «Струится синий свет в окно, весь серебрится ельник. Всё ожиданием полно в Рождественский сочельник. Встаёт звезда из-за лесов, а сердце так и бьётся. Осталось несколько часов, и Рождество начнётся».

ПРИНИМАЛ НА РАБОТУ по трём параметрам: может работать, хочет работать, не обманет. И ещё – обязательно – кто жена, какая.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ: вода чистая, но мёртвая.

ВОЕВАЛИ ВРАГ с врагом, воевали друг с другом, воевали со своим народом. Надо последнюю войну: каждого со своим несовершенством. Победа или смерть перед смертью.

«ВОТ ТЕБЕ В ПОДАРОК ФЕТ, потому что ты рифмуешь. Но, рифмуя, Бога чуешь. Это значит: ты – поэт!»

СОБОЮ ВСЕГДА был доволен, своим положением никогда.

ТЕХ, КТО УСТРАИВАЛСЯ по блату, по звонку «сверху» так и называли «блатники», «позвоночники». Конечно, семейственность («как не порадеть родному человечку») была и будет. Отец очень смешно истолковывал слово «протее»: – «Это протяже, своих протягивают».

Но вот есть искусство, в котором семейственность очень предпочтительна. Это цирк. Жена Георгия Владимова, Наталья Кузнецова, дочь

репрессированного директора Госцирка, несколько раз водила нас в цирк, ходили с дочкой за кулисы. Даже я летал в Сочи в 72-м к Георгию Николаевичу, возил ему вёрстку «Большой руды», там тоже был в гостинице актёров цирка. То есть знал немного циркачей, был даже на свадьбе карликов. Там как раз задумал рассказ «Пока не догорят высокие свечи». Также написал стихотворение, в котором строка: «Попробуй по блату пройти по канату, вот тут-то семья и заметит утрату», – нравится доселе.

В ТОКИО у машин левостороннее движение, у пешеходов правое. Как понять этих японцев. Японцы думают: ну и варвары эти русские.

ДЕРЕВЬЯ ПО ПОЛГОДА в снегу, в холоде, а живы. Реки подо льдом очищаются. Так и мы: замёрзнем – оттаем. Как говорили, утешая в несчастьях: зима не лето, пройдёт и это.

ХУДОЖНИК: «Нам сказать есть чего, а не можем, а журналистам сказать нечего, а только они и болтают».

В ЯПОНИИ память о Хиросиме – государственная политика, у нас забвение Чернобыля тоже государственная политика.

ВРЕМЯ, ПОТРАЧЕННОЕ на себя, сокращает жизнь, потраченное на других, её продлевает.

«ИЗ-ЗА ОСТРОВА на стрежень», новый вариант песни. Уже поют не «Позади их слышен ропот: нас на бабу променял», а «Позади их слышен рэкет: нас на баксы променял». Такая милая хохмочка.

«МНЕ СКАЗАЛИ: Боря умер, я и не поверила: неужели в гроб засунут этакого мерина?»

«На свидание хожу к мужику Фаддею. Учит пить одеколон, я сижу, балдею».

– Видишь, какая стала худая. Вся истенётилась.

– Лучше тесно, чем пусто.

– Наука – блуд ума.

ВСЕГДА ОСУЖДАЛИСЬ пустосмешники. Звали: зубомойка, оммалызга (от ухмыляться). Вообще, показывать зубы, значит угрожать. Смех – оружие против ума. Юмор ослабляет защитные свойства души. «Зубы грешников сокрушит», чтоб не смеялись. Конечно, лучше, когда «сеющие слезами радости пожнут». А всероссийская ржачка над натужным юмором хохмачей КВН, камеди-клавов, что это? Ума это явно не прибавляет, а силы душевные и нервные утягиваются в чёрный квадрат экрана.

АПОСТОЛ ПАВЕЛ молитвой сокрушил храм Артемиды Эфесской, которая славилась возгласом: «Велика Артемиды Эфесская!». Велика-то велика, а не устояла. И кто первым возмущился действием апостола? Против него поднял возмущение медник, который производил статуэтки Артемиды. Перестали их у него покупать. То есть ему не святость была важна, доходы, на деньги мерял богиню. А она обесценилась. Кто будет покупать изображение

божества, храм которого обрушился по молитвам христианина? Так бы и нам: помолиться, чтобы бесы телевидения провалились к своим хозяевам. Нет, сил не хватает на такую молитву. А возмущаемся. Тогда другой пример, тоже из предания. Один человек проходил мимо идолов и поворачивался к ним спиной. И однажды услышал грохот. Идолы не выдержали такого пренебрежения и рухнули. Давайте и мы показывать спину идолам нашего времени. Вообще понемножку уже получается. Где теперь немцовы, ковалёвы, алексеевы, гайдари, макаревичи, хакамады, касьяновы, каспаровы, где? Уже съеживаются жваноиды эстрады, чахнет и российская примадонна и навсегда поблекла зарубежная. Не сразу, не вдруг, трудно выковыриваются из сознания: зубами держатся за известность, за деньги, за влияние на умы. Свои зубы изнасились, вставили искусственные, ими уже вцепились, но всё равно. Сказано же: «звёзды меркнут и гаснут», день наступает.

РЕЧИ ГОВОРИЛИ – птицы возмущенно кричали, когда начался молебен – замолчали.

ПАТМОС! УЖЕ я старик, а как мечтал пожить хоть немножко зимой или осенью на Патмосе, сидеть в кафе у моря, что-то записывать, что-то зачёркивать, вечером глядеть в сторону милого севера, подниматься с утра к пещере Апокалипсиса и быть в ней. Когда не сезон, в ней почти никого. Прикладываешь ухо к тому месту, откуда исходили Божественные глаголы и кажется даже, что что-то слышишь. Что? Всё же сказано до нас и за нас, что тебе ещё?

ЗВОНАРЬ САША (надевая перчатки): – Ко мне сюда и батюшки ходят. Поднимаются: «Саша, полечи-ко». Становятся под колокол. Я раскачаю, раскачаю – ж-жах! От блуждания в мыслях лечит. Мозги чистит (надевает наушники). Будет громко. (Ударил).

Да, впечатляет. Всего звоном протряхивает. Но не глохнешь. Освежает.

АРИСТОТЕЛЬ, КАТАРСИС, очищение искусством. Очистился, вышел из театра и тут же согрешил. Какой катарсис, соблазны не прекратятся до последнего издыхания.

– ЭТОТ ВАЛЕРКА – прикол ходячий. Вовремя в гараж не вернулся, утром приезжает. Завгар Мачихин ему: «У какой, тра-та-та, ночевал?» – «Ни у какой. Парома не было». – «А-а». А потом только сообразил: какой паром в январе?

С Валеркой работать – каждый день живот болит. От смеху. Сделал пушку. Серьёзно. Меня уговаривал снаряды точить. Я не стал: вляпаешься с ним. Тем более просил точить на сорок. Это ж почти сорокопятка. Но ему кто-то выточил. Стреляли. Из буровой трубы. Стенки толстые, заклепали один конец изнутри. Напрессовали алюминиевой пудры, вложили пакетик с порохом, внутрь спираль от электролампочки. Так её аккуратно разбили. А дальше провода, дальше нацелили на забор, отошли подальше, концы закоротили и – залп! Забор свалило. Потом эту пушку сделали миномётом. Заряд поменьше. Валерка свой сапог на ствол надел. Ударили! Сапог летит с воем, подошву оторвало. Баба шла с сумками, перед ней сапог – хлоп! Она аж присела. Оглянулась – никого. Бежать. Смех разобрал: Витька прыгает в одном сапоге.

– ЧЁРНОГО РОДИЛА? Как это? – А так. Когда я её в роддом вёз, чёрная кошка дорогу перебежала. – А тебя когда в роддом везли, осёл дорогу не переходил?

«ВЯТСКИЙ – НАРОД хватский: семеро одного не боятся. – Так говорили все годы, многие десятилетия. Со многими вариациями, например: Вятский народ хватский, столько семеро не заработают, сколько один пропьёт. Но сейчас силы крепнут, расхрабрились: Вятский – народ хватский: семеро одного... войска не боятся». Это кое-что.

– АХ, УЧИЛА меня мать, говорила мне мать:

– Надо землю пахать, да добра наживать.

А уж как погулять научился я сам.

Я и с Богом дружил, и с нечистым успел.

Видно, в жилах моих есть цыганская кровь.

НА ЗАБОРАХ, на остановке везде объявления от руки: «Строим дач гаражей». Такая вот суета суетина.

С ОДНОЙ СТОРОНЫ у новых богатых вопиющая безграмотность. Не отличат Гегеля от Гоголя, Бабеля от Бебеля, с другой какое-то необъяснимое стремление к строительству своего дома на святом месте или около него. Ну что ему: мало островов, яхт, пейзажей? Нет, ему надо, чтобы во время аперитива подвести гостей к высоким окнам гостиной и показать: «А тут вот Михайловское, а там (показывает) Тригорское. Читали? Скамья Онегина. Думаю, сюда перенести. Тут усадьба Ганнибалов. Чёрный был дедушка у Пушкина. И я негров заведу».

Другой: «Тут Радонеж, слышали? Патриарх приезжает. Думаю, в гости звать. Но надо же что-то достойное соорудить».

Третий: «Видишь? Возьми бинокль. Видишь? Багратионовы плеши, не так себе. Тут Кутузов на барабане сидел, там вот Наполеон, тоже на барабане. Так и сидели. Не пойму, как руководили, айфонов же не было. Или были? В общем, живу между полководцами. Кто-то там возмущается? Ну, это они завидуют. Я ещё хочу в Тарханах построиться, не как-нибудь. Представь: луна, я гуляю. О Лермонтове слышал? Выхожу, понял? один я, понял? на дорогу. Дальше не помню, неважно».

– С ЭТОЙ ПЕРЕСТРОЙКОЙ сопьёшься. А я, ей благодаря, пить бросил. Стали нас травить европейским дерьмом, спиртом «Рояль». Взял с устатку, налил рюмку, поднял – одна горелая резина. Весь переблевался. Утром и похмелья нет. Я эту «европу» приговорил к смертной казни через позор: шаранул в общественный туалет. Только схлюпало.

А кто и втянулся. Так их уже и живых нет. На это Европа и рассчитывала. Ничего, схлюпает.

– ЛУЧШАЯ рыба – это колбаса. Лучший чулок – чулок с деньгами (хохма – по-еврейски мудрость).

– МУДРОСТЬ ПРИХОДИТ вместе со старостью. Чаще старость приходит одна.

– МОЯ ПРАВАЯ нога ничего не делает,
Нога левая, кривая всё по девкам бегаёт.

САЛОНИКИ. СВЯЩЕННИК из Кении, темнокожий отец Анастасий, вместе с нами едет со Святой Горы Афон. Показывает дорогу к гостинице. Волочит огромный чемодан на колёсиках. Переехал ногу полной гречанке. Она в гневе поворачивается и... потрясённо произносит: «Отелло!».

НОВОМУ «РУССКОМУ»: «Ваш сын сделал в диктанте сто шестьдесят две ошибки». – «А вы не подумали, что он на другом языке писал?»

– ДАВАЙ, Я ПОРОВНУ разолью, у меня глаз набитый. (Другой смотрит за разливом): – Тебе б ещё морду набить.

НИКАКОГО СРАВНЕНИЯ Синодального периода нашего с Викторианским. У нас сохранилась и Россия и вера православная, они потеряли империю, вера стала прикладной, осталась только политика (ссорить людей и государство).

ЗНАК ВРЕМЕНИ – отсутствие времени. «Прошли времена – остались сроки» – говорит батюшка. Он же утешает, что людей последних времён будет Господь судить с жалостью к ним. «Страшно представить, чего переживаем, в каком аду живём».

В БУЛОЧНОЙ (ГРЕЦИЯ) взял хлеб. Показался твёрдым для моих зубов. Как объяснить? Постучал по хлебу и по столу. Мол, такой же твёрдый. Продавец обиделся ужасно. Выхватил хлеб, встал спиной. Я понял его обиду, когда вернулся в гостиницу. Вскочил, побежал опять в булочную. Объяснил, как мог, причину своего стука. Он понял, вздел руки, убежал к печи. И принёс свежайший каравай и к нему некий сосуд с некоей жидкостью, которая сразу залила и его огорчение, и мою вину.

СКАЗАЛ ВНУКУ: – Книги разные, они между собой ссорятся. Иногда до драки. Внук: – Они ссорились, а пришла Библия, и они замолчали.

Он же: – Бог как воздух: Он везде, а мы Его не видим.

И тут же он же: – Дедушка, меня вообще так плющит, что в классе есть лохи. Такие бамбуки.

ТОЛЯ (по телефону): – Ходил за грибами. Как только начинаю «Символ веры» читать, попадают. Вот тебе комментарий к тургеневскому Базарову: И грибы домой таская, я доказываю вам, что природа – мастерская, но она и Божий храм.

У ДОКЛАДЧИКА НА трибуне явный понос слов и одновременно явный запор мыслей.

В ЧИСТУЮ РЕКУ русского языка всегда вливались ручьи матерщины, технизмов, жаргонизмов, всякой уголовной и цеховой фени, но сейчас уже не ручей, а тоже река мутной, отравляющей русскую речь интернетской похабщины и малоумия. «Аккаунт, кастинг, чуваки, фигня, блин, спикер,

саммит, мочканули, понтово, короче, всё такое клёвое». В такую реку, в такую грязь насильно окунают. И отмыться от этого можно только под душем свяителя Димитрия Ростовского, Даля, Пушкина, Шмелёва, Тютчева, Гончарова, под русским, одним словом, словом.

У ЛЕРМОНТОВА: «В той стороне, где не знают обману, ты ангелом будешь, я демоном стану...». А как это может быть рядом?

И НЕОЖИДАННО, даже для себя, в припадке временной любви, объяснился ей, и искалечил и её и свою судьбу. Верил себе, когда клялся, верила, когда слушала. А ещё кто был слушатель?

ПОЛИТИЧЕСКОЕ сочинительство:

– Я тебя замучаю, как Пол Пот Кампучию.

– Ленин, Сталин, Полбубей ехали на лодке.

Ленин, Сталин утонули, кто остался в лодке?

– Нельсон борется Мандела, чтоб жизнь негров посветлела,

А у нас уж сколько лет: негры есть, Манделы нет.

– Убили, гады, Патриса Лумумбу и даже труп жене не отнесли.

– Город Владимир переименован в город Владимир Владимирович.

ВИНОВАТ ПЕРЕД многими, и чем старше, тем более виноват. Вот уже кажется, что и раскаялся и исповедовался и прощено, а всё равно достигает, летит из прошлого вина.

Обещал же врачу Маргарите Ким посвятить ей рассказ, и где он? А как обещал? Да в самую счастливую минуту жизни. Она была врач родильного дома, наша знакомая, к ней мы и приехали, когда Надя почувствовала – пора.

И вот – рука трясётся – звоно. «У вас мальчик». Боже мой! Мы же тогда не знали, кто родится. Да и хорошо, что не знали, от этого ожидание томительно и таинственно. Боже мой! Первое, что крикнул в трубку:

– Маргарита Михайловна, я вам рассказ посвящу!

Это как-то само вырвалось. То есть это, по-моему, было огромной благодарностью. И я всегда помнил про обещание. Но не было такого «медицинского» рассказа. А, казалось бы, зачем тут тематика? Она, с её интеллектом, знаниями, корейка, знаменитый врач-гинеколог могла оценить рассказ из любой области.

Ну и простеснялся. Теперь уже поздно.

ТЕКСТЫ, ВЫПИСЫВАЕМЫЕ по памяти, могли бы ответить на вопрос, как же мы при большевиках и коммунистах сохранили Бога. В душе, прежде всего. Так как тексты эти могли и пролетать мимо сознания, а душу сохраняли.

Господь, помилуй и спаси, чего ты хочешь, попроси.
Дай окроплю святой водою. Дитя моё, Господь с тобою.

Ты говорил со мной в тиши, когда я бедным помогала,
Или молитвой улаждала тоску волнуемой души.

(вначале) Засветила Богу свечку (а потом) затопила жарко печку.

Скорей зажги свечу перед иконой.
(«Русалка»)

Над главою их покорной мать с иконой чудотворной
Слёзы льёт и говорит: «Бог вас, дети, наградит».
(«Сказка о царе Салтане»)

Я вошёл в хату – на стене ни одного образа – дурной знак.
(«Герой нашего времени»)

Эти тексты спасали во времена моего детства.

В ЧЕЧНЕ, в Грозном, в пасхальную ночь, сержант из ручного пулемёта
трассером (светящимися пулями) написал в небе ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ. И
долго слова эти были видны в небе Грозного. (Очевидец)

ВОЛОДЕЧКА: «ДУША – это я, без одежды и тела».

– ПО ДЕРЕВНЕ идите, играйте и пойте,
Наших девок дерите, на нас же задирайте.

По деревнюшке пройдем, на конце попятимся,
Старых девок запряжём, с молодым прокатимся.

В РЕСТОРАНЕ, В ПОЕЗДЕ, попутчик: «Счастья всем нам хочется, и чтобы
быстрей-быстрей. Чтобы и тёща за пивом побежала, да по дороге ваучер нашла».

КАК СТАТЬ ДЕБИЛОМ за полгода? Смотреть рекламу.
Как стать зомбированным? Смотреть новости.
Как утратить художественный вкус? Смотреть современные фильмы о
России.
Как потерять сострадание? Смотреть американские фильмы.

К РЕКЛАМЕ выработать такое отношение: то, что рекламируется, не
покупать, не брать, не есть, не употреблять, не пользоваться, отвращаться,
брезговать. А всего лучше не смотреть рекламу, не смотреть телевизор. И вы-
кинуть его вообще с седьмого этажа на асфальт, когда на улице нет прохожих.
А потом спуститься и, или самому подмести эти электронные кишки и выки-
нуть их в мусорку, то есть в контейнер для вывоза отходов, или дать двор-
нику приличное вознаграждение. Оно стоит того. И вернуться в дом, и занять
освобождённое место иконой.

ДИВУ ДАЁШЬСЯ, как легковёрны люди, как поддаются внушению. И по-
всемирное кумиротворение. Ну какие же это великие: пугачёвы, резники,
шифрины, макаревичи вся эта эстрадная шайка хохмачей, всё это хрипящее
и визжащее телевоинство. А ведь смотрят, а ведь волокут им свои кровные
рубли. Педераст на экране, и все знают, что педераст, и смотрят, как это по-
нять? И хлопают.

Что удивляться, уже и покойникам хлопают. Хотел пойти хоронить Зо-
лотухина, были же знакомы, хотя именно он противился постановке уже

готового моего спектакля «Живая вода», чем очень угодил Эфросу, да и это
бы Валере простил, но как вспомнил, что открыто он жил с двумя жёнами,
это-то его дело, но он публично это оправдывал, а это так грешно и противно,
да больше того – представил, как гроб повлекут к выходу, и начнутся апло-
дисменты. Нет уж, Валера, прости, Господи, Бог тебя простит.

Да, гроб на Таганке. Абрамов всерьёз возмущался, что ему и Любимову
запретили в пьесе («Деревянные кони») носить гроб по залу. Мы с Распути-
ным дружно встали на сторону запрета. Зачем гроб, зачем эти похороны Рос-
сии? Этим и Можаев был болен, и Тендряков, и, конечно, Астафьев. Белов-то
более их всех знал о гибели деревни, но сила таланта такова, что читаешь его
«Привычное дело», «Кануны», «Час шестой»... и все равно жить хочется.

СКОЛЬКО НУЖНО ВРЕМЕНИ, чтобы убедить людей в том, что земля
плоская? Год? Смеётесь. Три месяца! Да какое там! Две недели. Объявляются
выводы многолетних трудов великих учёных, наваливается свора знаменито-
стей, только и делов.

ЦАРЬ ГОРЫ. Спросил сына, знает ли он игру «Куча мала». Он сказал, что
они в детстве играли в игру «Царь горы». То есть тот, кто захватывал верши-
ну какую, холмик, возвышение, тот и царь. Конечно, его спихивали. Какой бы
ни был сильный, всё равно спихивали, никому долго не удержаться.

И сколько ж у нас было «царей горы»? Хрущёв, Брежнев, Андропов, Чер-
ненко, Горбачёв, Ельцин, Медведев, теперь Путин. А почти это через пять-
десять лет, и список продолжится. Какие они цари горы, скорей захватчики
пирамиды. Пирамиды искусственной. От которой кормятся свои, остальных
отторгают.

Выборная власть людей ссорит, наследственная сдруживает.

СПРОСИЛ И ВНУКА о «Царе горы», оказывается, и он со сверстниками
играл. Несколько иначе. Зимой все для начала залезали на ледяную горку, и
по команде сталкивали друг друга. Оставался «царь». Его начинали обстре-
ливать безо всякой жалости, даже ледышками, и большими. Атаковали. Свер-
гали. И по новой.

С одной стороны отношение к войне изменяется в сторону всё более лёг-
кого к ней отношения. Мы играли в войну, сын играл в военку, а внук играет в
войнушку. То есть вроде игра всё несерьёзнее. Но с другой стороны, игры эти
всё ожесточённее. Разве могло быть у нас такое, чтобы бросаться ледышками,
твёрдыми кусками глины, чтобы «пленных» привязывали к дереву и давали
пинка. Ужас. Что-то непрерывно сдвигается под уклон к пропасти.

ПАЧЕЧКА ЗАПИСОК ИЗ 90-х ГОДОВ со встреч с читателями. Жаль их
выбрасывать. Отвечал на них так:

«Фольклор – это не культура сарафана и не культура балаалайки. А что
это?»

Да. Образ фольклора сложился от недостаточной его изученности. Образ
этот далёк от реальности. Сумеет подивиться тому, что фольклор существу-
ет тысячи лет и не умирает, а как плодородный слой земли питает настоящую
русскую культуру. Хотелось бы, чтобы об этом и говорилось сегодня. О силе
необыкновенной народного слова, его неистребимости и жизнестойчивости.

А пока на нём спекулируют, им кормятся. Но не преподносят его так, что он выше сочиняемого искусства.

«Кого из нынешних руководителей нашей страны Вы считаете способным поднять Россию с колен? Народ народом, но руководитель-то нужен».

Нужен. Но с чего вдруг многие говорят про какие-то колени? Никогда Россия на коленях ни перед кем не стояла. Молиться надо. А в молитве тут да, тут на коленях надо перед Богом стоять. Кто бы ни властвовал, Россия всех переживёт. Лишь бы не анархия. Нравится руководитель – молись и за него, не нравится – тем более молись, чтобы Господь вразумил.

«Когда вы поняли, что можете писать для людей?»

Думаю, что стихотворение в школьной стенгазете, оно уже для людей. Пишется же для прочтения. Есть такое писательское кокетство: пишу для себя. Тогда и помалкивай, и не пузырься от собственной значительности.

«Считаете ли Вы себя великим писателем?»

Ну, ребята, мы же в России, а в России писателю вначале надо умереть, да подождать лет хотя пятнадцать, тогда и будет понятно, чего он стоил.

«Среди глобальной целенаправленной разрухи, предательства, в чём Вы видите спасение для человека простого, “мизинного”?»

Знаю, что ответ не понравится, но скажу: терпеть надо. «Поясок потуже! Держись, браток, бывало хуже». Я такие пределы нищеты и бедности испытывал вместе с людьми, что нынешнее состояние кажется изобильным. Хлеб есть, вода есть, чего ещё? Да, соль, да, картошечки. Масла растительного. Жить можно. И нужно.

«Что такое смысл жизни?»

Спасение души. Не живот же спасать, сгниёт же всё равно.

«Что такое счастливая жизнь?»

Спокойная совесть. И чтобы был доволен малым в вещах и в еде.

«Как Вы представляете жизнь после смерти?»

После смерти жизнь только и начинается. А при земной жизни надо её заслужить. То есть она всё равно будет, но какая?

«Что такое любовь?»

Постоянное состояние заботы о любимом.

«Сейчас в изучении языка аналитическая структура выходит на первый план, а смысловая преподносится как иллюстрация правила. Не опасно ли это?»

Конечно, опасно. Вообще алгебра убивает гармонию. В изучении слова нужно идти от этимологии слова. Обязательно знакомить учеников с «Корнесловом» адмирала Шишкова. И Даль не случайно строит свой Словарь гнёздами слов. Любо-дорого: род, родник, родина, народ, сибирское родова, порода. А взять древнерусского певца Бояна, Баяна. «Боян бо вещий, аще, кому хотяше песнь творити...». Зря разве музыкальный инструмент назван

баяном? «Играй, мой баян, расскажи всем друзьям...». А парень может быть обаятельным. И он может обаять, обаять, оболгать, просто говоря, доверчивую девушку. Такие начнёт «байки» рассказывать.

«Что Вас побудило написать первый рассказ?»

Не знаю. Может быть, желание напечататься? Это же лет в 13-14 было. Или желание, чтобы узнали о моём селе. Писал же в газеты, областную и районную.

«Вы хотели, чтобы Ваши внуки были писателями?»

Ни да, ни нет. Как Бог управит. Одно скажу: и раньше это было тяжело, а сейчас и вовсе. Мне легко именно от того было, что выросстал без телевизора, без компьютера, без всей этой оглушающей, подчиняющей, зомбирующей машины, диктующей образ мыслей и поведения. Внуки мои, конечно, как и любые внуки, самые лучшие, одарённые. Так ведь и дети были всех лучше. Однако ж не пишут.

«Расскажите о проблемах, трудностях Вашей работы».

Никаких ни проблем, ни трудностей. Одно нелегко – дожидаться состояния, при котором можно спокойно сесть за стол. То сам болен, то жена, то тёща, то дети-внуки. То куда-то зовут, то чего-то просят, то ещё что. А писать легче лёгкого. Какие там «муки слова». Не пишется – не пиши. Может, от того так говорю, что с детства слышал выражение: «Мы – вятские, как говорим, так и пишем». Кстати, это и критики замечали, что «читаешь его (мою) прозу и кажется, что он сидит рядом и сам тебе рассказывает». Достоинство или недостаток, не знаю.

«Достаточно ли таланта, чтоб стать писателем?»

Достаточно, конечно. Талант есть, уже не графоман. Но каким писателем? Русским писателем становятся тогда, когда взваливают на себя ответственность за всё происходящее в России. Когда чувствуют вину перед ней. Ещё помню встречи с читателями в восьмидесятые годы. Записки из зала: плохо дело с охраной природы, отстаём в производстве электротехники, низки удои, колорадский жук поедает картофель и тому подобное. И вопрос: «Куда смотрят писатели?». То есть русский писатель виноват во всех бедах. И это правильно. Так что, дал тебе Господь талант, надо его отработать. Никто же тебя не хуже, но ты способен больше сказать.

«Вот Вы сказали, что куклы Барби, Синди несут пошлость, что они причают не к материнству, а к разврату. Как же так? Их же делают люди».

Именно. Сами взрослые несут детям привычку только к удовольствиям, как молодёжь говорит, к «развлекухе». Делается всё специально. Покемоны всякие, игры со стрельбой и трупами, игры в монополии. Как с этим бороться? Трудно, конечно. А как вы хотели – детей без борьбы за них спасти?

«Спасут ли реформы Россию?»

Нет. У нас давно зациклились на этом слове. Реорганизация, реформы. Где реформа, там усиление того против чего задумана реформа. Реформа, чтоб уменьшить число чиновников, число их увеличивает. Объявляется Год русского языка – и количество часов на его преподавание сокращается. Россию

спасёт любовь к ней. Потерпевших поражение в Мировой войне Японию и Германию спас патриотизм. И там и там я бывал. Конечно, наши потери, наши разрушения были гораздо страшнее, но разруха и их посетила. А поднялись быстро. А у нас всё нищета да нищета. У русских. Почему? Другим последнюю рубаху отдавали. Вот за это другие и наплевали на нас. «Не вспоивши, не вскормивши врага не наживёшь», такая пословица. Когда-то же надо было и о себе подумать. Какие тут реформы? Одна болтовня для дураков.

«Как Вы относитесь к именам Вован, Толян, Колян?»

Конечно, не так, как Толян и Колян. Но им, видимо, нравятся такие клички. Видимо, они из новой породы полулюдей. Называются «чуваки» У их детей отчества получаются очень красивые: Анжела Вовановна.

«Хотели бы Вы быть президентом России?»

Уж спросили бы: хотите ли быть царём? А то президентом. «Президент как резидент всего нерусского в России», – сказал поэт. Нет, не смогу: слишком жалостлив. Но, по большому счёту, и президент может быть русским. Как Александр III.

«Как Вы считаете, имеет ли сейчас Церковь влияние в нашей жизни?»

Имеет, и решающее. Перестройка убила оборону, экономику, идеологию, а Россия жива. Кто спас? Церковь. Другого ответа нет.

«Реальные ли события в Ваших повестях “Живая вода”, “Великорецкая купель”, “Арабское застолье”, “Повестка”, “Крестный ход”, других».

А как иначе? Если там что-то убавлено, прибавлено, так это не очерки. Пожалуй, только повесть «Сороковой день» полностью привязана к фактам. Но она по жанру – повесть в письмах. Преимущество прозы в том, что она освобождает от привязанности к документу, ей важно выразить дух времени. Не то, как произошло событие, а почему оно произошло и более этого. Скажем так: радио говорит, что произошло, телевидение показывает, как произошло, газета-журнал объясняют, почему произошло. Но как объясняют? Объясняют, как приказано объяснить. Писатель обязан объяснить событие с единственно правильной точки зрения, народной, то есть православной. «И неподкупный голос мой был эхо русского народа», вот этого бы достичь.

«Совесьть – Бог русского человека. Как Вы понимаете это выражение, которое у меня на слуху со школьных пор, а мне уже пятьдесят?»

Нет, всё-таки надо говорить, как учат святые отцы, что совесьть – это голос Божий в человеке. Нам отчего-то же иногда стыдно, иногда радостно. Не просто же так. Голос Божий. Всегда подскажет, верно ли поступаем. Только надо его слышать и не глушить грехами. Есть же и безсовестные.

«Вы сказали, что “одноглазое дьявольское бельмо” телевизора ничему не учит, только борьбой с перхотью, а как же исторические и научные фильмы?»

Их же можно дома смотреть. Покупать их, купить плеер. Хотя бы будете без рекламы смотреть. Да и в выборе фильмов надо быть бдительными. Должно выработать в себе такое собачье чутьё, какой фильм душу спасает, какой гонит в бездну. Уныние от просмотра или желание жить и любить?

«Работаете ли Вы в данный момент над каким-либо произведением. Если да, когда оно будет закончено?»

Вообще, конечно, работа постоянна. Если и не за столом, то всё равно все мысли о ней, о работе. Идешь с женой, она: «Да ты же меня не слушаешь!» И она права: не слушаю, и я не виноват, что не слышал: меня же всецело мучит то, над чем работаю. А когда закончу, Бог весть.

«Как Вы вдохновляетесь, чтобы писать произведение искусства?»

Это к поэтам. Вдохновения у меня не бывало. То есть, может, и бывало, но я не понял. А вот слово: «надо» у меня постоянно. Пишу рассказ, звонят: надо предисловие, надо рекомендацию, надо на заседание, надо поехать, надо, надо. Всё надо, а рассказ, не родившись, умирает. А что умерло: произведение искусства или случай из жизни, уже не понять.

В ЦЕРКВИ МАМА И ДОЧКА лет трёх, может, чуть больше. Мама худенькая, но сильная. Легко её поднимает, чтобы и она прикладывалась к иконам. Дочка носит с собою куклу и прикасается ею к иконам. Около иконы Божией Матери большие букеты цветов. Крупные белые и красные розы. Дочка притыкает личико куклы к каждому бутону. Но ко всем не успевает, мама отдёргивает. Идёт служба. Перед причастием мама решительно берёт у дочки куклу и прячет в кармане. Обе причащаются. Потом дочка возвращает себе куклу и прикладывает её к тем розам, к которым до этого не успела приложить.

ТАКАЯ ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ, что успел узнать и восточный и западный тип человека. Конечно, были они интересны. Ещё бы, после стольких лет раздельного бытия. Ну вот, узнал. И стали эти типы мне неинтересны. По отношению к русским, что тот, что другой одинаковы: что бы ещё такое получить с России. Так что новый вид железного занавеса я бы приветствовал. Чему мы, особенно у Запада, научились? Рекламе, борьбе с перхотью, отравляющим добавкам, разврату, гордыне? Я искренне рад санкциям против нас. Ничего, потерпим. Зато своё производство должно заработать.

ЛИБЕРАЛЫ, ВАРЯГИ, они не на земле живут, на территории.

– НАЧИНАЕМ конопатить пятый угол от дверей. Бабы ходят по вечерам, караулят дочерей.

Какая в тексте ошибка? Правильно, пятого угла, считая от дверей, нет. А то, что ходят и караулят, это точно.

СВИСТ В АДРЕС русских писателей – это признание их любви к России, её защиты. И это знак ненависти к России этих свистунов. И показатель их слабости. Ну, торчат на экранах, ну, премии сшибают, ну, вроде известны. А больше их были известны сотни других, и где они теперь, в каком уголке народной памяти? Такого уголка для них нет, только в каких-то авторефератах тиражом по сотне экземпляров да в диссертациях тиражом менее десяти. Причина? Языка в произведениях нет, русского языка. А если Россию не любишь, так какой у тебя русский язык? Ты её шельмуешь, а ещё хочешь, чтоб тебя и читали. А тексты твои – суррогат, который ум отторгает. Не та пища. Не насыщает. И будешь прочно забыт. А книги твои забыты ещё до твоей смерти. Обидно? А как ты хотел?

(После встречи на улице с когда-то знаменитым К. Я думал, он уж и нежив. Нет, высох, но ползает. И видно, что встреча ему неприятна. А мне его жалко: ведь жил-то он всю жизнь в России).

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР предсказал, что Третье тысячелетие будет принадлежать христианству Достоевского. Такое предсказание от ума. Будут же у павшего мира и другие распорядители. Достоевский – христианин без радости. С ним тяжело. Но, может, я излишне придирчив. Также и с Толстым. Есть же у нас батюшка Серафим. Есть же малое стадо Христово, есть же «острова спасения мнози».

СТАРЫЙ ВОЯКА: – Лозунги были: «Добей врага в его траншее!», а получалось: «Прицел ноль пять, по своим опять! Вперёд ребята, сзади немцы!» Но немцы, учти, как только наши в рябых майках в атаку идут – сразу бежали. (Рябые майки – тельняшки). В детстве книга «Морская душа».

– ЛАДНО, НЕ ГРОЗИ, не грози! Ещё встретимся!
– На том свете?
– Естественно.

– ОЙ, ЭТО ЛЕШОЙ, а не ребёнок: семь кучек наклал, ещё кряхтит. И такой ли безсовестной: от парной кучки отопрётся. «Не я и всё!». Да у него и мать такая же.

ПОЛКОВНИК в войну, посылая парламентаря: «Скажи им: воевать мы согласны, но в плен брать не будем».

Те сразу сдались.

– С ХОРОШЕГО ПОХМЕЛЬЯ бутылку искал. Ведь была же, была! Ей говорю: «Ты где хоть? Не видишь, человек помирает. Хоть аукнись». Так мучился! Лекарство же искал, не для пьянства же. И через неделю, вот она, собака! Поехал в лес, начал валенки надевать, она в валенке. Из горла всю выпил, выкинул. Так ей и надо. И в лес не поехал.

ИЗ ДЕТСТВА ОТ дедушки: «Наша жизнь, словно вскрик, словно птицы полёт, и быстрее стрелы улетает вперёд. И не думает ни о чём человек, что он скоро умрёт и что мал его век».

КУЛЬТУРА КАК САМОЦЕЛЬ – полный тупик. Она может быть орнаментом на сосуде веры. Или проводником к паперти храма. А дальше надо самому шагнуть. Старуха, которая при Петре плевала на голых мраморных «античек» в Летнем саду, была культурнее офранцузенных дам.

А ведь на Святой Руси заслушаться иностранной песенкой считалось не просто грехом, а проклятьем, губящим душу. «Возрождение» Запада есть вырождение и религии, и культуры. Уход в новое язычество. И это готовилось миру. Да во многом и отравляло. Какое возрождение? Возрождали язычество, ещё более его приукрашивая. Тело, плоть. Искусство того времени показательно: натюрморты вместо святых, амурчики вместо ангелов. Своя и церковь при поместьи. И священник свой. Разве ж он барину, графу, князю,

вассалу грехи не отпустит? Это надо быть митрополитом Филиппом, чтобы правду царям говорить.

– СКАЗАТЬ ТЕБЕ секрет русского запоя? Сказать? Вот я выпил. С горя, с радости, безразлично. Стало хорошо. Но мы же русские: если хорошо, то надо ещё лучше. И понеслось. Но главное – мы же внутренне понимаем, что жизнь наша тут временна. Раз временна, то пусть скорее проходит. А в запое она птичкой пролетает. То есть жизнь себе сокращаем. Получается, что специально. Никто ж тебя не заставляет в запой уходить. Сам. Ну да, змий ищет меня поглотить. Но меня не проглотит. Проглотит, а я ему там всё облюю, выпустит, извергнет. А очнусь, тут я сам виноват. Это жене выгодно – пилит, и вроде за дело. А я не заметил, как две недели прошло. Опять поближе к концу.

В монастырь? Нет, мне не вытянуть. Конечно, хорошо старцам – горы, воздух, тишина, тут город, бензин, шум, грохот. Так ведь и дети тут, и та же жена, им-то как без меня? Ещё и от этого пью.

БИЗЕ, «КАРМЕН». Эскамильо: «Тореадор – солдату друг и брат (а тореадор чего-то отвлекся. Ему): Эй! Там ждёт тебя любовь».

ЭСТЕРГОМ, ВЕНГРИЯ, унылый Адам, переводчик. Еврей из России. «Спрашиваешь, чего уехал? Там у вас (уже «у вас») зарплата как пособие на карманные расходы». – «Так здесь чего такой тоскливый?» – «Тут получше. Но тоже. Товарищ во Францию зовёт. Думаю». – «То есть ты как тот еврей в анекдоте: и тут ему плохо, и там плохо. А хорошо в дороге?».

– ДЕЛА ДА СЛУЧАИ меня замучили.

– КАК ЭТО «ИСТИНА» сделает вас свободными? Я и так свободен.
– А ты куришь?
– Да. А что, это препятствует свободе? Хочу и курю.
– Как раз это несвобода. Рабство греху. Ты такой большой и зависишь от этой, тьфу, сигаретки – шмакодывки. И ты её раб. Как? А вот посидим ещё двадцать минут и ты задёргаешься, тебе надо курить, как же не раб? Так что, «Всяк, делающий грех, раб греха». А конец греха – смерть.

– А ты не куришь и не пьёшь, ты здоровеньким помрешь.
– Смерть-то не физическая, душу убиваешь... Чего молчишь?
– Курить пойду.
– А пойдёшь курить и Витьку вспомнишь. Ему позвонишь: Вить, давай пивка по кружечке. А встретитесь: Чего это мы пиво пьём, печень мучаем. Давай водочки. Выпили: А ты давно Лерке звонил? Скажи, чтоб с подружкой приехала. Так? Грех грех тянет.

– ЧАЮ, ЧАЮ накачаю, кофею нагрохаю.
Я отсюда уезжаю, даже и не взохаю.
Уезжаю, уезжаю, и наказываю вам:
Не ругайте мою милочку позорными словам.

– ЭТО БЫЛО... это было? А! В день мониторинга. Точно!

МАТРЁШКА «ЕЛЬЦИН» появилась на Арбате, точно помню, в 91-м, после свержения тогдашних безхребетных властей. Когда всё стало можно. В форме матрёшки была не матрёшка, а нарисованный Ельцин. Матрёшка открывалась, в ней оказывался «Горбачёв», в нём «Брежнев», в «Брежнев» «Никита», в «Никите» маленький «Сталин», в «Сталине» совсем маленький карлик «Ленин».

Всё это была потеха для иностранцев и для быдла. Увы, даже докатился до названия такого. А что? Неуважение к властям признак или тупости, или своенравия, или зависти. Конечно, власти – дерьмо, но лучше пусть такие, чем анархия. И не нам судить.

ДОЧКА ПРИШЛА и присела, и молчит. Я сижу, читаю. Она (обиженно): «Я сижу, как пустота. А ты говоришь: природа не терпит пустоты». Сорок лет прошло, а помню.

СУДЬЯ ТАТАРИНУ: «Вы всю жизнь живёте среди русских, в документах значится, что вы закончили русскую школу, и вы до сих пор не выучили падежи». – «Выучил, – отвечает татарин. – Я был именительный падеж и она именительный. Я сделал предложный падеж, она ответила дательный. Мы вместе творительный, а если вместе, то почему я должен быть один винительный?»

НА ПЛЕНУМАХ, СЪЕЗДАХ, заседаниях, собраниях, сколько же лет, именно лет, высидел. Это была такая писательская дементность. Мы памятники себе созидали, начиная чугунеть с задницы.

СЕРДИМСЯ НА ТВ и эстраду, а что сердиться? Чего и не стричь баранов? Это показатель падения культуры. Она ушла от культа культуры и пришла к кассе.

Это давно начиналось. Замена житийной литературы литературой художественной, замена описания подлинного подвига реальной жизни святого «художественным образом» – это было бесовской заменой святости на щекотание нервов. Это не «лишние люди» в литературе, это такая литература лишняя. Что она дала? Раскрыла двери для революции?

Да нет, никого тут нельзя винить? Бог всем судья. И хлеба хватало, и зрелищ, и кто виноват, и что делать, было всё. Даже и вопрос пилатовский: что есть истина, цитировался. Но Истина стояла перед ним и нами. До сердца не доходило. А в голове, когда пустая, ветер гуляет, а когда чем забита, то уже от сердца в неё ничему не подняться.

ВРЕМЯ ДАНО нам в наказание. Время – судья, время лечит, говорится вроде как утешение. Но главное: время приближает Страшный суд. Страшный. Страшно. Тут одно спасёт – молитва. Молюсь я – отодвигаю Страшный суд. Не молюсь – приближаю. Время неотвратимо, неотодвигаемо, неумолимо, неизбежно. Вон, часы настенные подарили, как неостановимо несётся секундная стрелка. Как только у неё голова не закружится?

ИЗ ДЕТСТВА. Кто-то кому-то сказал известие о смерти жадной женщины. Тот в ответ: «Хлеб на копейку подешевеет».

И из детства же, о нерадивой хозяйке: «У неё за что нихвати, всё в люди идти».

И оттуда же. Пиканка. Из консервной жести делали наконечники для

стрел. А луки были сильные, тугие, из вереска. Стреляли в фанеру – пробивало. Стреляли в доску, у кого пиканка глубже воткнётся. Вытаскивали осторожно, раскачивая за жестяной кончик. Охотились на ворон. У меня не получалось.

Ещё помню: набирала в грудь воздуха и громко, без передышки, говорили: «Эх, маменька, ты скатай мне валенки, ни величеньки, ни маленьки, вот такие аккуратненьки, чтоб ходить мне по вечерочкам, по хорошеньким девчоночкам, провожать чтоб до крылечечка, чтобы билось сердечечко...», дальше ещё что-то было, забыл. Видно от того, что только на этот текст хватало воздуха.

– «ДЕВКИ, ГДЕ ВЫ?» – «Тута, тута» – «А где моя Марфута? Не гуляет тута?»

– «БЮРОКРАТЫ КРУГОМ такие ли: бегал за трудовой книжкой по кабинетам. Одна сотрудница бланк мой потеряла, валит на меня. А я его ей отдавал. Она: “Ищите на себе”. Извините, говорю, бланк – не вошь. И что? И разоралась, и ещё три дня гоняла. Ладно. Потом вышел, гляжу, она к остановке идёт. Я про себя ей как бы говорю: “Бога ты не боишься”. И она тут же, вот представь, на ровном месте запнулась. Я же и подбежал поднять».

ХИРУРГ: ТРУДНОСТЬ в том, что у людей разное измерение боли. Прощупываю: «Тут болит? А тут?» Терпеливый терпит, а неженка стонет от пустяка.

Вспомнил, как мама говорила о городских женщинах: «Их-то болезнь – наше здоровье». То есть в поле, в лес, на луга, к домашней скотине ходили при температуре, при недомоганиях, ломотье в пояснице, в суставах, с головной болью. О гипертонии не слыхивали, хотя она, конечно, была у многих. Надо работать, и всё.

Бельё мама полоскала в ледяной воде. «Ночью потом руки в запястьях прямо выворачивало. Подушку кусаю, чтоб не застонать, вас не разбудить».

– НЕНАВИЖУ БАБ! Ты погляди на них, хоть на базаре, хоть в автобусе, все больные. А ведь перескрипят мужиков.

– ТЫ ХАПНУЛ комбинат за десять миллионов, а он стоит сто. Ты владей, но разницу государству верни.

– НЕОКЛЕВЕТАННЫЕ НЕ спасутся. Напраслина на меня мне во спасение, так что продолжайте меня спасать, реките «всяк зол глагол лжуще».

НА КАМЧАТКУ ПРИЕХАЛИ молодые супруги. Заработать на квартиру. Дочка родилась и выросла до пяти лет. Это у неё уже родина. А деньги накоплены, и они свозили дочку к родителям. И уже вроде там обо всём договорились. Возвращаются за расчётом. Дочка в самолёте увидела сопки и на весь самолёт стала восторженно кричать: «Камчаточка моя родненькая, Камчаточка моя любименькая, Камчаточка моя хорошенькая, Камчаточка моя миленькая!» И что? И никуда ни она, ни родители не уехали. Именно благодаря ей. Сейчас она взрослая, три ребёнка. Преподаёт в Воскресной школе при Епархии.

Очень я полюбил Камчатку.

– ДАЙТЕ МНЕ АПЧЕХОВА, просил я в библиотеке детства. То есть я Чехова уже читал, но фамилию его запомнил по корешку, на котором было «А.П.ЧЕХОВ», то есть Апчехов. Мало того, я не знал значения сокращений. Например, мистер обозначалось «м-р», доктор «д-р». Так и читал: «Др Ватсон спросил мра Холмса». Или, господин «г-н». «Гн Вальсингам». Не знал и что буква «о» и точка – это отец. «О благочинный ласково благословил отрока».

Но читал же!

БАНЩИК ВАНЯ у Шмелёва «читал-читал графа Толстого, дни и ночи всё читал, дело забросил, ну в башке у него и перемутилось, стал заговариваться, да сухие веники и поджёл». («Как я ходил к Толстому»).

ТАК ВЛЮБИЛАСЬ, что когда собиралась ему звонить, то перед этим причёсывалась.

– КОГДА ЖЕНА наступает на горло собственной песне, это её дело, это я могу понять, но за что, «за что, за что, о, Боже мой?», она передавливая горло моей песне? Причём, ведь что ужасно, как бы моей песне подпевая.

– ДОРОГУЩИЙ КОНЬЯК подарили. Принёс, горжусь. А жена: «какая тебе разница, чем напиться?». На, говорю, и весь коньяк в кадку с фикусом вылил. У нас фикус огромный, всё время помногу поливаем. Вылил, сам рванул питьё отечественного производителя. Уснул, просыпаюсь: песня. Откуда? Фикус поёт и листьями качает.

НА ЛЕКЦИИ В СТУДЕНТАХ пускаю записку по рядам: «Сколько можно штаны протирать и на доцента глазеть? Давайте сбежим и возьмём на ура художественный музей».

И ещё помню записку: «У студентов обычно нет промокашки. “Что мы, разве мы первоклашки?” Лист промокашки скромн, неярк, но ах, какой это был бы подарок. И собрав угасающую отвагу, я прошу промокательную бумагу». Студентки смеялись, бумаги надавали. А зачем просил, не помню.

«Дни, как грузчик, таскаю зазря. Но есть выходной с лёгким грузом. Завтра просплю я тебя, заря, и встану с голодным пузом».

«В болтовне язык не точится. В болтовне ум истощается. Но молчать совсем не хочется. И мораль вся тут кончается».

«Не выношу молчания, молчанье – пустота. Поэтому с отчаянья играю роль шута».

Это из сохранившихся студенческих.

А вот оттуда же, и как только сбереглось? М.б. 63-64-й г.

*Отголоски войны мучат, как вулканов разбуженных пляска.
На прогулке дедушка с внуком. Старый с малым. Оба в колясках.
Старый малым был, бегал в ораве босиком по дорожной пыли.
Рос, работал. Война. Переправа. Медсанбат. Наркоз. Инвалид.
Ни о чём он сейчас не жалеет, об одном только мыслит с тоской:
Неужель его внучек, взрослея, доживёт до коляски другой?
Неужель и в 20-м столетии справедливость не кончит со злом?
Неужель к небу тянутся ветви, чтобы, выросши, стать костылём?*

*В мире чертятся прежние планы – бросить нас к фашистским ногам.
Это значит – могилы как раны, это значит – окопы как шрам.
Это значит – невесты без милых.
Мир трёхцветно будет обвит: белый с чёрным – гробы в могилах.
Белый с красным – бинты в крови.*

*Память горя – нужно горе, чтобы новых не было мук.
Дед со внуком в колясках, но вскоре
Из коляски поднимется внук.*

АРМЕЙСКИЕ СТИХИ почти не сохранились. Но, дивное дело, сохранилась страничка, исписанная рукой брата. Он сохранил стихи, которые я посылал ему из армии в армию.

*Батарея шумная разбежалась спать,
Я сижу и думаю, что бы вам послать?
Ну, стихи солдатские вам читать с зевотою,
А старьё гражданское помню с неохотою.
И в полночной тишине мучает изжога,
Засыпаю. Снится мне, что кричат: «Тревога!»*

И прочёл сохранённое, и вдруг ощутил, что многие живут в памяти. Надо их оттуда извлечь. Первые армейские, когда ещё живой ракеты не видел, были бравыми:

*Меня «тревога» срывала в любую погоду с постели
Сирены ночь воем рвали, чехлы с установок летели.
Звёзды мигали спросонок, луна на ветвях качалась,
А где-то спали девчонки, со мною во сне встречались.*

Лихо. Всё врал: «тревога» не срывала и так далее. Да и какие девчонки. Уходил в армию, поссорясь с одной и отринутый другой. Потом были стихи покрепче.

*Тополя хрупкий скелет у неба тепла молил,
Старшему двадцать лет. Взвод в караул уходил.
Штыков деловитый щёлк, на плечи ломкий ремень.
Обмороженных неба щёк достиг уходящий день.*

Или:

*Эх, жись, хоть плачь, хоть матерись:
Три года я герой.
Раз мы сильны – молчит война,
Раз мы не спим, живёт страна.
А я не сплю с женой.*

Это я для одного «женатика» написал.

Или:

*Ты мне сказал: «Послушай, Крупин, – и сплюнул окурок в окно,
– Дай мне свой боевой карабин, хочу застрелиться давно».*

Дальше шли мои зарифмованные уговоры отказаться от суицида, а завершалось:

*– Мысли твои, чувства твои, как и мои рассказы –
Это в клетке казармы поют соловьи,
Это буря в ребячьем тазике.*

И ему же:

*Как разобраться в жизни хорошенько?
Ух, как она прибрала нас к рукам.
И нам с тобой, сержант Елеференко,
Служить ещё как медным котелкам.*

По «заявкам трудящихся» сочинял частенько. Одно моё «творение» очень было популярным:

*Упрёки начальства, заборы, мелочью стали ныне:
Сердце робость поборет, сердце в разлуке стынет.
Смирительную рубашку на гордость не примет сердце.
Я горд, от тебя, Любашка, мне уже некуда деться.*

Это извлечение из середины стиха. А сочинилось оно «из жизни». Рядом с нашей сержантской школой в подмосковном Томилино (потом мы переехали в Вешняки) были огромные армейские склады, и нас, совсем зелёных, ещё «доприсяжных», гоняли туда. А нам и в радость. Это ж не полоса препятствий, не строевая подготовка. В этих складах были не только обмундирование, топливо, всякие запчасти, и еда была. Таких, похожих на пропасть, ёмкостей для засолки капусты мне уж больше и не увидеть. И там, на этих складах, моё свободное сердце (а когда оно не свободно у поэта?) увлеклось учётчицей Любашей. Таких там орлов, как я, были стаи, но я-то чем взял: увидел у неё учебник литературы для школы. Оказывается, готовится к экзаменам в торговый техникум. Предложенная моя помощь ею отринута не была. Тогдашние экзамены требовали не собачьего натаскивания на ЕГЭ, сочинение требовалось и устный экзамен тоже. Ну, вот. Она жила в доме барачного типа недалеко от части. И я, я рванул в самоволку. Любовь делает нас смелыми. Там проволока была в два ряда и собаки. Но собаки были давно прикормлены, своих не трогали, а в проволоке были секретные проходы. А чтобы тебя часовой пропустил, надо было сказать пароль: «Рубите лес!», – а часовой отвечал: «Копай руду». И всё, и зелёный свет.

И вот я сижу у Любаши, и вот ей вручены мои стихи, и она: «Ах, это мне? Врёшь! Списал!» И вот надвигается чай, я развожу тары-бары про образ Базарова или ещё про кого, образов в литературе хватает. Далее – я не выдумал – дверь без стука открывается от пинка, и на пороге огромный сержантюга из стройбата. Любаша, взвизгнув, выпрыгивает в окно. Оно открыто, ибо это ранняя тёплая осень. Сержант хватает меня за грудки, я возмущённо кричу: «Ты разберись вначале! Я ей к экзаменам помогаю готовиться». На столе, как

алиби тетради и учебники. Сержант не дурак, понимает, что ничего не было. Садится. Из одного кармана является бутылка белой, из другого красной. Выпиваем. Молчит. Знает, где что лежит у Любаши, ставит на стол. Закусываем. Ещё выпиваем. После молчания: «А знаешь, хорошо, что я тебя застал. Я же на ней жениться хотел. А если она так к себе парней будет затаскивать, что с неё за жена?» – «Я не парень, я репетитор». – «Кто?» – «Ну, консультант». Вернулся я в часть, и как-то всё обошлось, и пароль и отзыв. Только вот собаки облаяли, хотя и не тронули, не любят они пьяных.

Моё это стихотворение однополчане рассылали своим Любашкам, Наташкам, Сашкам (Александрам). Не у одного меня «смирительную рубашку на гордость не принимало сердце». Они переписывали стихи, как бы ими сочинённые, для своих адресатов. Всё получалось хорошо, но иногда имя девушки сопротивлялось и не хотело лечь в строку. Как в неё поставить Тамару, Веру? Тогда в ход шли уменьшительно-ласкательные имена: Тамарашка, Верашка.

А раз меня засекли с книгой на посту. Чтение было увлекательным. Вот доказательство:

*Вынесли приговор – строгий выговор
И пять нарядов: читать не надо.
Шекспир сильнее? Чего? Бледнею:
Ужель уставов и даже взгляда всех комсоставов?
Так вероятно. Поймя превратно мои ответы,
Они вскричали о партбилете, о долге, чести,
Литературе в моей анкете не давши места.*

Сочинённое немного повторяет ещё доармейское, когда я ездил поступать в Горький, в институт инженеров водного транспорта. Ткнул пальцем наугад в справочник высших учебных заведений. От того такая глупость, что с работы не отпускали, а учиться нельзя было запретить. Вот дальнейшее:

*Скальте зубы, как в ковше у экскаватора:
Конкурс мал, прекрасен город... уезжаю!
Услыхав, заржали б зебры у экватора.
Знаю.
Не хочу я сотни дней скитаться по лекториям
И учить осадку в реках пароходную:
Я хочу войти в литературную историю,
А не в водную.*

Крепко сказано. Автору семнадцать лет. Стихи, кстати, процитированы в повести «Боковой ветер», и вот – да, так бывало в советской империи, в ней книги читали – прочли в Горьком, в этом вузе и написали в Союз писателей справедливо обиженное письмо. Говорили об этом вузе самые хорошие слова. И я с этим очень был согласен, и, конечно, извинился перед ректоратом и студенчеством.

– В РОССИИ ТРИ ПРОЗАИКА, Бунин, ты и я, – говорит по телефону знакомый писатель Анатолий.

Я понимаю, что он уже хорош.

- Тут у меня ещё Женя сидит.
- Да, и ещё Женя.

«ПЕЧАТЬ – САМОЕ сильное, самое острое оружие партии». Такой лозунг в моём детстве был повсюду. И я совершенно искренне думал, что это говорится о печатях. О тех, которые ставят на бумагах, на справках, которыми заверяют документы или чью-то доверенность. Круглые, треугольные, квадратные. Без них никуда. Все же знали, что документ без печати – простая бумажка. А «без бумажки ты букашка, а с бумажкой человек». Писали контрольные диктанты на листочках с угловым штампом.

Так и думал. А когда мне стали внушать, что печать – это газета, журнал, я думал: какая ж это печать? Это газета, это журнал. А печать это печать. И при ней штемпельная подушка. Прижмут к ней печать, подышат на неё да и пристукнут ею по бумаге. И на отпечаток посмотрят. И человеку отдадут. А тот на печать полюбуется. Не на саму печать, а на её оттиск, который уже тоже сам по себе печать.

ОТКУДА СЛОВО золотарь, то есть ассенизатор (по Маяковскому «революцией мобилизованы и призванный»), я не знал. И вдруг в Иране разговор о поэзии. При дворе шаха всегда были публичные состязания поэтов. Нравится шаху поэт, открывай рот, туда тебе накладывают полный рот золота. Не нравится – тоже открывай рот и тоже накладывают, но уже другого «золота».

ОТЖЕВАЛ ЧЕЛОВЕК жвачку, бросил, а её хватает воробей, думает, что это ему крошка хлеба. И клюв воробья увязает в жвачке. Да если ещё зима, жвачка быстро замерзает. Так и погибает несчастная пташка.

ТЯГА ЗЕМНАЯ. Только ею побеждён непобедимый Святогор. Земля. Всё из неё, от неё и в неё. Всегда очень волновал запах земли, свежей пашни. Свежевырытой могилы. Конечно, по-разному. Народный академик Терентий Мальцев относился к ней как к родной матери. Приникал к ней, слушал её, вдыхал запах. Время сева определял даже так: садился на пашню в одном белье, а то и без него. Шутил: «Сегодня рано, послезавтра поздно. Завтра выезжаем».

РАНЬШЕ ПЛЕВАЛИ в лицо, сейчас вслед, в спину. Прогресс. Значит, идём вперёд, значит, боятся.

ВСПОМНИЛСЯ КАРТОННЫЙ шар, в который я был заключён. В школе математичка Мария Афанасьевна, зная о моих стихах по школьной стенгазете, велела сочинить стихи о геометрических фигурах: диагонали, катете, гипотенузе, биссектрисе, секторе, сегменте, прямоугольнике, трапеции, сказав, что все они вписаны в идеальное пространство шара. Написал как пьесу в стихах. И пришлось исполнять роль шара. Потом меня долго обзывали «толстый». Очень это было горько. Какая ж девочка полюбит мальчика с таким прозвищем?

- ЖЕНЩИНЫ ЛЮБЯТ подлецов, почему?
- Женщины любят победителей.

НАЧАЛО ПРОТЕСТАНТИЗМА от перевода Священного Писания Лютером, от «Вульгаты». Он избегал слова «Церковь». Ушёл от ватиканского престола, но, по гордыне, не пришёл и к Восточной церкви. Заменял слово «церковь» словом «приход», то есть вера в приход. Каждый приход получался столпом и утверждением Истины. И уже к середине 19-го века было до семидесяти различных течений, движений протестантов. Плодились как кролики, и как кролики были прожорливы. Но не как кролики, не питались травой, им души простачков подавай.

ПРИТЧИ О ЗАСЕЯННЫХ полях. Одна о семенах, брошенных в землю придорожную, в каменистую, и в землю добрую. И другая, о том, как на посеянное поле ночью приходит враг нашего спасения и всевает плевелы. То есть, как ни добра почва, как ни хорошо всходят посевы, надо быть начеку. Не мы выращиваем их, но охранять обязаны.

ЕВРЕЙ АМЕРИКИ сразу чувствует еврея русского (грузинского, крымского, молдавского, прибалтийского), а русские живут всю жизнь в одном посёлке и всю жизнь враждуют. Это ли нам не упрёк?

В ВЕЛИКОРЕЦКОМ на Никольском соборе проявился образ святителя Николая. И много таких явленных образов проступает по России.

Как же я любил бывать и жить в Великорецком. И дом тут у меня был. Шёл за село, поднимался на возвышение, откуда хорошо видно далеко: река Великая, за ней чудиновская церковь. И леса, леса. Зелёный холм, на котором пасётся стреноженный конь, мальчишки играют на ржавеющем брошенном остоле комбайна. Как на скелете динозавра. Играют в корабль. Скрежещет ржавый штурвал.

ПРОЩАЙ, ИСПАНИЯ! Испания – вымечтанная страна отрочества и юности. Как я любил Испанию! «Арагонская хота», Сервантес, Лопе де Вега, Гойя, Веласкес, «Итак, Равель, танцуем болеро... О, эти пляски медленных крестьян. Испания, я вновь тобою пьян!» «Как ты думаешь, друг Санчо, не мало ли я свершил подвигов во имя прекрасной Дульсины Тобосской?» – «Думаю, чем мы сегодня будем ужинать». «Ночная стража в Мадриде», «Ах, как долго, долго едем, как трудна в горах дорога, лишь видны вдали хребты туманной Сьерры», Эль Греко, каталонцы, «Лицензиат Видриера», Валенсия, Мадрид, Барселона, Саламанка, Кордильеры... музыка!

И вот, всё это я к тому, что не бывать мне в Испании, не бывать. И сам не хочу в Испанию. Вернулись из неё жена и дочь, привезли множество фотографий. Гляжу: где Испания? Макдональдсы, реклама английского виски, американских сигарет. Прощай, Испания, тебя убили. Хватит мне того, что бывал на многих могилах европейских стран. Мёртвые города, мёртвые ходят по улицам.

МОЛОДЯЩАЯСЯ ВДОВА, ещё собирающаяся устроить жизнь, ухаживает за вдовцом: «Разрешите мне поцелульку в щекульку». – «Моя твоя не понимай» – отшучивается вдовец. – «Чего понимать, Вася, хочется рябине к дубу перебраться». – «Я тебе не пара, ведь я глухой, бухой и старый». – «Сам сочинил?» – «Мне дублёров не надо». – «Вася, от восторга падаю!» – «Дуня, у нас говорили: “Шестьдесят лет дошёл, назад ума пошёл”». – «Вот именно! Ты

молодеешь, Вася!» – «Дуся, я встал у стенки насовсем. Кранты. Годен только на металлолом». – «Не верю! Зажгу! Растоплю любое замерзание! У тебя что, Вася, насчёт любви не работает чердак?» – «Да за мной босиком по снегу бегали». – «Уже разуваюсь. Что молчишь? О чём ты думаешь?» – «Думаю, на поясницу лучше не горчичники, они ожгут и всё, а лучше редьку, всю ночь греет». – «Всю ночь? Зови меня редькой, Вася».

ВСЁ-ТАКИ РАССТОЯНИЕ между католиками и православными (не в смысле церковном, тут пропасть, а в житейском смысле) меньше, чем расстояние между православными и протестантами. Католики хоть слушать могут. А протестанты считают, что нас надо учить. Это с их-то обезбоженностью. Учёность их к этому привела. Много захотели знать, рано состарились.

Учёность всегда на один бок. Всегда в самомнении, в возгласе: высшая ценность мира – человеческая личность! Высшая ценность – Господь, мир сотворивший.

УЖАСНАЯ ИГРА детства «В царя». Я и понятия не имел, что это идёт из начала Новой эры. У римских воинов в Иудее была такая игра «В царя». Выбирали жребием «царя», исполняли его желания, а потом (ссылаюсь на монахиню, которая говорила о последних днях земной жизни Христа), потом убивали. Они так и со Христом поступили, когда над Ним издевались. Это и в Евангелии. Ударяли Его сзади, а потом глумливо спрашивали: «Прорцы, кто Тебя ударил». И мы в детстве так играли. Один становился спиной, другие, столпясь сзади, по очереди ударяли. Ударяли по левой руке которую «осуждённый» высовывал из-под мышки правой. А ладонью правой он прикрывал лицо. Точь-в-точь как на пермских деревянных скульптурах. Ударяли и спрашивали: кто? Если угадывал, угаданный шёл на его место. Иногда ударяли очень сильно. Счёты сводили или ещё что. Да-а, как откликалось в веках.

НАТАША ПРИ МНЕ сочинила новое слово. Сидела, чистила ноутбук от всяких электронных микробов. «Вроде всё, – говорит. Вдруг: – Нет, ещё и это выползает. Это нам ни к чему. Это надо лечить. Надо тут, думаю, вот такую лечилку применить».

Слово «лечилка» я раньше не слышал.

– ЧТО НИ ДУРНО, то и потешно, – говорила мама, очень не одобряя всякие намазюкивания на лицо. – Соседка говорит: если с утра не накрашусь, так будто голая иду. Чего только не нашлёпают на харю, прости, Господи, лицо харей назвала. А как не назвать? Наштукагурят – лица не видно, будто скрывают то, что Бог дал. И совсем молодые, вот ведь! Старухи вроде как оправдывают себя: морщины мазью да пудрой скрываем. А что их скрывать? Мы их всей жизнью заработали, это награда. Ордена же не замазывают. И седина. Что плохого в седине?

– Седина – это благородно, – поддакиваю я. – В Ветхом Завете: «Перед сединой встань». И лысиной можно гордиться: умным Бог лица набавляет. А косметика эта вся – это даже Богоборчество: Правильно ты говоришь: будто лицо скрывают. Господь дал тебе лицо, а ты его перекрашивашь. Вроде у тебя не лицо, а холст натянутый, а ты художник, по нему рисуешь. Или тащишь его с собой в салон красоты. Вот тоже и подтяжки эти. Срам.

– Лицо, глядишь по телевизору, молодое вроде, а шея, как у старой курицы. И глаза тусклые. Уж как ни пыжатыся.

Такой с мамой разговор о косметике. А ещё о том, какие молодые глупые:

– Слышали с подружкой разговор старух. Они говорят: «Вот, дожили до старости, теперь как бы до смерти дожить». Мы отошли маленько в сторону, расхохотались: чего это такое: умрут, да и всё. Вот какие дуры были. Старухи-то во много умнее были. И смерти нельзя звать, и умирать вроде пора.

СТАРЫЙ ПОЭТ это как старик, который вяжет. Берёт привычные спицы, начинает низать петли. И выходит носок.

АЛЬФРЕД НОБЕЛЬ, оставив денежки на свою премию для поощрения достижений в культуре и науке, одну науку из списка вычеркнул. Какую? Математику. Да, представьте, основную, фундаментальную, двигатель всего. А почему? Оказывается, за его женой ухаживал (и, пишут, небезуспешно, молодой математик). Так вот почему, понял я, не получил «нобеля» великий математик Игорь Ростиславович Шафаревич. Обидно. Но с другой стороны, тот-то ухажёр – математик тоже премии не получил.

– ВОТ, НАБЛЮДАЙ, кто как банки консервов открывает. Если какой верный муж, то открывает слева направо, а какой гуляющий справа налево. Я, говорит, имею право налево. Вот заметь.

– Да глупость всё это!

– Конечно же. Но интересно.

– От интереса все глупости.

ОГЛУШИТЕЛЬНО, ЯРОСТНО чихает. «Эх, продирает, эх, хороша у свата молодуха! – Достает большой серый платок. – Фильтр грубой очистки. – Высмаркивается, достаёт белый платок: – Фильтр тонкой очистки. – Добавляет: – Чихание с утра – признак здоровья, чихание вечером – признак простуды. – И ещё чихает, и опять с присказенькой: – Здорово девки пляшут! От деда чихать научился. Он так чихал – у бабушки из рук кастрюля падала».

ИСПОВЕДЬ НА ВЕЛИКОЙ начинается с вечера. Всю ночь. Комары, комары. Приготовил, казалось, искреннюю фразу: «Каюсь в грехах, особенно в том, что понимаю, что грешу, но плохо их искореняю». – «Каешься? – сурово спросил высокий седой батюшка. – Да если б ты каялся, ты б уже тут рыдал, головой бы бился. Днесь спасения нашего главизна, это когда говорят?» – «На Благовещение». – «Правильно. И это каждый день надо говорить. День настал – спасайся! День спасения – это каждый день! Чего с тобой делать?» – Накрывает епитрахилью.

ОН ЖЕ: – ЧТО ВАЖНЕЕ – Рождество Божией Матери или любой другой праздник или день воскресный? Нынче совпало Рождество и воскресенье. Если бы Рождество было в другой день, конечно, пришли бы люди. А в воскресенье было поменьше. Но ведь воскресенье – это Воскресение! Каждое воскресенье – это малая Пасха. В Воскресенье не можешь идти, значит, ползи! В церковь! На Литургию! Болен, умираешь? Тем более ползи. Врачи сказали: три часа тебе осталось жить, и за эти три часа можно спастись. Помни разбойника на Кресте. А если у тебя в запасе не три часа, а три дня – это такое богатство!

ВСТРЕТИЛ ЗНАКОМОГО, гордится удостоверением: «Член Правления Совета Дружбы народов». – «А чего народов-то не с большой?» – Юмора не понимает: – «Исправим».

НЕУЖЕЛИ СНОВА придётся жить в мире, где женщины ходят в брюках, курят, тащат за горло бутылку, накрашенные? Идут простоволосые, коротко остриженные, как после тифа. Думаешь так, когда идёшь в Крестном ходе с сестричками во Христе: все в платьях, юбках, сарафанах, все без косметики, все такие красивые. Косы.

Да, есть, есть красавицы. И всегда будут, пока будут верить в Бога. А эти, по собачьей кличке, гламур, эти куда? Этим всего быстрее к гибели.

МАМА: – «МНЕ мама говорила: “Дожила, дочка, соседи дороже детей”. – “Почему?” – “Вас же никого нет, все далеко. А соседка заходит, воды принесёт”. А тятя мой всё себя казнил, почему маму не спросил, кого ей жалко? Она умирала, её последние слова были: “Жалко, ой, как жалко!”»

Я эту бабушку Сашу, маму мамы, помню. Маленькая, худенькая, звала меня Ова. «Ова, принеси из погреба крынку». Я приносил. «Ова, возьми ложку, всю сметану сверху счерпай, съешь». Всё ругала моего любимого дедушку, что он меня заставляет работать. Да разве он заставлял? Я сам рвался ему помочь. Он молчалив был. Но так помню, просто ощутимо помню, как он кладёт мне на голову огромную ладонь. Как шапку надевает. Это он так похвалил меня за то, что выпрямляю гвозди. Помню, боялся сказать, что промахнулся и ударил молотком по пальцу, палец почернел. Прошло.

Милый дедушка! Я же не знал, что ты в тюрьме сидел за то, что отказался в Пасху выйти на работу (был плотогоном, лоцманом). И сидел в тюрьме, в Горьком, строили там заключённые мост через Оку или Волгу. И не рассказывал нам об этом. Берёг нас. Чтоб не стыдились родственника – тюремщика. Или ещё почему?

Как же я мало знаю о предках. Тот же дедушка Семён Евфимиевич, он же Георгиевский кавалер.

ИЕРУСАЛИМ, ДОМ УСПЕНИЯ Божией Матери. Скульптура в гробу. На православный взгляд, когда увидел впервые, не испытал прилива благоговения. Думал: всё-таки это католическое. А нынче опять был там. И бежит ко гробу женщина и кидается на колени и рыдает: «Мати Божия, Мати Божия!» И всё увиделось иначе.

ЕВДОКИЯ ПРО СВОЮ дочь: «Редчайшая сволочь! Развратница! Раньше меня невинности лишилась. С баптистами связалась. Потом эти хари в раме, бритые и в простынях. Вот такие хари. Привела их. Я чуть в окно не выскочила. Еле-еле не пустила на квартиру. “Дочь, у меня тут муж”. – “Ну и что? Сколько их у тебя было. Давай его притравим, ускорим естественное угасание организма!” – “Опомнись! Он же бросал сирень-цветы в моё полночное окно”».

МОЛОДОМУ РЕДАКТОРУ дали для редактирования рукопись стихов поэтессы. А он уже видел её публикации в периодике. Не столько даже на публикации обратил внимание, сколько на фотографию авторши этой – такая красавица!

Позвонил, она рада, щебечет, она сама, оказывается, просила, чтобы именно он был её редактором. Он написал редзаклучение. Конечно, рекомендовал рукопись к печати, но какие-то, как же без них, замечания, сделал.

Она звонит: «Ах, я так благодарна, вы так внимательны. Ещё никто так не проникся моими стихами. Знаете что, я сегодня семью провожаю на юг, а сама ещё остаюсь на два дня, освобождаю время полностью для вас, и никто нам не помешает поработать над рукописью. Приезжайте. Очень жду».

Бедный парень, чего только ни нафантазировал. Цветов решил не покупать, всё-таки он в данном случае лицо официальное, издательское. Но шампанским портфель загрузил. Ещё стихи проштудировал с карандашом. Там, где стихи были о любви, прочёл как бы к нему обращённые.

Он у дверей. Он звонит. Ему открывает почтенная женщина. Очень похожая на поэтессу.

«Видимо, мать её, не уехала», – решил редактор и загрустил.

– Я по поводу рукописи...

– Да, конечно, да! Проходите.

Он прошёл в комнату, присел. Женщина заглянула:

– Я быстренько в магазин. Не скучайте. Полюбуйтесь на поэтессу. – И показала на стены, на потолок. – Везде можете смотреть.

Ого, подумал редактор, как у неё отлажено. Матери велено уйти. Стал любоваться. А у поэтессы муж был художник, и он рисовал жену во всех видах и на всех местах квартиры. На стене – она, на потолок поглядел – опять она. И везде такая красивая и молодая. На двери в ванную она же, но уже в одном купальнике. Хотелось даже от волнения выпить. «Но уж ладно, с ней. Чего-то долго причёсывается».

Долго ли, коротко ли, возвращается «мама», весело спрашивает:

– Не заскучали? Что ж, поговорим о моей рукописи.

Да, товарищи, это была никакая не мама, а сама поэтесса. Поэтессы, знаете ли, любят помещать в журналы и книги свои фотографии двадцатилетней давности.

Что ж делать. Стали обсуждать рукопись. Поэтесса оказалась такой жадной на свои строки, что не позволяла ничего исправлять и выбрасывать.

– Ради меня, – говорила она, кладя свою ладонь на его руку.

Молодой редактор её возненавидел.

– Хорошо, хорошо, оставим всё, как есть. – Шампанское решил не извлекать.

– Музыкальная пауза, – кокетливо сказала она. Вышла, вернулась в халате. – Финиш работе, старт отдыху, да?

Но он, посмотрев на часы, воскликнул:

– Как? Уже?! Ужас! У нас же планёрка!

И бежал в прямом смысле. В подъезде сорвал фольгу с горлышка бутылки, крутанул пробку. Пробка выстрелила и струя пены, как след от ракеты гаснущего салюта озарила стены. Прямо из горла высосал всю бутылку. Потом долго икал. А потом даже отрыгался.

ЖЕНЩИНА – ЧИСТЮЛЯ – это страшно. Заездит чистотой. С ней жить почти невозможно. Муж – не ангел, не может он летать над полом, не может не сажать пятен на брюки, не может до стерильности отмывать тарелки. Да и зачем? С грязного не треснешь, с чистого не воскреснешь, гласит мудрая вятская поговорка, в основе которой библейские «неумовенные руки». Не

может муж постоянно вымывать шею, чтобы сохранить воротник рубашки в девственной белизне. Он у жены из грязнуль не вылезает, да ещё и обязан быть благодарным, что она его так чисто содержит. Ей никогда не объяснить, просто не поймёт, какая мне разница, что весь день ходил в разных носках. Ну, завтра пойду в одинаковых, я, что, от этого умнее стану?

В конце концов, раз сошёлся с такой женщиной – чистюлей, надо терпеть. Если любит, так в конце концов должна понять, что мужа не переделаешь. Но вот что касается мужчины-чистюли, то этот тип просто отвратителен. Его щепетильность, его эти всякие приборы для бритья, для волос и кожи, для обуви, это же надо об этом обо всём думать, время тратить, и потом, его какой-то дезодорантной дрянью пахнущие модные одежды, его брезгливость в общественном транспорте, его, сразу заметное, ощущение превосходства перед другими. Нелегко даётся такое внешнее превосходство. О нём же надо заботиться непрерывно. Время тратить. А время – не деньги, не вернёшь, не наживёшь.

Обычно таких чистюль женщины не любят. А вот, думаю, свести бы этих чистоплюев, его и её, в парочку. Для чистоты отношений. Представляю, какие у них будут стерильные разговоры. «Чистютенький мой пумпусичек», «Свежеумьтенькая моя лимпопонечка!».

Вообще, моются часто, прихорашиваются те, у кого совесть нечиста.

АКТРИСА НА РЕПЕТИЦИИ говорит автору пьесы: «Муж уехал, сегодня все у меня, я же рядом живу. Идёмте», – предлагает она и уверена – автор не откажется. Она же чувствует, что нравится ему. И труппа это видит. Она, например, может капризно сказать: «Милый драматург, у меня вот это место ну никак не проговаривается, а? Подумайте, милый». Он наутро приносит ей два-три варианта этого места.

После репетиции все вваливаются к ней. Стены в шаржах, в росписях. Картины сюрреалистические. Среди них одинокая икона. Столы сдвинуты. Стульев не хватает. Сидят и на подоконниках, и на полу. Телефон трещит. После вечерних спектаклей начинают приезжать из других театров. Тащат с собою еду и выпивку, и цветы от поклонников. Много известностей. Автору тут не очень ловко. Актриса просит его помочь ей на кухне. Там, резко переходя на ты, говорит: «Давай без церемоний. Они скоро отчальят, а мы останемся». Говорит, как решённое. Скрепляет слова французским поцелуем.

Квартира заполнена звоном стекла, звяканьем посуды, музыкой. Кто-то уже и напился. Кто-то, надорвавшись в трудах на сцене, отдыхает, положив на стол голову. Крики, анекдоты. Всем хорошо. Кроме автора. Скоро полночь. Надо ехать. Ох, надо. Жена никогда не уснёт, пока его нет. Автор видит, что веселье ещё только начинается. Телефон не умолкает. Известие о пирушке радует московских актёров, и в застолье вскоре ожидаются пополнения. И людские, и пищевые, и питьевые. Автор потихоньку уходит.

Самое интересное, что на дневной репетиции, проходя около него, актриса наклоняется к его уху и интимно спрашивает: «Тебе было хорошо со мной? Да? Я от тебя в восторге!» Идёт дальше.

Потрясённый автор даже не успевает, да и не смеет сказать ей, что он же ушёл вчера, ушёл. Но она уверена, что он ночевал именно у неё и именно с ней. И об этом, кстати, знает вся труппа. Режиссёр сидит рядом, поворачивается и одобрительно показывает большой палец: «Орёл!».

Актриса играет мизансцену, глядит в текст, зевает:

– Ой, как тут длинно, ой, мне это не выучить. Это надо сократить.

В ИСКУССТВЕ ЛУЧШЕ всех именно писателю. ХУДОЖНИК натаскается с мольбертом, намёрзнется на пленере, нагрунтуется досыта холстов, измучится с натягиванием их на подрамники, а краски? И сохнут и дохнут. И картина в одном экземпляре. И с выставки при переезде могут картины поцарапать или вовсе украсть. И приходится дарить их даром нужным людям. Это пока выйдешь в люди. А чаще всего тебя специально держат в неизвестности, в бедности, загоняют в могилу, чтоб потом на тебе нажиться.

СКУЛЬПТОРУ тяжело не столько от тяжести материала: глины, мрамора, дерева, гранита, даже гипса, арматуры, тяжело от безденежья, ведь мастерская у него побольше, чем у всяких акварелистов, и материалы дороги. Да, уж придётся много-таки ваять памятников богатым покойникам, которых рады скорее закопать родственники, и от этой их радости от них и скульптору перепадёт. Для своего творчества. Да ещё получи-ка заказ, выдержи конкурс. Все же члены комиссии уже куплены-перекуплены.

РЕЖИССЁР пока молодой, то ещё ничего, жить можно. А дальше? Всё же приедается, всё же было. Ну, перебрал трёх жен, десятка два любовниц, скучно же. Премий получал, поездил. Уже и печень стонет, уже и сердчишко. И всё притворяйся, всё изображай какие-то поиски, пути, глубину постижения образов, соединения авангарда и традиции. Хренота всё это. Да ещё вцепится на старости лет молоденькая стерва из ГИТИСа, вот и выводи её в Джульетты.

А ПЕВЦАМ, певицам какво? Но им-то ещё всё-таки терпимо. У басов и теноров голос может долго держаться. А БАЛЕРУНАМ? Не успеют по молодости выйти в знаменитости, и не успеют никогда. А как пробиться? Всё же занято. Завистники сожрут.

АРХИТЕКТОРЫ? Тут тяжко вздохнём и даже не углубляемся.

И все они зависимы. От костюмеров, осветителей, гримёров, продюсеров, от всего. От подрядчиков, от властей, от пожарных и т.д. и т.п.

Нет, ПИСАТЕЛЕМ быть – милое дело. Взял блокнотик да карандашик, да и пошёл в люди. А то и никуда не пошёл. Просто сел на завалинку. И люди сели рядом с тобой.

В музыке нет запахов, в живописи нет звука, в архитектуре нет движения, в танце нет слов, у певцов и исполнителей чужие мотивы и тексты... А вот в СЛОВЕ есть всё.

На это обратил моё внимание Георгий Васильевич Свиридов. Искренне я сказал ему, что многие искусства могу понять, но что музыка для меня на седьмом небе. «Нет, Слово, прежде всего Слово. Оно начало всех начал, Им всё создано. Им всё побуждается к действию. (Жене, громко): Эльза! Позвони врачу! (Мне): И позвонит. А я только всего-навсего три слова сказал, а Эльза идёт и звонит. А Господь сказал: “Да будет Свет!” И стал свет».

МОЛОДОСТЬ ПРОШЛА – какое счастье! Прошло это кипение самонадеянных мыслей, эти телесные наваждения, эти внезапные нашествия глупых поступков. Сколько добрых молодцев залетело в тюрьмы, сколько спилось, сколько на дурах женилось, сколько уже там. О, если бы не Господь Бог, и не ангел мой хранитель, где бы я был? Господи Боже мой, не оставь напоследок! Господи, дай претерпеть до конца, Господи, дай спастись!

ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО сужается, а словесное разбухает и поглощает духовность. Понять это можно через изречение: «Извините, что написал

длинно, не было времени написать коротко». Ещё и от того, что обилие слов – имитация мыслей. «Вы хотите мыслей, их есть у меня». А уже и нет. Духовность убивается взглядом вовне, а не внутрь.

«ЗАПОМНИ: БАБЫ – рабы инстинкта, а мы – рабы Божии». – «Да уж, хорошо, если б так. Бабы мы рабы. Рабы желаний плоти. Сидим, выпиваем, чем плохо? А женщина придёт, и всё испортит. Так ведь? Или не так?» – «Смотря какая женщина». – «Любая. И куда ты от них денешься?» – «В каком смысле?» – «В любом. Главное понять, что это не дождь идёт, не прохожие идут, это жизнь проходит. Это ты умираешь». – «Но так же и женщина». – «Если без Бога, то так».

ПОСЛЕДНЕЕ ЯБЛОКО, упавшее с антоновки, лежит у крыльца. А у меня горе – больна Надя. Всё жили, ругались, а тут так прижало. Вёз в «скорой помощи», огни улицы на её белом лице. Лежит в больнице неделю, всё не лучше.

Не был в деревне давно, приехал, сижу у окна, гляжу на её цветы. Зачем всё, думаю, если бы остался один? Этот дом, работа, вся жизнь. Вот только дети. Дети, да.

Сегодня Дмитриевская суббота. Снег, ржавчина листьев на снегу. Сам весь больной, в температуре, поясница, но это-то что, не от этого умирают. А у Нади серьёзно. Плакал в церкви, заказав молебен об исцелении рабы Божией Надежды. Нет, нет, нельзя, чтобы жена уходила первой. И ей говорю: «Надя, запомни: Надежда умирает последней».

ПОДАЮ НИЩЕМУ, привычно: «О здравии трёх Владимиров, дедушки, сына и внука, Надежды, Натальи, Екатерины, Прасковьи. – Крестится. – А твоё какое святое имя?» – «Легко запомнить – Дмитрий. Дмитрий Донской. Слышал?» – «Вот спасибо, буду знать».

НУ, ИЗБРАЛИ МЕНЯ в академики, ну, вскоре ввели в Президиум, и что? Я что, умнее стал или писать стал лучше? А званием всё-таки пользуюсь. Когда какое письмо для какого нужного дела подписать. А также для внуков. Но это им, как они выражовываются, «пофиг». Стыд и позор академику Российской словесности за такой лексикон внуков.

«Я ВИДЕЛ ВСЁ, я изжился». – «А пирамиды египетские видел? Нет? Так как же всё видел?» – «Людей я видел. Рассветы и закаты, и дни, и ночи, чего ещё?»

– ВЫПЬЕМ ЕЩЁ? – А куда мы денемся? Все равно уже выпили. Смотри: трава, деревья, закат! Одна природа к нам добра. Вот кто высшего женского рода – природа! Она не обманет. А будет буря, шторм – заслужили. Наливай! За высшую меру! Радости! Расплата потом. Наливай.

– СПАСИБО ЕЙ: крепко заставила страдать. А то я всё срывал цветы удовольствий, да вдыхал их аромат, да как Печорин бросал в пыль. А она скрутила, сделала человеком. О, если б ты её видел! Я её как увижу, прямо сердце растёт.

СЛЕСАРЬ СЕРГЕЙ соображает во всём, варит аргоном, а это высший класс. Где чуть что, какое в механизмах затруднение, все мастера к нему. А запивает – берёт ящик водки, выгоняет жену и запирается.

ДАМА НЕПОНЯТНЫХ лет напористо вещает: «У нас не поставлено сексуальное воспитание, нет культуры общения полов, от этого частые разводы. Молодые люди не понимают, что любовь это ни что иное как целая наука».

– Бреешь ты всё, – говорю я ей, – какая это наука? Любовь это любовь. И какая культура общения полов или там потолков, это любовь, и всё. Вот две частушки, показывающие полное непонимание этого общения: «Как и нынешни ребята не поют, а квакают. Целоваться не умеют, только обмуслякают». И вторая: «Меня милый не целует, говорит: потом, потом. Я иду, а он на лавке тренируется с котом». То есть вот такая критика неумелого влюблённого, отсутствия сексуального воспитания. Но жили! Но рожали по десять детей! Не изменяли друг другу. Для мужчины женщиной могла быть только одна женщина – жена. Для жены единственный мужчина – муж. И в любви друг к другу раскрывались всеми силами, и душевными, и телесными. Ты вот сильно воспитана, так что ж третий раз замужем? А в школу вводят половое воспитание, и что? Увеличивают разврат, только и всего.

БЫВШИЙ ЗЭК: «Западло не жил. Самолично не воровал, не грабил, в замках понимал. Нет такого замка, такой сигнализации, охраны электронной, чтоб я не осилил. На каждый замок есть отмычка. Тут она (постучал по лбу). И жил без подянки. Но подумай: работа совместная, надо делиться. Так они не только обсчитали, даже подставили. Отмотал пятёру, выхожу – подползают на брюхе: помоги, весь навар твой. – “Вам что, замок надо открыть? Вот этим ключом откройте”. Сложил кукиш, покрутил перед мордами. Тронуть не посмели. Законы знают. А я в тюрьме поумнел. Там даже священник приходил».

ИРКУТСК ЖЕЛТЕЕТ, Москва чернеет. Посмотрите на рынки. А вечером в метро? И жалко их даже, людей по кличке «гастарбайтер». Детство же было и у них. Тут-то им не родина, мы им чужие. Они ж сюда не в Третьяковку сходить приезжают. А нас за что теснить? Терпим.

Терпим, а опять во всём виноваты. И опять нас вопрошают: когда же мы уйдём из мировой истории. И опять мы отвечаем: уйдём вместе с ней. Гибель России означает гибель остального мира.

Китайцы, узбеки, корейцы заполнят просторы России. И что? Научатся валенки валять? На лыжах бегать? Свиной разводить? На белок охотиться? У оторванных от родины какая будет культура? Стоны и стенания?

– СТАРИК, СТАРИК! – кричит старуха, –
В наш дом влетела бляха-муха.
Вскочил старик, дал мухе в ухо.
– Орёл старик! – кричит старуха.

Сочинено, конечно, не про летающее насекомое. В подтексте то самое ребро, в которое лезет бес, когда седина в бороду. А в над-тексте решимость юного старичка порвать с соблазном. И изгнание его. И радость жены, освободившейся от конкурентки.

ХУДОЖНИК БОРЦОВ Андриан, земляк, роста был небольшого, но крепко необычайно. С женщиной на руках плясал вприсядку. Писал природу, гибнущие деревни. У него очень получалась керамика. И тут его много

эксплуатировали кремлёвские заказчики. Он делал подарки приезжавшим в СССР всяким главам государств. Сервизы, большие декоративные блюда. Где вот теперь всё это? Уже и не собрать никогда его наследие. И платили-то ему копейки. Когда и не платили, просто забирали. И заикнуться не смей об оплате: советский человек, должен понимать, что дарим коммунистам Азии, Африки и Европы.

Старые уже его знакомые художники вспоминают его с благодарностью: он был Председателем ревизионной комиссии Союза художников. «Всегда знали, что защитит».

Он всю жизнь носил бороду. «В шестидесятые встретит какая старуха-комсомолка, старается даже схватить за бороду. А я им: на парикмахерскую денег нет. Не драться же с ними. А уже с семидесятых, особенно с восьмидесятых бороды пошли. Вначале редко, потом побольше, повсеместно».

В моей родне ношение бород прервалось именно в годы богоборчества. Отец бороды не носил и вначале даже и мою бороду не одобрял. А вот дедушки не поддались. Так что я подхватил их эстафету.

Да, Андриан. Были у меня его подаренные картины, все сгорели. Но помню. «Калина красная», например, памяти Шукшина. «Три богатыря» – три старухи, стоящие на фоне погибающей деревни, последние её хранители.

В РЕКЛАМЕ НА ТВ полуголая бабёнка жадно обнюхивает плохо побри-того мужчину. Оказывается, он – какое-то мачо, пахнет непонятно чем, но видно же – бабёнка дуреет. Покупайте, мужчины, прыскайтесь, можно будет за женщинами не ухаживать: понюхают и упадут. Или другая реклама: румяный дурак, насквозь обалдевший от того, что сунул голову в капкан кредита. И третья: молодожёны ликуют – они уже в клетке ипотеки.

А сколько зрителей в эти часы, дни, годы превращаются в идиотов.

– ВОТ СПАСИБО злой жене: загнала в монастырь, – говорит монах. – А ты сочувствуешь нам. Зачем? Здесь нам рай: и кормят, и спать есть на чём. И денег не надо. Нам что, вот вам там, в миру, какво?

КТО БЫ НАПИСАЛ об этих событиях борьбы за Россию, о борьбе с поворотом северных рек на юг, о 600-летию Куликовской битвы. Пробовал, не получится. Потому что участником был, а тот, кто сражается, плохо рассказывает о сражении. Вроде как буду хвалиться. Помню, Белов послал мне статью свою «Спасут ли Воже и Лача Каспийское море?» Я её повёз Залыгину в больницу, в Сокольники. Он сказал: «Надо шире, надо подключать академиков, научные силы. А то статья писателя. Скажут: эмоции». Залыгин имел опыт борьбы против строительства Нижне-Обской ГЭС. Но там был довод: там место низменное, затапливалось миллион гектаров, а главное – нашли залежи нефти. А тут жмут – надо спасать Каспий, давать воду южным республикам. Как противостоят?»

И закурилось. Какие были выступления, вечера. Один Фатей Яковлевич Шипунов чего стоил. Отбились. Конечно, за счёт здоровья, нервов, потери ненаписанного. Но и противники иногда сами помогали. Что такое болота? Это великая ценность для природы. А министр мелиорации Полад-заде, выросший, видимо, на камнях, договорился (ТВ. 27.06.82 г.) до того, что болота не нужны, бесполезны, что клюкву можно выращивать на искусственных плантациях, она на них будет вкуснее. Это уже было такой глупостью, что и его

сторонники эту глупость понимали. Это было всё равно. Как утверждение Хрущёва об изготовлении чёрной рыбной икры из нефти. Слово писателя тогда много стоило. Бывало, что люди, взволнованные чем-то, возмущались: «Куда смотрят писатели?»

– ЗА ОТХОДЫ ОТ ТРАДИЦИЙ! – такая здравица, – возглашает Витя. – Пьёт, крикает. – За что я кровь мешками проливал, а нервы ящиками?

ВЛАСТИ ГОВОРЯТ о поддержке талантов. Но если талант искренен, народен, то он обязательно противоречит тем, кто его собирается поддерживать.

ЖАРГОНЫ БЫЛИ всегда. Не прикалывались, а кадрились. Не крутой мужик, а балдёжный, чёткий, не слабо говорит. Но уж такого количества мусорной словесной дряни не бывало. Будто все сговорились «по фене ботать». Тут и нравственная распущенность, но тут и противление официальной казённости языков журналистов, политиков, дипломатов, учёных, говорящих такими штампами, что только им одним кажется, что они умные. Другие их просто не понимают, уже и не вслушиваются. Проще сказать: энергия жаргонов увлекает тем, что увеличивает действие речи. На это клюют «деятели» искусства, особенно кино. Дожили: знаменитости – пишут Путину, больше ему делать нечего, разрешить двигать матерщину в диалоги экранных героев. Мол, всё равно же люди матерятся.

Какой это срам! И ведь не швыдкие, а михалковы, хотиненки. Им ли не знать, что *на Руси никогда не было матерного слова*. Никогда! Появилось оно в татаро-монгольское иго. Разрешили русским ходить в церковь, а сами стояли у неё и издевались, говоря: «Идите к своей, такой-то матери».

Как материться? Какую ты мать поминаешь? Божию? Ту, что родила? Крестную? Мать-сыру землю? Родину-мать? Россию-матушку?

НА ЗАВОД «ДИНАМО» в компрессорный цех еле попали (78 г.). С Заболотским и Гребневым. Под одеждой пронесли фотоаппаратуру. Надо было по просьбе Клыкова снять место захоронения монахов – участников Куликовской битвы Александра Пересвета и Андрея Осляби. Для это места Слава делал надгробие. Которое к 600-летию было установлено.

В церковном здании режут станки, трещат отбойные молотки. Кричим друг другу, прямо глохнем. Стены чёрные, тяжёлая копоть. Вдруг шум резко стихает – выключили молотки. Зато вырывается шланг компрессора, ударяет сжатым воздухом в разные стороны. Пылища, шланг носится как змея и по полу, и взлетает. Над могилой Пересвета и Осляби станок. Женщина в годах. «Тут я венчалась».

РОЖДЁННЫЙ ТВОРИТ, сотворённый бесплоден. То же: искусственно сделанное блестит, естественное мерцает. (Разговор с Леоновым. Рассказ о Сталине, Горьком. Ягода хотел Леонова закатать, те заступились. Ванга виновна в том, что «Пирамида» читается тяжело, не вошла в пространство культуры. Но лучше сказать, что уже время чтения таких объёмов, хочешь не хочешь, прошло. Сказала Ванга Леонову, что не умрёт, пока не закончит роман. Он и тянул. Жизнь и роман увеличивались. Жизнь всё равно кончилась. (На похоронах Леонова вышел из-за кулис и потом ушёл за них Астафьев. Гневно сказал в непонятный адрес «литературных шавок», которые «рвали писателя

за штаны». То есть, как понять? тормозили работу? Конечно, тут Астафьев имел в виду себя).

Ох, а как страшно вспоминать похороны Астафьева. Не буду.

«КРЫША ПОЕХАЛА», это уже повсеместное выражение. А вот, ничуть не худшее выражение: «Посылка до ног не доходит», т.е. приказ головы не выполняется, не туда пошёл, забыто. Почта стала дорогой и от этого стала ещё хуже работать.

ТАЁЖНИК ПИСАТЕЛЬ: «Написать хочу, как наши звери, которые ушли в Европу на меха, оживают и вцепляются в головы, в голые плечи. Соболи, зайцы, бобры, белки, лисицы, норки... Представляешь?» – «С радостью».

СТРОЯТ, ВОРУЮТ строительные материалы. Находится один честный. Вдруг он при всех берёт банку краски. «Куда?» – «Вот, вору». – «Ты же поворишь нашу бригаду». – «Так банка уже уворована». Молчат.

76-Й, ОСЕНЬ, ФЕРМА. Клички коров. «На коров попа нет, сами крестим». Доярки в годах дают прежние, родные мне с детства имена: Зорька, Милка, Ночка, Звёздочка, Бура, Пеструха, Сиротка, а молодёжь именуется уже по-новому: Деловая, Рубрика, Жакетка, Бахвалка, Переучка, Баллада, почему-то Коптилка, Опечатка, Салака, Нажива... Четыреста голов. (Это 76-й. 400 коров только на одной ферме. Сейчас ни одной, и только сгнившие стены. И на дрова не разбирают, деревня почти убита. Да, сатана, сильны твои прихвостни).

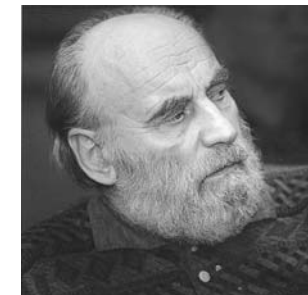
«И опустевшая деревня московский смотрит охмурёж».

МОГИЛА УЛЬЯНОВА Ильи Николаевича была в парке, сделанном на месте кладбища. Могилу хранили, стоял памятник. Недалеко, там же было захоронение Андреюшки, любимого симбирского юродивого. Старухи не дали затоптать могилку, всё клали на неё цветы. Милиция гоняла. Сейчас мощи в храме. «Андреюшка, милый, помоги!»

ПРОЗА

Юрий БОГДАНОВ

Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклонуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встанька», «Пётр и Февронья», трагедий «Джунглетта», «Морок», «Из-под плинтуса», «Проскурава лаж», «Последний круг» и других. Ю.Н. Богданов секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

Господи, помилуй!

1

Господь мой, помилуй заблудший народ,
Наивно признавший власть хитрого Змея:
Скакал безрассудно куда-то вперёд –
Хоругви конями топтал не робея,

В поруганных Храмах откармливал скот,
Стрелял по иконам, от страха немея,
И сам превращался в кровавого зверя,
Надеясь, что кара Твоя проминёт.

Молитву души изловчался изжить
В умах и сердцах пропагандой повальной:
«Нет Бога и нечего, братцы, тужить,

Всё в мире подлунном по воле случайной...»
Пытался безбожно по-новому жить
Отпавший от веры своей православной.

2

Отпавший от веры своей православной,
Срывал в лютой злобе кресты с куполов,
Все церкви, Соборы снести был готов,
Во мраке почить за идею бесславно!

Он веру пытался сломать до основ,
Считая задачу свою эпохальной.

Но плакало небо от матерных слов,
Да ветер на тризне рыдал погребальной,

Топил гордость лихо в зелёном вине,
Смиряясь на время с божественной тайной:
Не ведал, что жил в стороне зазеркальной...

И не по его ли отцовой вине
Дочурка сгорела в бесовском огне,
Страшнее нет участи в жизни печальной.

3

Страшнее нет участи в жизни печальной –
Родную кровинку свезти на погост
Да без отпеванья на службе прощальной...
Но душу дитяти там встретит Христос.

Метался во тьме дух отца неопальный:
Сомненьем вбит в голову вечный вопрос:
Кто, кроме Создателя, был изначально,
Когда ещё не было неба и звёзд?

Бродили в мозгу эти мысли без цели:
То вправо, то влево бросала судьба,
Годами в душе продолжалась борьба,

А чёрные помыслы стаяей летели!
Но знал: не случится крутой поворот,
Пока сердцем к Богу опять не придёт.

4

Пока сердцем к Богу опять не придёт –
И счастья земного под солнцем не будет:
По мёртвому полю былинкой несёт
Во тьму суховей, где о вере забудет.

Подспудно страх душу нещадно гнетёт,
Но кто атеиста за глупость осудит?
Святые? Они – виртуальные люди...
А, может, прельщает соблазнами чёрт?

От этой догадки душа содрогнётся.
Чесночный лукавый ехидно смеётся
И требует жёстко о жизни отчёт:

Суров и безжалостен гнусный мучитель...
Сиротские души спаси, Вседержитель,
Отринь от бездумных дурной приворот!

5

Отринь от бездумных дурной приворот,
Молитвойними озлоблённость, тревогу,
Возьми заплутавших в благую дорогу:
В обход тёмных мыслей и топких болот.

Не дай поселиться безверья пороку
В сердцах ослеплённых! Им – вера оплот,
Отправь помолиться больного к истоку:
Пойдёт, спотыкаясь, в слезах поползёт.

Он душу омоет водицей кристальной,
Мятущийся дух в Божий Храм принесёт,
Почувствует: схлынул грехов тяжких гнёт,

Но вздрогнет, утративший веру и честь,
Услышав с небес Божьих скорбную весть –
Доколь будешь Русь наша многострадальной?

6

Доколь будешь Русь наша многострадальной?
Как вместе нам горести преодолеть?
Кому ты была ненавистной, кандалной –
Предательски в тайне готовили месть!

Предстала пред миром Великодержавной!
Через годы могли твою силу узреть
Не воры, бандиты в колонне скандальной,
Предрёкшие вере бесславную смерть.

Народа судьбина не стала фатальной:
Растаял вдали предначертанный рок,
Взращённый нечистым в толпе криминальной!

По истинной вере Руси подаст Бог!
Пошёл за Создателем в данный мне срок...
Иду и смотрю в светлый лик достославной.

7

Иду и смотрю в светлый лик достославной:
В молитве сплывает с очей пелена,
Скрывается в грязном углу сатана
Под рваной тряпицей задумки злорадной.

Но с ним не окончена в душах война:
Народы отравлены злобой глобальной...
Ведёт неизбывная наша вина
Меня в небеса по дороге астральной.

Туда, где Путь Млечный привольно течёт,
Где истины свет обожжёт мою душу,
А сердце младенцем к Марии прильнёт.

Там заповеди никогда не нарушу:
Провиденье громом на землю обрушу, –
Потомкам крепить Русь приходит черёд.

8

Потомкам крепить Русь приходит черёд,
Но мне за их души и судьбы – тревожно:
Пойдут за Спасителем или безбожно
Продолжат над скверной безумный полёт?

Кошунство затянет в свой круговорот,
Где счастье бездушное – пустопорожне...
Отступник во мраке живёт, словно крот,
С Тельцом Золотым в рёве дико-истошном.

Но те, кто уверовал в божеский суд,
В бреду не поднимут руки на скрижали...
За крест и святую икону умрут:

Они на колени пред Змеем не пали –
Свет веры в сердцах до конца пронесут:
Осветятся солнцем небесные дали.

9

Осветятся солнцем небесные дали,
Когда вступим истинно под Божий кров:
Увидим, как предки за веру стояли,
За нас проливали невинную кровь.

Сегодняшний век среди прочих – не нов:
Теперь с Богом скрытно воюют каналы...
Но мы Вседержителя не предавали
И дедовских не посрамили гробов.

А прадеды наши себя не нудили –
Пред битвою с бесом тревогу трубили,
Скликая церковную паству на сбор.

Тебя, Господь, истово люди молили:
Внимаем провиденью их до сих пор, –
Молитву подхватит Народный Собор.

10

Молитву подхватит Народный Собор!
Без веры Господней мы – глухонемые:
С неслышимой песней в геенну мы плыли.
По мутным потокам безверья, как сор.

Пытались подрезать змеёнышу крылья,
Но знал дело туго своё «дирижёр»:
Невольню несли о религии вздор...
Проклянутся ль в душах желанья благие?

Посеян меж Богом и нами раздор:
В ночи проросли сорняки преисподней...
Забыли, что Русь на Земле была горней!

Нас не одолеет безверия мор –
Становится к Богу любовь всенародной:
И слышу во Храме я праздничный хор.

11

И слышу во Храме я праздничный хор –
Над куполом день проясняется мгlistый...
На свет Божий выползли, словно из нор,
Пособники Змея: в миру – атеисты.

Куда же исчез их дурацкий задор?..
Минует со страхом икону Пречистой,
Как будто не пойманный за руку вор...
Создатель, простишь ему подлые мысли?

Притворец проявит фальшивую прыть,
 Чтоб люди смогли обо всём позабыть
 И в церкви под маской в лицо не узнали...
 Не рвётся века веры праведной нить!
 В сраженьях мы души свои отстояли:
 Ликуют сердца тех, кто веру poznали.

12

Ликуют сердца тех, кто веру poznали:
 Моё – вместе с ними о Боге поёт...
 Всегда и во всём на Него уповали,
 От принятой веры векам ведём счёт!

Христовой любовью ко всем воспылали,
 В боях за неё не щадили живот...
 И сколько б нас вороги ни шельмовали:
 Уверены были – победа грядёт.

Господь мой, мы лёгких дорог не искали:
 Идём за Тобой, чтоб не сбиться с пути
 В своём неуютном и мрачном житии.

Молитвой блокаду безверья прорвали:
 По терниям звёзд нам недолго идти, –
 Уходят в безвестность стенанья, печали.

13

Уходят в безвестность стенанья, печали:
 Звучит во Вселенной победный мажор...
 И лики святых в небесах воссияли,
 И прояснился мой пасмурный взор:

Я в душах увидел бесовский разор:
 Тенями мелькали в том адском провале...
 Для Храма святого – не существовали!
 Закончен с исчадьем бессмысленный спор?

Но души – Создателя в помощь призвали,
 За них – убиенные бесом – восстали:
 Над грехопаденьем занесен топор.

Покаявшись, люди грехи осознали,
 Но время выносит нам всем приговор!
 Искутим ли мы свой неверья позор?

14

Искутим ли мы свой неверья позор?
 Провидцы с Землёй Небеса повенчали –
 Хранить нашу веру в веках завещали
 Чтоб не было в Мире злодейства и ссор.

По воле Спасителя – не по спирали
 К Нему, как из ада, потянется тот,
 Кто духом очищенным верой – поймёт:
 Русь наша у Бога не будет в опале.

С молитвой откроются очи да уши:
 В сердцах Божью правду никто не нарушит –
 Да славит её человеческий род!

И вера воскреснет в растерянных душах:
 С Господней любовью, как солнце, взойдёт!
 Господь мой, помилуй заблудший народ.

Магистрал

Господь мой, помилуй заблудший народ,
 Отпавший от веры своей православной:
 Страшнее нет участи в жизни печальной:
 Пока сердцем к Богу опять не придёт,
 Отринь от бездумных дурной приворот,
 Доколь будешь Русь наша многострадальной?
 Иду и смотрю в светлый лик достославной...

Потомкам крепить Русь приходит черёд!
 Осветятся солнцем небесные дали –
 Молитву подхватит Народный Собор...
 И слышу во Храме я праздничный хор –
 Ликуют сердца тех, кто веру poznали,
 Уходят в безвестность стенанья, печали...
 Искутим ли мы свой неверья позор?

Елена КИРИЛЛОВА

«В это время смутное, когда Россия переживает всякие беды и невзгоды»: Иоанн Кронштадтский и настроения в российском обществе периода Первой Русской революции (1905–1907 гг.)

Особое значение для российских историков сегодня приобретает проблема «человек в эпоху перемен». При этом, источников, позволяющих проследить восприятие переломных событий их современниками, представителями различных слоёв общества, не так много, особенно скудна источниковая база для изучения мнения простого народа. Для исследований в данной области необходимы эго-документы, раскрывающие личный опыт участников исторического процесса.

В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.) хранятся письма к Иоанну Кронштадтскому, которые являются ценным источником при рассмотрении вопроса об отношении населения к происходившим в начале XX века в Российской империи изменениям¹. Одновременно письма позволяют с новой стороны посмотреть на этого знаменитого деятеля церкви, с точки зрения влияния его на общественное мнение, восприятия его в обществе. Письма из ЦГИА СПб. были использованы Н. Киценко в её книге «Святой нашего времени. Отец Иоанн Кронштадтский и русский народ» (М.: НЛО, 2006), но они анализируются автором как отражение русского религиозного сознания.

Иоанн Кронштадтский (в миру – Сергеев Иоанн Ильич; 1829–1908 гг.) всю свою жизнь служил в Кронштадте, где с 1875 года был протоиереем, а с 1894 года – настоятелем Андреевского собора. Он приобрёл большую известность после посещения в 1894 г. умиравшего царя Александра III. Поклонники отца Иоанна стекались отовсюду

Елена Анатольевна Кириллова – родилась в Ленинграде. Окончила Российский государственный педагогический университет им. Герцена, кандидат исторических наук. Научные статьи печатались в российских и зарубежных журналах, в том числе: «Российская история», «Родина». Пишет также прозаические произведения на исторические темы.

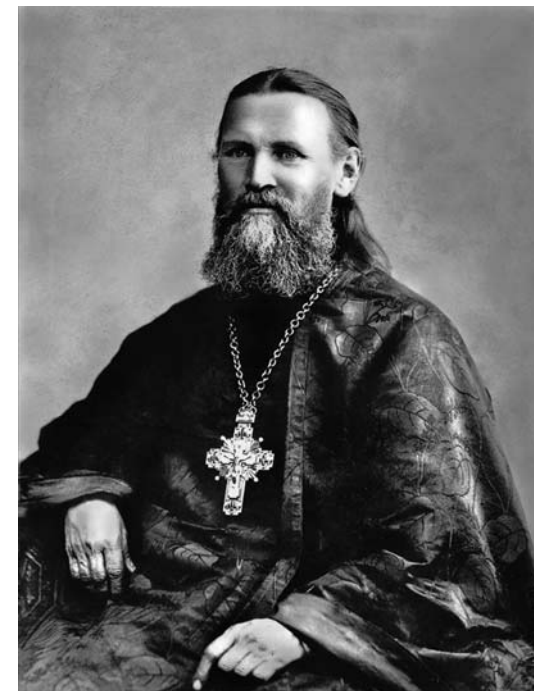
Живёт в Санкт-Петербурге.

в Кронштадт, создав вокруг его имени настоящий культ. Он считал себя не только духовным лицом, но и миссионером, общественным деятелем. Иоанн Кронштадтский придерживался правых консервативных монархических взглядов, которые излагал в своих трудах, его многочисленные статьи публиковались в церковных изданиях, в городских газетах. Он вёл обширную переписку, каждый день получал многочисленные письма и телеграммы. Большое значение имела благотворительность отца Иоанна: он жертвовал огромные суммы нуждавшимся и на богоугодные цели (строительство церквей и монастырей, в частности, основал Иоанновский монастырь в Санкт-Петербурге, где он был похоронен в 1908 г.). В Кронштадте организовал Дом трудолюбия (работный дом с мастерскими и церковью), а также около 12 благотворительных заведений: начальное народное училище для мальчиков и девочек, детский приют, женскую богадельню, лечебницу, читальню, столовую, даже спасательную станцию. В 1990 г. Иоанн Кронштадтский причислен к лику святых Русской православной церковью. Интерес к отцу Иоанну в наши дни в российском обществе заметно усиливается, о чём свидетельствует издание его произведений, появление новых трудов о нём, переиздание написанных ранее его поклонниками. В большинстве они носят панегирический, популярный характер (например: Одинцов М. Иоанн Кронштадтский. М.: Молодая гвардия, 2014).

Документы в ЦГИА СПб. выделены в отдельный фонд «Сергеев Иоанн Ильич (Кронштадтский) – протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте» (Ф. 2219) и распределены по тематическому признаку в 73 дела. В фонде хранятся десятки тысяч писем и телеграмм. Материалы хронологически относятся ко II половине XIX в. – концу 1908 г., особенно много писем стало поступать с 1890-х гг. Это не только соответствует годам служения отца Иоанна, но и совпадает с периодом больших потрясений и реформ в стране, трансформации политической и социальной сфер общества.

География писем к Иоанну Кронштадтскому охватывает в основном европейскую часть Российской империи, большинство пришло из Санкт-Петербурга, много адресантов – из Архангельской губернии, родины отца Иоанна, есть письма из Москвы, Киева, Харькова, Смоленска, Подольской и Олонецкой губерний, из западных областей (Гродненская губерния, г. Митава). К сожалению, адреса авторов не приводятся во всех письмах (можно предположить, что они указывались на конвертах, которые не сохранились в делах фонда), поэтому невозможно распределить адресантов по территории

Иоанн Кронштадтский

¹ ЦГИА СПб. Фонд 2219. Опись 1.

Российской империи, тем более нельзя заключить отсюда, в каких регионах Иоанн Кронштадтский пользовался наибольшей популярностью. К отцу Иоанну приходили также письма и телеграммы из-за границы, как от соотечественников (обычно находившихся в трудной материальной ситуации и просивших о денежной помощи), так и от иностранцев (они просили помолиться о больных).

Социальный состав авторов также очень разнообразен: члены царского дома и придворные, деятели церкви, высокообразованные чиновники и дамы, помещики, сельские учителя, крестьяне, настоятельницы монастырей и монахини. Встречаются послания малограмотные, представляющие собой набор слов, смысл которых угадывается с трудом.

Документы архива касаются всех сфер деятельности Иоанна Кронштадтского. Много писем личного характера от его родственников и близких людей, с которыми он состоял в постоянной переписке, здесь же деловая корреспонденция (счета, квитанции, переписка о детских приютах).

Но основную часть документов составляют письма и телеграммы посторонних лиц к знаменитому пастырю. Эти письма к Иоанну Кронштадтскому представляют собой разновидность «писем во власть», они делятся на три основные группы: письма-просьбы, письма жалобы-кляузы и «философские» письма, в которых излагаются размышления о существующем порядке, делаются предложения по его улучшению. Отличие писем к отцу Иоанну состоит в том, что адресовались они конкретному представителю церковной власти, полномочия которого для авторов были не менее реальны, чем полномочия светской власти. Поэтому к священнику нередко обращались с чисто мирскими просьбами (помочь материально, устроить на работу). В большинстве своём письма содержат просьбы о помощи и заступничестве (благословить, помолиться, дать совет, наставление), обычно сопровождаемые рассказом о личных проблемах авторов и близких им людей.

Однако содержание документов этим не ограничивается: в фонде Иоанна Кронштадтского представлены письма с размышлениями о политических и социальных проблемах, авторы которых пытались разобраться в сути происходивших процессов, понять «кто виноват», а не просто просили благ для себя и близких. Этот вид документов – «философские» письма – для нас наиболее ценны. Таким содержанием особенно отличаются письма, собранные в два дела фонда: Дело 32 «Письма разных лиц в ответ на погромную проповедь И.И. Сергеева против Льва Толстого. 1893–1906 гг.» и Дело 55 «Письма и телеграммы разных лиц с изложением событий, затронувших их личные интересы в дни революционного движения 1901–1904 гг. и революции 1905–1907 гг.» Эти письма являются массивом однородных документов, позволяющим изучать общественное мнение.

Одновременно важным достоинством документов является то, что они отражают взгляды «безмолвного большинства», которое не имело других возможностей высказаться, то есть не участвовало в публичном выражении мнений – в печати или политической деятельности. Писались эти послания к Иоанну Кронштадтскому по собственной инициативе авторов, что обеспечивает их искренность, особенно, если адресовались они священнику.

Авторы писем прямо или косвенно выражали своё мнение о происходившем в России. Революционные потрясения 1905–07 годов для современников стали большим испытанием, которое вызывало страх, но заставляло задуматься о судьбе страны: «Какое ужасное время переживает Россия»,

«непроглядная тьма окутала Россию». Характерен такой взгляд на происходившее: «В это время смутное, когда Россия переживает всякие беды и невзгоды». Авторы называли современные им события «смутой», такое определение постоянно встречается в письмах, становится лейтмотивом. Это соответствовало официальной точке зрения: выражение «смуты и волнения» использовано в царском манифесте от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», даровавшем российским подданным политические свободы (свободу слова, печати, собраний, неприкосновенность личности).

Общий настрой авторов посланий к Иоанну Кронштадтскому можно проиллюстрировать текстом одной телеграммы: «В настоящее время волнений и смут просим ваших молитв и благословения. Дарья и Николай. Москва, Симонова слободка» (правописание здесь и далее приведено к современным нормам, однако сохранены особенности орфографии и пунктуации авторов писем).

Реформам, предпринятым царским правительством в ответ на революционные события 1905 г., также уделялось немало внимания в посланиях к Иоанну Кронштадтскому. Отношение к реформам так выразил автор одного письма: «Прочитав Манифест 17 Октября 1905 г. и разъяснение его для русского народа, я исполнился печали о происходящем на Святой Руси». Своё мнение о переменах изложила в письме от 6 апреля 1906 г. игуменья Таисия (настоятельница Иоанно-Предтеченского Леушинского монастыря в Череповецком уезде, близкая духовная дочь отца Иоанна): «Страшат меня результаты Государственной Думы, – перевернут они Россию православную на иностранный лад!». Письмо отражает не только страх, но также понимание игуменья характера проводившихся реформ.

Другой автор высказал свой взгляд на современные события: «Дума пока не успокаивает, а разжигает низменные страсти людские, поэтому так и подняли головы социал демократы». В письмах отчётливо просматривается негативное отношение к изменениям в политическом устройстве страны, неприятие даже консервативной модернизации, которую проводило самодержавие.

Вопросу о власти государя посвящено обращение к царю, присланное Иоанну Кронштадтскому, видимо, в надежде, что оно будет передано по назначению: «Великий Государь! Внемли умоляющему голосу твоего народа, глубоко скорбящего о попрании всего дорогого родного, приносимого теперь в небывало смутное время в жертву кучки бунтующих изменников, раскинувших свои пагубные сети во все уголки Твоей Великой Державы... Ты обманулся, Великий Государь, поверив, что Твой народ желает вырвать у Тебя самодержавную власть – это не народ твой – а дерзкие его отщепенцы, они хотят взять власть с боя и погубить народ Твой, искренне скорбящий об ограничении Твоего самодержавия, без которого должна рухнуть целостность, спокойствие и величие России. Прояви Твою истинную строгость, Великий Государь, к дерзким нарушителям существующего порядка и защити нас от их сетей и злобы. Мы жители Харькова в ужасной беде, как и вся Россия. Истинная подданная Твоей державы В. Александрова». Монархически настроенные авторы писали к отцу Иоанну, видя в нём не только единомышленника, но и человека, приближенного к трону, способного стать рупором их чаяний перед государем. Иоанн Кронштадтский всячески афишировал свои личные связи с царствующим домом, в частности, печатал в газетах свои телеграммы

к семье Николая II и полученные в ответ высочайшие послания, например, газета «Котлин» от 8 февраля 1905 г.

При этом нельзя утверждать, что авторы писем к Иоанну Кронштадтскому относились исключительно к консервативному (порой – к реакционному) лагерю, являлись глубоко религиозными, если не сказать: фанатичными сторонниками священника. Как ни странно, но обращались к нему также противники, совершенно не согласные с его взглядами, даже пытались переубедить отца Иоанна. Так, один из авторов писал, что «нынешнее положение почти безвыходное для низших классов», поскольку дарованные манифестом 17 октября 1905 г. права не соблюдались: «полиция врывается в каждый дом для обыска или избиения», им подвергаются все, кто «стоит за матушку правду и за бедный народ». Автор призывал отца Иоанна обратить «внимание на нужды народа... которому нужны не нагайки, а те права, которые обещаны государем Императором и за которые стоят студенты». Свою точку зрения на изменения в политической жизни страны высказал в ноябре 1906 г. Владимир Столявский (не побоявшийся подписаться, что является скорее исключением среди авторов, критикующих Иоанна Кронштадтского): «Отказаться от даров самоуправления, участия в Государственной Думе могут только слепцы... Только при участии всех возможны в общественной жизни добрые отношения между людьми». Сторонники реформ также писали отцу Иоанну, хотя находились они в явном меньшинстве.

Таким образом, за помощью и поддержкой к Иоанну Кронштадтскому обращались не только лица, полностью согласные со священником, отрицательно относившиеся ко всем изменениям в обществе. Поэтому в письмах представлен широкий спектр политических настроений начала XX века.

Однако чаще всего в посланиях к отцу Иоанну выражались неодобрение и страх перед событиями, развернувшимися в стране: «Страшно думать, что ждёт наше дорогое отечество. Все эти забастовки грозят чем-то ужасным. И церковь и вера православная в опасности». В представлении обывателей катаклизмы и потрясения становились неразрывно связаны с реформами. Объяснение трагическим событиям находили в том, что произошло отступление от устоев миропорядка; проводимые сверху реформы тоже являлись отказом от традиций. Авторы были убеждены в необходимости сохранения роли церкви в обществе. Так написала отцу Иоанну духовная дочь Екатерина Андросова: «У нас появились люди, старающиеся возмутить народ против духовенства и против законов совести, но народ хотя и малограмотный, но пока ещё верующий». Соблюдение заветов православия в трудные времена виделось залогом избавления от бед и несчастий.

Своими размышлениями о роли церкви в жизни страны делились со священником в марте 1905 г. трое учащихся московского реального училища: «Неоднократно читая в газетах о религиозных бесчинствах, совершающихся в Кронштадте, в городе, где Вы живёте и пастырем жителей которого Вы состоите, и видя, какое отвращающее действие они производят к религии, к русской Церкви, осмеливаемся просить Вас разъяснить нам, почему они так долго не прекращаются. Ведь не можете же Вы быть пассивным свидетелем этих безобразий, не можете Вы содействовать им своим молчанием? В наше время, когда всё общество, а особенно мы, молодёжь, мучаемся сомнениями, повсюду ищем чистых, великих идеалов, которые были путеводными звёздами в нашей жизни, неужели служители Церкви не имеют достаточно энергии, чтобы охранить её от этих мерзостей, вкрадывающихся грязным потоком в

это великое – хранилище идеалов? Не хочется верить, чтобы балаганной мишурой пошлых процессий с “богородицами” и “ангелами” можно было иметь намерение поддержать Церковь! Думается, что это не какое-то учреждение, которое должно поддерживаться искусственно, а Нечто Великое, без чего не может жить народ, которое не выдумано людьми, а постановлено Богом, и его лишь могуществом может быть сохранено для счастья людей. Разрешите же, уважаемый отец Иоанн, наши жгучие вопросы и сомнения. Надеемся услышать от Вас слово истинного пастыря Церкви».

Гнев этих московских реалистов (они тоже не побоялись подписаться) вызвали процессии поклонников Иоанна Кронштадтского, которые своей восторженностью, даже одержимостью порождали нездоровую атмосферу вокруг него. Не являясь сторонниками подобного рода поклонений, бросающих тень на церковь, высказывая критику в адрес отца Иоанна, молодые люди надеялись при этом обрести важные для них ответы.

Размышления о значении веры и церкви отразились наиболее полно в письмах, присланных Иоанну Кронштадтскому после его проповедей против Льва Толстого. Одновременно эти документы свидетельствуют о поляризации политических взглядов в российском обществе. Письма датируются 1893–1906 гг., написаны они в ответ не на определённую проповедь, а на многочисленные выступления, проповеди и статьи священника, направленные против учения Льва Толстого о церкви. Тон этих сочинений И. Кронштадтского был резкий и злобный, нередко высказывалось пожелание разнообразных кар и наказаний для Л. Толстого, отвергавшего многие постулаты православной церкви. История «взаимоотношений» Иоанна Кронштадтского и Льва Толстого, их заочная дискуссия подробно раскрыта в книге Павла Басинского «Святой против Льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды» (М.: Аст, 2013).

В архивном деле собраны письма 25 авторов, семь из них высказывались отрицательно по поводу выступлений Иоанна Кронштадтского, но только двое категоричны в своём неприятии Иоанна и его взглядов, только их можно отнести к его противникам, к явным представителям демократического лагеря. Оба предпочли остаться анонимными. Один из них подписался: «Не толстовец», высказал своё мнение о посланиях Иоанна: из них «рисуетя не просвещённый и гуманный пастырь, а изувер с самым узким кругозором». И обращался к священнику: «Толстого оставьте, ибо не Вам погасить этот великий светильник ума». Второй изложил свои мысли в стихотворной форме, прислав произведение под названием «Пастырям церкви», посвящённое Л. Толстому:

*Толпой завистников бессильных осуждённый
За то, что он об истине учил;
Предстал перед судом он гордый, непокорный.
Седой главы пред ними не склонил...*

Далее автор, подписавшийся буквой «К» и тремя в треугольник выстроенными буквами «х», задавался вопросом: за что осуждён Л. Толстой? Отвечая на него, автор стихотворения оправдывал великого писателя.

Критики отца Иоанна не являлись однородной группой, среди них выделялись те, кто, с уважением относясь к авторитету священника, тем не менее, высказывали недоумение по поводу категоричности его обличений Толстого: «Не скрою от Вас того, что я, прочитав вышесказанные строки Ваши, пришёл

в немалое смущение; ибо усердно молился и молюсь Богу об обращении погибающего Л.Н. Толстого к сознанию своих тяжких заблуждений и раскаянию». Подобными же сомнениями поделился со священником 67-летний петербуржец Н.М. Соковнин. Он написал, что прочитал в стенном календаре мысли отца Иоанна и «радостно вкушал великое значение этих слов и вдруг искуситель пролил в мою душу яд сомнений, которые я молю Вас разъяснить. Мне случилось ознакомиться с Вашими обличительными словами, произносимыми в Божьем Храме и часто воспроизводимыми на страницах “Ведомостей С.-Петербургского градоначальства”, направленными против Графа Льва Толстого. И вот я не нахожу душе покоя: как примирить Ваши обличительные речи, столь чуждые духа христианского незлобия, терпимости и всепрощения и Ваше карающее письмо с прекрасными словами, кои я при сем прилагаю».

Другой критик, подписавшийся как Александр Зарубин, также осуждал оскорбительные высказывания отца Иоанна в адрес Л. Толстого. Очевидно, автор письма был знаком с учением писателя, высказывая своё мнение: «Если бы оказался народ такого понятия, как граф Толстой, то не было бы тюрем, каторг и войн».

В полемику со знаменитым священником вступил толстовец Александр Нератов из Митавы, одновременно прося разъяснения: «Почтительнейше прошу Вас, глубокоуважаемый Отец, не отказать разъяснить мне, если у Вас найдётся свободное время, в чём Вы видите ложность учения Графа Толстого и извращение им смысла Евангелия и почему Вы уподобляете Графа Толстого Иуде предателю». К сожалению, материалы архива не позволяют установить, получил ли автор разъяснения от Иоанна Кронштадтского.

Остальные авторы писем поддерживали позицию отца Иоанна: «Толстовская ересь губит Русский народ православный», – сформулировал в своём письме крестьянин из Подольской губернии Ф.Т. Вольнец. Далее автор изложил свои рассуждения про Думу, куда «выберут неверующих», и ничего хорошего из этого не будет. Определяя врагов православия, он высказал антисемитские и антипольские мысли.

Если внимательно вчитаться в документы, то становится ясно, что речь в них идёт не столько о Льве Толстом и его учении, сколько о происходивших в России потрясениях и переменах, символом, а иногда и главным виновником которых стал для авторов великий писатель. Взяться за перо большинство авторов заставило не просто неприятие безбожника Толстого, но также опасения за судьбу страны: «Будущее наше Русским образованным людям рисуется в самых мрачных красках».

Авторы писем, высказавшиеся в поддержку позиции отца Иоанна, действительно нередко отличались образованностью. Особенно показательно письмо, подписанное «истинно преданные Вам киевлянки». Стиль этого послания экзальтированный, но добротная публицистичность и безукоризненная грамотность выдают дам высокообразованных, даже имевших навыки работы со словом. Хорошая плотная бумага напечатанного на машинке без малейшей помарки письма позволяет предположить, что авторы его принадлежали к обеспеченным кругам общества.

Не жалея красок, киевские дамы обличали пагубность толстовства для России: «Мы говорим о русском безбожии, во главе которого стал твёрдой ногой один из малых предтеч великого евангельского антихриста – граф Л. Толстой. От ужаса мысль цепенеет, сердце холодной кровью обливаётся».

при виде демонических происков этого дерзкого лжепророка. У России не было более злого, более опасного врага; он налёг всеми своими чудовищными силами на то, чем красна и могуча русская история; он нагло попирает и топчет в грязь все исторические сокровища русского человека: семью, веру в Бога, беззаветную любовь к Царю и отечеству». Для усиления воздействия на читателя употреблялись риторические вопросы: «Чего он хочет от России? Что она, бедная, сделала ему? Откуда эта сатанинская злоба и неодолимое стремление причинить ей зло – неизмеримо большее, чем, на протяжении тысячи лет, ей причиняли монголы, татары и все иноплеменные нашествия?»

Далее высказывалась обеспокоенность тем, какое влияние оказывает учение Толстого на молодёжь: «И посмотрите, что он делает с современным молодым русским поколением? Ведь все зажигательные его прокламации, его глумление над русским патриотизмом, его низведение православной божественной литургии на степень потешного балагана, – всё это, хотя и в заграничных изданиях, жадно читается нашей молодёжью, и авторитет имени Толстого не допускает в юных головах ни критики, ни сомнений. Да и какие тут могут быть сомнения, когда вся русская, так называемая передовая, пресса одно лишь имя Льва Толстого упоминает не иначе, как с лакейским и фанатичным благоговением?»

В бездействии обвинялись «правлящие сферы», найдены и другие виновники происходящего: «Грех, великий, постыдный грех и тяжкий ответ перед Богом падёт на души русских псевдолибералов; они являются действительными заведомыми пособниками чудовищному злу, в сети которого влечёт антихрист – Толстой сотни тысяч юных жертв». Авторы обращались к Иоанну Кронштадтскому как единственному, кто способен противостоять этому «лютому» врагу: «Но нам верится, что Вы, святой отец, охраните Россию от грозящего ей страшного бедствия, Вы, и только Вы один, во всеоружии Вашей духовной мощи, можете достойно сразиться с русским супостатом, разоблачить самозванное его апостольство и свергнуть идола с его высокого пьедестала, куда вознесли его злые пасынки России».

Киевлянками двигал также страх за будущую судьбу страны: «Конечная беда не в том ещё, что духовно гибнет русская молодёжь, растлеваемая учениями Толстого, а в том, что эта самая молодёжь через каких-нибудь 15–20 лет станет в ряды общественных, а то и государственных деятелей. И страшно подумать, что тогда у нас будет твориться...» Киевлянки, горячо выступавшие против Л. Толстого и его учения, на самом деле выражали беспокойство по поводу ситуации в стране в целом.

Авторов писем к Иоанну Кронштадтскому нельзя причислить к определённой социальной группе или политическому лагерю. Именно среди авторов писем политического характера можно вычленил представителей либерального, даже революционного лагеря, готовых вступить в полемику со знаменитым священником. Поэтому письма к отцу Иоанну являются представительной выборкой, отражающей мнения различных слоёв российского общества, высказанные в письмах точки зрения концентрированно выразили противоречивое отношение к происходившим в стране переменам. В письмах представлен широкий разброс настроений в российском обществе в период Первой революции: от полного отрицания каких-либо реформ до различной степени готовности принимать идеи модернизации.

Однако особенно ярко выражены ментальные установки населения, ориентированные на следование традиции, «старине». Причём подобные

установки были присущи не только крестьянству, но они были сильны и у представителей других сословий. Документы дают наиболее полное представление о настроениях консервативной части общества, болезненно реагирующей на малейшие изменения общественного устройства. Письма к Иоанну Кронштадтскому документируют неприятие значительной частью населения стремительных социально-политических процессов начала XX в. (индустриализация, урбанизация, демократизация). С ними неразрывно связывалось разрушение традиционных отношений, в том числе отказ от религиозного мировоззрения, в котором виделась одна из основных скрепляющих общество осей.

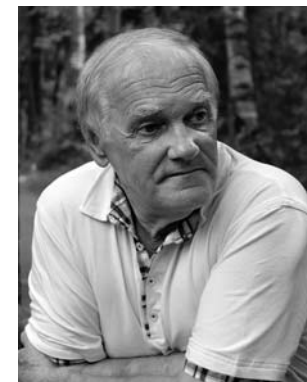

ПОЭЗИЯ

Юрий РЫЧЕНКОВ

Юрий Алексеевич Рыченков – член Союза писателей России. Награждён Золотой Есенинской медалью. Дипломант литературной премии имени Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии». Победитель Международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Поэзия» Лиги Писателей Евразии. Автор двух поэтических книг: «В объятьях памяти», «Иду осенним полем...» и многих поэтических сборников. Автор рецензий и критических статей.

Живёт в Москве.

Глава из поэмы «О пятидесятых...»

*Дни гордых порывов, великих надежд
Выходят из мрака былого...*

Якубович П.Ф.

I

А это было, Боже, это – было...
Всё до крупицы память сохранила:
Вот мама провожает в первый класс.
На мне штанишки с кнопкой под коленом,
Вельветовая куртка. Ранний час
С дыханьем ветра нёс мне перемены,
Чуть шевеля мой белый воротник.
Ворота, школа, всё: я – ученик.

Нас сорок два, и все мужского пола
В четыреста седьмой московской школе
Упрятались за дверью в первом «В».
Всего же «первых» набралось четыре.
И не было нам равных в озорстве
В ликующем послевоенном мире,
Когда толпой из коммунальных нор
Все высыпали в уютный двор.

Район рабочий. В те былые годы
Вокруг дымили крупные заводы:
«Москабель», «Серп и Молот», «Нефтегаз»,
«Прожектор», собирающий «Катюшу»,
Секретный выполняющий заказ,

Упрятавшись за церковь-развалюшку.
НИИ «Десятка» и «Семьсот шестой» –
В космических проектах головной,

Тогда об этом даже не мечталось...
И, помнится, испытывали жалость
К немецким пленным, возводившим мост
Под безразличным взглядом конвоира.
И даже пёс давно умерил злость
К протопавшим пешком почти полмира,
Чтобы, подставив хилые горбы,
Пересадить на школьный двор дубы.

Тащили по шажочку, аккуратно.
Деревья прижились и кроной знатной
Шумят на радость новым москвичам...
Мы после школы, словно бесенята,
По близлежащим пыльным пустырям
Гоняли мяч до самого заката.
И в этих жарких играх «Как хочу...»
Не всем была победа по плечу,

А взявших верх, всей школой уважали.
И много игр, в которые играли,
Во всех оттенках память сберегла:
«Пристенка», где всегда везло рукастым,
«Лапта» со звоном битого стекла,
Бывало, с посещением «Участка».
И что скрывать, в азарте игроки
Пускали в ход и мат и кулаки...

А, впрочем, развлечений было мало,
Но в жилах молодая кровь играла,
Да и война оставила следы.
Дозволенность ещё жила в народе
И доводила даже до беды –
Судебные процессы были в моде,
Когда в острастку на год или два
Всего лишалась сорвиголова.

Отдушина – кино по дням воскресным,
Когда гурьбой бежали в клуб «Компрессор».
Дневной сеанс. Билетов не достать,
Но прорывались в зал, на всё готовы,
Чтобы в двадцатый раз переживать
События, известные дословно.
А, выходя на улицу толпой,
Героев повторяли вперебой.

Особенно запомнились картины
«Чапаев» и «Падение Берлина».
Ещё «Над Тисой», «Овод», и «ЧП».
Казалось, все названия мы знали.
Входной билет на радость «шантрапе»
За гривенник кассиры продавали,
Второй не жаль за семечек стакан,
Поджаристых, засыпанных в карман.

Как хороши морозные денёчки
В счастливый добрый час послеурочный.
На валенках коньки «английский спорт»,
По снежной утрамбованной равнине,
Крюком вцепившись за высокий борт,
Несёшься за газующей машиной...
А то в азарте жарком до поры
Сражаешься с друзьями в «Царь-горы».

Но сколько б во дворах не пропадали,
За играми мы книг не забывали.
Джек Лондон и особенно Марк Твен,
Сервантес с непутёвым Дон Кихотом
Мальчишеские души брали в плен.
И странно было б даже если кто-то
Без всякого стеснения сказал,
Что этих книг ещё не прочитал.

Учились быть мужчинами – недаром
Взахлёб читали повести Гайдара.
И Александра Невского слова
Захватчикам – рождали нашу веру.
От гордости кружилась голова,
И пращурсы служили нам примером.
Тогда ещё никто из нас не знал,
Что книги очень нужные читал...

II

И не забыть, конечно, 55-тый:
Пожаловали в школу к нам девчата,
А ранее она была мужской.
Нас фартуки и платья окружили,
И пары первые вечернею порой
По скверу взявшись за руки ходили.
Но вот уже огнями полон зал,
И громкий вальс венчает школьный бал.

Вот говорят, стилиаги были в моде...
 Да, были экземпляры в этом роде.
 Считали мы: в мозгах у них изъян,
 И потому не били, а жалели,
 На них смотрели, как на обезьян,
 Которые, бывало, на неделе,
 На явочной квартире втихаря
 С мечтами улетали за моря.

Сказать по правде, жили небогато.
 Чтобы одеть зимой меня и брата,
 Кроила мать шинельное сукно;
 (Отец-кормилец в званьи капитана)
 И в доме было так заведено,
 Что это вовсе не казалось странным, –
 Ведь было не зазорно в тех годах
 Ходить по школе в штопаных штанах.

И мир не позабылся коммунальный.
 Для нас он был родным и беспечальным:
 Есть ванна, газ, широкий коридор.
 Двенадцать человек, но уживались,
 И если возникал внезапный спор,
 То, пошумев на кухне, замирались...
 Сейчас о тех квартирах много лгут, –
 Был в этой толчее и свой уют.

А праздники – как дружно их встречали,
 В колонну став, на «Красную» шагали,
 И музыка неслась со всех сторон.
 В шеренге удержаться было трудно.
 А наш родной Калининский район
 Был самым «заводным» и многолюдным.
 Казалось, шумный город озарён
 Летящим к небу пламенем знамён.

Нам в голову тогда не приходило
 Раздумывать над тайнами фамилий, –
 Мы были, вроде, как одна семья,
 Неважно кто: девчонка или парень.
 И если вспомнить, то в моих друзьях
 Был Вагнер – швед и Мосолов – татарин,
 Был русский – Иванов, еврей – Хесед
 И украинец – Пуцин, мой сосед.

Сейчас узнал, о чём не думал сроду,
 Что жили мы тогда в «тюрьме народов»,
 И русские душили всех подряд –

Они такие по своей природе –
 А в той стране была не жизнь, а ад,
 И с детства все мечтали о свободе...
 И людям, как разгаданный секрет,
 И день и ночь вещают этот бред.

А мы вольготно жили и мечтали,
 И по героям жизнь свою сверяли –
 Она касалась каждого из нас.
 Как говорят, в семье не без урода,
 Но почему тогда в «суровый час»
 Не знали мы, что есть «враги народа?»
 Сейчас не счесть «учёных» – бедолаг,
 И все твердят про сталинский «ГУЛАГ».

III

Я вижу день, когда страна узнала –
 Такое по утрам уже бывало –
 Когда, услышав новости с фронтов,
 В тяжёлой грусти люди расходились,
 Переживая сдачу городов,
 И женщины слёз горьких не стыдились:
 А город словно весь оцепенел
 От слов печальных: «Сталин заболел».

Мы утром ранним узнавали вести,
 И верили, и ждали миг чудесный,
 С которым новь: опасность позади
 Возьмёт из сердца скорбную тревогу.
 Ведь перед нами стлалась впереди
 Широкая и светлая дорога,
 И потому мы верили тогда,
 Что к нам пришла великая беда!

Но чуда, как ни ждали, не случилось...
 Казалось, жизнь сама остановилась.
 Учителя не сдерживали слёз,
 И шёпотом о чём-то говорили.
 У бюста в сквере десять алых роз
 На утреннем снегу кровоточили.
 И мы понять пытались всем двором,
 Что обсуждают взрослые тайком?..

Девятый день весны, сырой, кургузый,
 Взахлёб рыдали все гудки «Союза»
 В безликий полдень ровно пять минут,

И этот плач был бесконечно длинным.
И люди нескончаемо текут
Цветным бульваром, Трубной и Неглинной...
В бесчисленных цветах Колонный зал,
А что нас дальше ждёт – никто не знал...

.....

Потом вдруг всё что было – осудили...
И к новой правде, приспособясь, – жили,
Но память невозможно обмануть.
Правители менялись и мельчали,
И вместе с ними изгибался путь,
Пока в погожий день не заплутали.
Когда ж на властолюбца пал черёд,
Свалились в девяносто первый год!..

Виктор Михайлович Кашкин – член МГО СП России. Известен по публикациям в газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор книг «Я берега свои искал» и «Всего дороже». Живёт в Москве.

«Я нужен тишине...»

Всё недосуг наедине
С дубравами наговориться,
Потом дать слово тишине,
Приметив, как вода родится
В овраге за родным селом,
Из родника потом напиться,
Подкараулив солнце в нём,
И землянике поклониться...
Вот так собой распорядиться
Всё недосуг погожим днём.
Всё некогда наедине
С берёзами встречать рассветы,
Когда в багете на стене
Их живописные портреты
Мне на лечение души
Лекарством русского пейзажа,
Когда беру карандаши
И на открытках Эрмитажа
Почти разборчиво пишу,
Что лучше леса нету друга,
Когда всё медленней спешу
Из городского выйти круга.

Прошиб бы небо кулаком.
Так звёзды щупать хочется,
Когда пятно луны тайком
За облаками топчется.

Пообесточив небеса,
Они мне вместо вечности
Свалявшуюся шкуру пса
Сулят из бесконечности.

И только скальпелем луча
С рассветом всё устроится,
Когда по логике врача
Всему виной бессонница.

Бессонница кстати пришла,
Прервав нелюбимые сны,
И к сердцу дорожку нашла,
Ужалив меня со спины.

С бессонницей сладил потом,
Пока ей бока не намял.
А боль обернулась котом,
Заснув на груди у меня.

Хотя бы ветку шелохнуло,
От тишины устал.
Она ко мне в окно шагнула
С дремавшего куста.

Она не то чтобы толкнула,
По-свойски подошла,
Черновики перевернула,
По комнате прошла.

Без шороха, без стука даже
Свалила вдруг графин,
И лужицу в немом адажио
Сморазивала в блин.

Ей, тишине, не одиноко
Со мной наедине,
От холода раскрытых окон
Прижавшейся ко мне,

Снежинкой падавшей на волосы...
Я нужен тишине,
Уставшей от истомы голоса,
Подаренного мне.

ПРОЗА

Александр
и Сергей ЮДИНЫ

Александр Юдин – 1965 г.р., москвич. Публиковался в журналах «Изысканная словесность», «Полдень XXI век», «Полдень» (СПб), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Бельские просторы» (Уфа), «Север» (Петрозаводск), «Сура» (Пенза), «Юность», «Знание-сила: Фантастика», «Наука и жизнь», «Искатель», «Мир Искателя», «Наука и религия», «Тайны и загадки», «Ступени», «Хулиган» (Москва), «Шалтай-Болтай» (Волгоград), «Космопорт» (Минск), «Я» (США), «Edita» (ФРГ), и др., а также в сборниках «Настоящая фантастика-2010», «Настоящая фантастика-2011» («Эксмо»), «Самая страшная книга-2014» («АСТ»), и др. Автор романов «Пасынки бога» («Эксмо», 2009) и «Золотой лингам» («Вече», 2012, в соавторстве с С. Юдиным).

Живёт в Москве.

Сергей Юдин – 1965 г.р., москвич. Публиковался в журналах «Урал» (Екатеринбург), «Изысканная словесность» (СПб), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Бельские просторы» (Уфа), «Северо-Муйские огни» (Северомуйск), «Менестрель» (Омск), «Искатель» (Москва), «Зеркало» (Тель-Авив), и др., а также в сборниках «Святочные рассказы, XXI век» (ИД «Русь-Олимп», 2010), «Тёмные» (АСТ, 2016). Автор романа «Золотой лингам» («Вече», 2012, в соавторстве с А. Юдиным).

Живёт в Москве.

Куры ноги

Мы сказками предания зовём,
Мы глухи днём, мы дня не понимаем;
Но в сумраке мы сказками живём
И тишине доверчиво внимаем.

И.А. Бунин

— Ну, вот она, Бедокуриха твоя и есть. — Антон, водитель колхозной «полуторки», остановил грузовик на разъезженной просёлочной дороге и указал в сторону двух десятков бревенчатых изб, прилепившихся к изножью безлесной горы, вздымающейся над малахитовым морем Восточносибирской тайги. — Прибыли! Завтра поутру, часов эдак в шесть, как буду, значаца, обратно ехать, тебя подберу. Только ты уж, паря, не проспай, на своих двоих отседова ни в жизнь не выберешься, а другой попутки неделю ждать — не ждёшься. Лады?

– Лады, – согласился Кирилл, подхватил брезентовый рюкзак, красно-белую спортивную сумку из козжама с символикой Олимпиады-80 и спрыгнул на раскисшую после недавнего дождя землю. Накинул рюкзак на плечи, вдохнул полной грудью дурманящий, пропитанный запахами багульника и хвой воздух и бодро зашагал в гору.

В это дремучее, даже по меркам Забайкалья, захолустье Кирилла Хомутова – тридцатилетнего научного сотрудника Бурятского института общественных наук, забросила не судьба и не пустая блажь, а работа над кандидатской диссертацией. Он собирал былички и бывальщины, бытующие среди местного русского населения, руководствуясь заранее составленной картой перспективного исследования. Защита планировалась уже в следующем, 1981 году, а потому время поджимало.

За лето Кирилл успел объехать более тридцати сёл и деревень Читинской области и, вообще-то, материала добыл с избытком. Так что Бедокуриха являлась конечным пунктом его командировки. Эту деревню Хомутову порекомендовал научный руководитель, заведовавший в их институте сектором русско-сибирского фольклора, профессор Вершинин. Профессор сам заезжал в здешние места лет пять назад и уверил Кирилла, что селение это как-то особенно богато старожилками-долгожителями, до сих пор хранящими в памяти целый кладезь мифологических рассказов нужной тематики.

На полпути к деревне Кирилл остановился, вытащил из надорванной пачки «Астры» плоскую сигаретку и попытался прикурить. Но спички отсырели и никак не хотели вспыхивать. Чертыхнувшись, он снял кепку и принялся тереть спичку о волосы – проверенный способ, не раз его выручавший. Просушив спичку и добыв огонь, он глубоко затанулся, задумчиво обозревая окрестности.

Августовский день был пасмурен, но душен, как случается перед грозой; низкие тяжёлые облака, при полном безветрии недвижимо зависшие над горой, едва не касались её вершины. Кирилл утёр кепкой пот со лба и продолжил подъём.

Тропа, змеящаяся среди сырого разнотравья, вывела его к первому жилью – стоявшей на отшибе невысокой, без подклета избе, рубленной из кондовой лиственницы. Окинув строение взглядом, Кирилл аж присвистнул: на вид тому было лет сто, когда не более. Что ж, оставалось надеяться, что и хозяйева окажутся под стать дому. Вот только смотрелась изба как-то... мрачновато, даже зловеще. Глубоко – венца на два, вросшая в землю, заметно покосившаяся, насупившаяся на белый свет массивным охлупнем, она напоминала давно пережившую свой век, но все ещё суровую и властную старуху.

Кирилл постучал в невысокую дверь и прислушался. Кажется, в избе кто-то разговаривал. Он постучал еще раз. «Отворено!» – донёсся изнутри женский голос. Он толкнул дверь, пригнувшись, шагнул в сени и едва не оступился – пол в сенях находился изрядно ниже уровня земли. Когда глаза привыкли к сумраку, он разглядел, что стены помещения обшиты толстыми некрашеными тесинами; на вбитых крюках висела одежда: овчинный тулуп, пара ватников и ещё что-то; на полу под тулупом и ватниками выстроились резиновые сапоги, валенки, другая нехитрая обувь, по виду – женская, порядком заношенная, углы заставлены всяким хозяйственным скарбом.

Тут вторая, ведущая из сеней в избу, дверь распахнулась и к нему вышла женщина лет семидесяти с гаком или восьмидесяти. Долговязая, жилистая, лицом она была худа и скуласта, близко посаженные глаза-буравчики

смотрели пронизательно и остро. Кирилл представился – мол, учёный из города, здесь по заданию института и всё такое; коротко, давно обкатанными фразами, объяснил цель визита: дескать, ездит по деревням, обходит наиболее уважаемых и знающих жителей, и записывает необычные истории, что случались с ними или с их близкими в прежние времена.

– Заходи, раз из эдакой дали приехал, – заявила хозяйка. – Не шибко я поняла, что за дело у тебя, ну да ладно, за столом растолкуешь.

Горница в целом гармонировала с внешним обликом избы: полати, глинобитная печь едва не в полпомещения, тяжёлый потолок из сплошного круглого накатника, стены, сложенные из гладко отёсанных брёвен, по стенам – широкие лавки. Снижал впечатление старенький чёрно-белый «Рекорд-67» в красном углу.

За длинным столом сидели две старушки, перед каждой дымилась чашка с горячим чаем, тут же стояли сахарница, вазочки с вареньем, глубокая миска с баранками и накрытый тряпицей чугунок. Старушки лишь улыбочиво покивали гостю и вновь вперились в экран – показывали третью серию «Цыгана».

– Ты, мил человек, посиди пока тихонько, – негромко сказала хозяйка, указывая на лавку, – кино скоро кончиться, тогда и поговорим.

– Уж больно фильм хорош, – извиняющимся тоном пояснила одна из сидящих перед телевизором бабулек.

– Тише ты, Фёкла, – тут же шикнула на неё вторая.

Кирилл послушно присел на лавку, с интересом осматриваясь. Кажется, ему повезло – в первой же избе застал сразу трёх местных старожилков. Теперь главное разговорить бабулек, направив разговор в нужное русло. А для этого необходимо найти к ним подход. Насчёт хозяйки, несмотря на её внешнюю суровость, он не переживал. Кирилл убедился на опыте, если уж пригласили в дом, не отказали, сославшись на занятость или иные причины, то дело пойдёт. А коли ещё и за стол усадят, тогда и вовсе. Но что с остальными двумя? Наверняка это соседки, зашедшие на фильм, скорее всего ровесницы хозяйки. Выглядели они вполне добродушно: маленькие и плотные, румянощёкие и похожие одна на другую, точно сёстры-близнецы, старушки напоминали пару сказочных колобков.

Наконец пошли титры, хозяйка выключила телевизор и пригласила гостя к столу. Кирилл, не тратя времени, вытащил из рюкзака кулёк конфет, две пачки печенья «Земляничное» и поллитра «Зубровка».

– Гляди, Устинья, гость-то у тебя какой знатный, – с весёлым квохтаньем заметила одна из румяных старушек, – с гостинцами, не абы что. Сразу видать – городской, культурный.

– А что там у вас в городе не слыхать, – спросила вторая, – поладят Будудай с Клавдей, ли чё ли?

– Погодь ты, Евдокия, со своим Будудаем, – оборвала её хозяйка. – Человек не кино смотреть приехал, а по делу. – И обращаясь к Кириллу, заявила: – За конфеты спасибо, а казёнку приberi, у меня наливка домашняя есть, на травах да ягодах. Да и крепка она для нас, казёнка-то, сколь там... у-у! сорок градусов! Приberi, приberi. Так что у тебя, говоришь, за надобность?

– Что ж, Устинья, мы пойдём, пожалуй, – засобирались Фёкла с Евдокией.

Но Кирилл, включив всё свое обаяние, упросил обеих бабулек остаться, поскольку, дескать, в его деле и они очень помочь могут. Хозяйка дома – Устинья, принесла тем временем обещанную наливку в пузатой литровой бутылки тёмно-зелёного стекла и поставила перед гостем миску с пирожками.

– Откушайте с дороги. Эти – с капустой, а те – с яйцом и луком. Холодные, правда, дак, кто ж знал...

Кирилл заверил, что холодные пирожки его самое любимое блюдо, представился, рассказал кто он и откуда, и как мог доходчивее объяснил, с какой целью пожаловал в их деревню.

– Так тебе что ж надо-то? – с недоумением уточнила Фёкла. – Нешто сказки? Я какие, может, и знала раньше, все запамятовала. И не мастерица я сказки-то сказывать. Это тебе лучше к Корякиной Прасковье, она...

– Нет, нет, нет! – перебил её Кирилл. – Мне нужны от вас не сказки, а былички, бывальщины. Сказки это про то, что никогда не было, ну: «В некотором царстве, в некотором государстве...», а меня интересуют истории, которые на самом деле случились – или с вами или со знакомыми вашими, односельчанами там, или с кем-то из родственников, понимаете? Но только истории необычные – волшебные. Про колдовство, приворот, про домовых да леших, про покойников, про то, как хомуты надевали, и тому подобное. В общем, удивительные истории, чудесные даже, но не выдуманные, а настоящие. Знаете такие?

Женщины переглянулись, покачивая головами и задумчиво вздыхая. Долговязая Устинья молча поднялась, принесла три стеклянные рюмки с золотыми ободками и распорядилась:

– Давай-ка, наперво, наливки моей спробуй, а там, глядишь, и вспомним чего.

Выпив наливки, которая и впрямь оказалась весьма вкусна, все некоторое время молча жевали. Потом хозяйка, ткнув надкусанным пирожком в Евдокию, заявила:

– Слышь-ка, Даниловна, расскажи человеку про тот случай, что с твоим свёкром, с Егором Кузьмичом был.

– И верно, – поддержала её Фёкла, – давай, Дуня, рассказывай про свёкра. А ты, Устинья, наливочки нам ещё плескани. Ой, до чего у тебя наливочка вкусна, до чего вкусна! Так бы, кажись, пила бы да пила.

– Пить – не дрова рубить, – с усмешкой заметила хозяйка, наполняя, тем не менее, рюмки тягучей жидкостью. Ну, Даниловна, вспомнила про Кузьмича? Расскажешь?

– Отчего не рассказать? – легко согласилась Евдокия. – Расскажу.

– Погодите минутку! – всполошился Кирилл. – Я сейчас, мне же надо всё подготовить.

Он вытащил из спортивной сумки кассетный магнитофон «Электроника-301» московского завода ТочМаш, бережно (вещь казённая) положил на стол, подключил микрофон и вставил чистую кассету МК-60; потом достал из той же сумки пухлую записную книжку и приготовил ручку.

– Мне необходимо записать ваши полные данные: фамилию, имя, отчество и год рождения, – объяснил он и извинительным тоном добавил: – Такой порядок.

– Пиши, раз порядок, – не стала возражать старушка. – Мосолова я, Евдокия Даниловна, родилась здесь же, в Бедокурихе, в девяносто третьем годе.

– Так вам, Евдокия Даниловна, восемьдесят семь лет? – поразился Кирилл. – Никогда бы не дал.

– А что ж? – пожалала та пухлыми плечиками. – Младшая я.

– Младшая? – не понял Кирилл.

– Ага, младшая. Сестра-то, – старушка кивнула на свою соседку, – на два года меня старше будет. Так, Фёкла?

– Где на два-то? – возмутилась Фёкла. – На год и девять месяцев только!

– Ну, пусть, – согласилась Евдокия. – А Устинья нас обеих старше.

– Давайте, я и ваши данные сразу запишу, – обратился Кирилл к хозяйке.

– Устинья Тимофеевна Полоротова, – с готовностью ответила та, – с тысяча восемьсот восемьдесят шестого году по пачпарту. Показать, ли чё ли?

– Если несложно, Устинья Тимофеевна.

Хозяйка поднялась и скрылась за занавеской, которой был отделён кутный угол. Вернувшись, протянула Кириллу документ.

– По выпиши из метрической книги дату сверяли, – пояснила она.

Кирилл только головой покачал. Зафиксировав данные всех трёх женщин, он нажал на магнитофоне нужную клавишу и сказал:

– Ну, Евдокия Даниловна, мы готовы выслушать ваш рассказ.

– Это что ж, – спросила старушка, указывая на микрофон, – в энту штуку говорить надо?

– Вы говорите, как обычно, а на штуку не обращайтесь внимания.

– Ну что ж, мил человек, слухай... – заговорила старуха Мосолова, поудобнее устраиваясь на лавке и поправляя концы завязанного под пухлым подбородком платка, – случилось это не в нашей Бедокурихе, а в Нижней Куенге. Ну не в ней самой, а рядом то исть...

– Погодь-ка, Даниловна, – прервала ее Устинья, – время-то позднее, да и неведомо, сколь мы тут пробалакаем, так я покудова загодя всё уж приготовлю, чтобы после по избе не скакать...

С этими словами хозяйка схватила со стола оловянную плошку, споро наполнила её пшённой кашей из стоящего тут же чугунок и вновь поднялась со своего места. Поставив плошку на шесток русской печи и вернувшись к столу, она сочла нужным пояснить:

– Я, вишь, паря, печь-то недавно протопила, так что каша до ночи не простынет. Хозяин, он, знамо дело, тёплое любит, холодного не уважает, обиду затаить может.

– Какой хозяин? – насторожился Кирилл. – Вы, Устинья Тимофеевна, еще кого-то ждёте? Ваш... э-э-э... супруг должен вернуться?

– Какой-такой супруг? – удивилась Устинья. – Ты про мужа нешто? Так мужа у меня сроду не бывало. Всю жизнь проходила в девках...

– Кому же тогда вы кашу оставляете?

– Экий ты бестолковый, – вздохнула Устинья. – Известно кому, хозяину! Суседке. Домовому то исть.

– Вот как? Это просто замечательно! – оживился Кирилл. – Просто великолепно! А мне вы после расскажете про домовых-суседок?

– Зачем же после? Ты ж, милоч, Евдокию хотел слушать, она и расскажет. А ты, Даниловна, чего примолкла? Начинай уж, гость-то, поди, заждался...

Евдокия Даниловна пригубила наливки и начала рассказ:

– Я и говорю, то не у нас в Бедокурихе случилось, а в Сретенском, значится, районе... Там свёкор-то мой, Егор Кузьмич, на лесопилке работал. А было это годков эдак сорок, а то и поболее, назад. Егор, он, страсть как охоту уважал, любил, мил человек, по лесу шастать, берданом баловаться. Птицу всякую добывал, зайцев промышлял, лису, куничку опять же вываживал... Иной раз дня по три, а то ажно и по цельной седмице, пропадал в лесу, у него там по разным удобным местам сидьбы – шалаши, по-вашему – наставлены были. А уж коли сильно надолго застрянет, для тех целей охотничья заимка имела. Добротная, рубленая, с буржуйкой, лежаком и всеми делами...

– Ты, Дуняша, сама нешто с Кузьмичом на охоту хаживала? – рассыпалась вхохочущим смешком Фёкла. – Лежанку ему грела?

– Цыц! – прикрикнула на неё сестра. – Уж коли баю, так, стало быть, ведаю! Егор мне разов сто случай тот рассказывал, во всех, почитай, подробностях... И не встревай более, сиди да помалкивай... Так вот, значит, как-то раз по осени застрял он в лесу надолго – не то уж больно много дичи промышлялось, не то мало, не упомню. Ну, застрял и застрял, сторожка-то на что? Он туда. А дело к ночи. Вот он буржуйку затопил, еды какой-никакой в манерке состряпал, пожевал да спать собрался. И что ты думаешь: забыл про суседку-то! То исть всё сам схарчил, а домовому ни крошки, ни на синь-пороху не оставил. Уставший был, вот и запамятовал, сердешный. Ладно. Лёг, значит. И только-то засыпать начал – стук, дверь открывается, а на пороге девка в рыжем платье. Коса длинна, сопатка ряба и изо рта три зуба торчат – один снизу да два сверху. Что, думает, за оказия! А девка ему, свёкру то исть: позволь, дескать, мил человек, у тебя на заимке переночевать; в лесу, мол, заблудилась, покуда грибы рвала да ягоды собирала. Егор её пытается: кто такова и звать как. А она: по разному люди кличут – кто Дунькою, кто Акулькою. Тут свёкор смекнул: не иначе – то кикимора в гости к нему пожаловала. Ладно. Заходи, говорит, только лежак у меня один, так ты на пол курмушку мою, куртку то исть, брось, да располагайся себе. А что делать? Непустишь, она снаружи что-нибудь да набедокурит – сторожку подожжёт или ещё чего, апустишь – тоже беда, но так хоть на глазах будет, уследить можно. Легла, стало быть. У свёкра, ясно дело, сна уже ни в одном глазу, с боку на бок ворочается, ждёт, что дале будет. И правда, часу не прошло, Дунька-Акулька с курмушки подымается, да тихо эдак на карачках к свекровой лежанке ползёт. Егор-то хотел вскочить, да куды! Руки-ноги будто отсохли, и пальцем шевельнуть не может! Да и видит, это уж не девка вовсе, а рысь, самая что ни на есть настоящая, шипит, к нему крадётся! Пасть ощерена, с клыков слюна течёт, глаза точно плошки, жёлтым огнем горят... Страх, да и только! Егор и думает: ну, видно, смерть моя пришла, до берданы не дотянуться, руки вовсе онемели, дышать уж и то невмочь, лежит колодой, стонет... Только-то собрался напоследок молитву Богородице вознести, как вдруг из самого тёмного угла, что за буржуйкой, вылазит ктой-то – большой, мохнатый – совсем вроде здоровенного мужика в бараньем тулупе, токмо лица не видать, борода одна... Вылез, упал на рысь и давай её давить. Давит и рычит! Давит и рычит! Глядь, рысь уж не рысь, а та прежняя рябая девка – извивается, пищит, стонет, вырваться хочет... У свёкра враз онемение прошло, он с лежача-то вскочил и за бердану... Но тут и исчезло всё – и мужик и девка – как не было никого! Егор к тому месту, где они боролись, подбёг и видит: лежит на полу мала куколка, тряпицей грязной обмотана. Ну он, понятно дело, схватил эту куколку да скорей в печку железну и бросил – как завизжало оттудова, как искрами шибануло! – и всё, не стало кикиморы. Вона как бывает...

– Замечательная быличка! Такая колоритная... – начал было Кирилл привычные славословия.

– Да погоди ты, заполошный, – тут же окоротила гостя Евдокия Даниловна. – Слухай, что дале было... Так вот, значит, поуспокоился Кузьмич, снова спать наладился. Да едва прилёг – опять стук, дверь с грохотом настезь, а на пороге огромный дед в бахановом зипуне и треухе куньем; сам, вишь ты, чёрный, мохнатый, кряжистый, что твой дуб, весь волосьями порос, борода лопатой, зенки махоньки, злые. В одной руке – дубина корзоватая, вроде

посоха, во второй – коровий недоуздок. Ну и тоже, как водится, просится переночевать: у меня, мол, бурёнка в лес убегла, я её целый день шукал, да всё зря, только, вот, проваландался до ночи понапрасну. Свёкор и его пытается: кто таков, я в округе, почитай, всех знаю, а тебя, дед, не припомню. Старик в ответ: ну, коли не припомнишь, зови меня «старик Шатун». Свёкор, знамо дело, враз смекнул, кто перед ним. Да и то молвить, какой дурень не догадался бы? Леший, он и в Чухломе – леший! Что тут поделаешь? Не откажешь. Лешему и приглашения без надобности, кругом его, Лесного Хозяина, владения. Старик Шатун и правда особого знаку дожидаться не стал, вошёл, осмотрелся, растянулся прямо вдоль порога и захрапел. Егор бердану подтянул поближе, подле изголовья поставил и лежит сам не свой, а что дале стрясётся, и помыслить опасается. Только думает, зря он в изголовье топор не положил, потому как говорят, от лесовиков – это первое средство. Вона как... Ну и точно, часу не минуло, видит Егор, неладное творится: заворочался старик, захрипел, заурчал – совсем медведь в берлоге, а после приподнялся, на карачки встал и давай к лежанке красться. Егор присмотрелся, а ведь то и взаправду никакой не старик вовсе, а медведь! Лапищи здоровущие, когти на них вершка под два, чёрные... Глазелки алым огнём пыхают, пасть зубастая, да такая, что, кажись, в неё и полтелёнка враз поместится, а смрад из той пасти, будто из выгребной ямины! Свёкор было к бердане, да не поспел – сызнова его паралич хватил! – лежит, болезный, чурбак чурбаком, не шелохнется, от смертного ужаса холодным потом обливается. И опять, как и в прошлый-то раз, выскакивает вдруг из-за печи ктой-то мохнатый в бараньем тулупе, кидается сверху на того медведя и давай чудище энто давить что есть мочи. Давит и рычит! Давит и рычит! Егор враз приободрился: ну, думает, не пора мне ещё помирать, может стать, поживу ещё маленько. Вона мой защитник каков, того и гляди, задавит проклятого лешака!.. Ага, ладно. Токмо не тут-то было. Медведь рыкнул раз, рыкнул другой, да и стряхнул с себя запечного мужика! Уселся на него всей-то тушею и давай теперь сам его давить, лапами рвать да зубищами грызть. Мужик не сдаётся, отбивается, но, по всему видать, тают его силы, а медвежьё – возрастают. Свёкор, видя такое дело, попробовал руками пошевелить – хотя и с трудом, но получилось у него до берданы дотянуться, – ухватил он кое-как ружьё, прицелился медведю прям в башку, да и пальнул!.. Смотрит, а тому хоть бы хны, даже и не вздрогнуло чудище поганое... И тут услышал Егор Кузьмич голос, но не въяве, а будто бы прямо в его голове звучащий: «Беги, Егорка! Беги, покуда не одеревенел вовсе. Не удержать мне твоего недруга, не сладить с ним. Давно я пицци человечьей не едал, ослабел совсем, вот и одолевает меня старик Шатун». Тогда-то и вспомнил свёкор, и пожалел горько, что позабыл с вечеру оставить провизии домовому. Пожалел, да поздно. Впрочем, сполз кое-как с лежача, дотацился до двери и наружу вывалился. А там враз почувал – вернулись к нему силы, спало онемение членов. Видно оттого, что лешак-то на заимке остался. Тут уж Егор мой руки в ноги, да и припустил таким прыткою, таким конём виноходным – ажно за полсуток до села добёг!.. Вот, милоч, такая история со свёкром моим случилась. Как сама слыхала, так и передаю, слово в слово, ни на синь-пороху не соврала, – заключила свой рассказ старуха.

– А со свёкром, с Егором Кузьмичом, что случилось? – любопытствовал Кирилл.

– А что с ним, бугаём, станется? – со вздохом пожала плечами Евдокия Даниловна. – Ничего. Умом разве маленько тронулся, в лес уж боле не хаживал,

бердану забросил, да и на лесопилке появлялся от случая к случаю – всё на завалинке сидел и казёнку трескал. А как, бывало, натрескается, непременно про домовых да кикимор с лешими патефон свой заводит.

Кирилл поставил запись на паузу.

Тем временем за окошком заметно потемнело, хотя для сумерек ещё было рановато. Устинья щёлкнула выключателем, и над столом зажглась одинокая лампочка в бумажном абажуре.

– Гроза, однако, собирается, – заметила она и, обращаясь к Кириллу, спросила: – А ты что ж ничего не пьёшь, не кушаешь? Иль не понравилась моя наливка?

– Очень понравилась, – заверил Кирилл.

– Вот и пей тогда, чего рот сушить.

– А и правда, Тимофевна, наливай, – махнула рукой Евдокия, – а то сидим ровно на поминках.

– Тьфу, ты, балаболка, – рассердилась Фёкла, – скажет, как в лужу...

– Чем собачиться, – захихикала Евдокия, – давай, сестрица, рассказывай, теперь твой черёд.

– И расскажу, расскажу! – заверила Фёкла. – Я разных бывальщин поболе твоею помню. Да вот хоть эта, слушайте...

Кирилл снял паузу и пододвинул микрофон поближе к рассказчице.

– Случилось это недалеко от нас, в Шелопугине, – начала Фёкла Даниловна. – Жила там раньше одна девка-перестарок – Катериной звали – рябая, косоглазенькая да полоротенькая. Ко всему – сирота круглая. Ну, вот, по этой причине замуж её, сиротку убогую, никто не брал. Да что там «замуж»! Парни и на улице норовили её стороной обойти, а уж коли кому доведётся встретить, тот непременно либо кукиш в кармане сложит, либо через плечо сплюнет – от сглазу. Потому слух шёл, будто глаз у неё очень нехороший, дурной, несчастья приносит. Девки тоже Катерину не особо жаловали, не то ведьмой, не то шишигой почитали. Враньё ли, не ли – не скажу, не знаю. Но народ, он, мил человек, правду издаля чувствует, зря болтать не станет... Так вот и жила Катерина, маялась да тужила. И как не тужить: кругом, куда ни глянь, парочки милуются, сваты от избы к избе снуют, свадьбы справляют, а она – одна одиёшенька, все-то её сторонятся, все чураются... Бывало, парни с девками соберутся на завалинке, разговоры разговаривают, смеются, семечки лузгают, а только-то Катерина к ним подойдёт, те так и прыснут в разные стороны, так и припустят прытчком, точно от какой чумной заразы. Ну, конечно, заскучала девка, закручинилась. Такая тоска чёрная на неё навалилась, инда сохнуть стала, хотя и без того тоща была – жердь жердью. А раз поутру вовсе ей не вмоготу стало, не сдюжила она, вышла на крыльцо да и рявкнула в сердцах во всё-то горло: «Что ж такое дееется! Хоть бы какой сатана меня в жёны взял!» Только сказала, колокольца забренчали, кони заржали, глядь, а уж катятся к её избе сваты с женихом. А жених – красавец писанный, росту саженного, сложения богатырского, одёжа – колхозному председателю носить впору. Обомлела девка, стоит, слова вымолвить не может... Ну, что там рассусоливать, коротко говоря, и опомниться Катерина наша не успела, как дело слажено оказалось – на третий день свадьбу играть назначили. Так вот. Молодая-то сама себя от радости не чувяла, ничего-то вокруг себя не примечала, не видела, токмо на суженого своего пялилась, да слёзы счастливые лила. Как срок подошёл, народу на свадьбу много собралось, всё боле со стороны жениха – у невесты-то, вишь, из родных никого, а деревенским тоже не больно охота

у порченой гулять... Но жила тут же, в Шелопугине, одна малая девчушка – Лидка – годков тринадцати... Ты, Дуня, должна её помнить, она нам какой-то родней приходилась, дальней... Эта-то Лидка почитай одна из всего села Катерины не чуралась. По малолетству да глупости, верно. Вот её на свадьбу и пригласили. Она же, Лидка-то, после мне и рассказывала: дескать, расселись гости за стол, молодые – во главе, прочие, как водится, по бокам, её же, малую, с краюшку, на уголок усадили. Ну, ясно дело, пить-есть принялись, за здоровье молодых стаканы с первачом подымать; чуть погода и веселие пошло, раздухарились гости, гармонь заиграла, песни полились... Тут у Лидки, возьми, и ложка под стол упади. Полезла она за ней, смотрит и глазам не верит: почитай у всех гостей вместо ног конски копыта! Выглянула из-под стола-то: вроде опять всё хорошо, всё нормально – гости как гости, разве парни больно мордатые и горластые, да девки – чересчур бестыжие, а так ничего. Сунула голову обратно – как есть, конски копыта! Думает, мерещится ей верно – успела к тому времени самогону пригубить. Однако было у неё с собой стёклышко от лампадки, вот она и скумекала: дай-ка я сквозь него вокруг посмотрю. Лампадка та ведь непростая была, из самого Ерусалиму. Так и сделала: вытащила стёклышко, к глазам поднесла, да так и обомлела. Батюшки! Страсти-то какие! За столом уж не бабы с мужиками, не девки с парнями сидят – куды там! – одни чудища окаянные. Сопатки у всех не человечьи – звериные! У одного – морда лошадиная, у второго – собачья, у третьего – свиное рыло, другой – петушиной башкой на журавлиной шее крутит. Да каких харь только нет: лосиные, волчьи, медвежьи, лягушачьи, куньи – все пасти расщеперили, ржут, гогочут, рычат, зубами щёлкают. Иных образин малая отродясь не видывала, эдакие и во сне не примерещатся. А коли примерещатся, так и ума лишиться недолго. И у каждого-то изо рта огонь пыхает! Навела Лидка стекло на жениха и чуть памяти не лишилась: заместо статного красавца сидит подле Катерины страхолюднейший дед, горб из-за спины видать, лапы – коряги гнилые, рожа вся зелёным мхом поросла, глаза кровавыми угольями горят, а на темени – роги длиннее бычачьих! Вот Лидка-то и надумала: надо скоренько отсель бежать, подобру-поздорову, а то, не ровен час, схарчат её эти чудища, схарчат за милую душу и не подавятся. Но только она из-за стола подниматься стала, как соседка с жабьей сопаткой хватъ её за руку: мол, куда это ты, малая, наострилась? Или тебе веселие тутошнее не по нраву? Или гости не показались? Лидка однако не растерялась и отвечает, что ей, дескать, по малой нужде приспичило; сбегает и вернётся. Жабья морда её и отпустила. Ну, малая, как только за дверь, так бежать кинулась, только пятки засверкали; добегла до дому и давай криком кричать. Родные её спрашивают, что да как, а она только и может ответить, что вот, мол, у Катерининых гостей в роте огонь!.. Знамо дело, никто малой не поверил, решили – дурит девка, наливки упилась. А через недолгое время запылал дом-то у Катерины, весь разом вспыхнул и в несколько минут, точно свечка сгорел. Как потушили его, никаких тел там не нашли, окромя Катерининого: едва внутрь вошли, тут и увидали – висит она, сиротинушка, вниз головой на потолочной матице, и кожа у неё вся сверху до низу ободрана, точно у телка на бойне...

– Это всё, Фёкла Даниловна? – уточнил Кирилл.

– Чего ж тебе ещё? Сплясать, нешто?

Тут небо за окном расчертил ослепительный разряд молнии, и в тот же миг весь дом сотряс мощный громовой раскат. Следом по крыше забарабанили капли, дробь их становилась всё чаще и чаще, пока не слилась в один сплошной гул – начался ливень. Лампочка над столом замигала и погасла.

– Принесла нелёгкая! Теперь суток двое впотьмах сидеть. – Устинья встала и с ворчанием скрылась в закуте.

– Типун те на язык! – всполошилась Фёкла. – Завтра четверта серия «Цыгана».

– Вот тебе и четверта серия, – заявила хозяйка, возвращаясь с зажжённой керосиновой лампой и ставя её в центр стола.

Закопчённая лампа давала мало света, так что углы помещения тонули во мраке. Тусклое освещение, вспышки молний, громовые раскаты и нарастающий шум дождя порождали настроение тревожной загадочности, даже мистичности. Кирилл зябко передёрнул плечами и потянулся к рюмке.

– Устинья Тимофеевна, – обратился он к хозяйке, – пораруйте и вы нас какой-нибудь интересной бивальщиной.

Та усмехнулась в ответ, но ломаться не стала:

– Слушай, голубь... Припозднились мы, правда, ну да ладно, всё одно далеко мне до Фёклы с Евдохой, не такая языкастая... Вот ты давеча про колдунов справлялся...

Кирилл не помнил, чтобы спрашивал о чём-то подобном, но спорить, разумеется, не стал.

– Любопытствовал, есть ли такие воржецы на свете, которым черти служат, – продолжала старуха. – Не ведаю, как в нынешние времена, а раньше их порядком встречалось. В тутошних краях. Нынче-то знающие люди, может, и перевелись, больно хилый народец стал, квёлый да боязливый, собственной тени страшится, не то что с нечистым стакнуться... Однако ведь, не токмо у воржецов, у каждого человека свои черти имеются. Что Фёкла про Лидку-то малую рассказывала, помнишь? Так я эту Лидку тоже знавала, когда она уже замужней бабой была, да угланов штук пять или шесть народила. Муж-то у ней был отсюда, вот она к нам, в Бедокуриху, вскорости и перебралась. И про шелопугинскую свадьбу от неё слыхала. Всю правду Фёкла тебе рассказала, не сомневайся... Так я когда про осколок ерусалимской лампадки узнала, сама не своя сделалась, стала стёклышко это у Лидии выпрашивать, прицепилась к ней, что твой банный лист: дай, грю, мне его хотя на время попользоваться. И выпросила-таки! Дала мне его Лидия на три дня, но с условием – никому, ни одной живой душе, при её жизни не рассказывать, что увижу. Померла она давно, так теперь можно... Принялась я с этим стёклышком по деревне ходить – и что ты думаешь? – стала многое видеть, что ранее и в голову вступить не могло. Иду, бывало, по улице, смотрю тайком сквозь стёклышко, а саму страх так и забирает: куда не глянешь, всюду они так и шныряют, так и шныряют! Окаянные-то. Который-то на плече у женатого мужика притулился, нашёптывает тому на ухо мысли срамные, зазывает к полюбовнице в соседнее село; тот – махонький совсем, не более лягушонка – у мальчика из кармана выглядывает, на воровство подзуживает; иной и вовсе изо рта у пьяницы горького торчит, хнычет, сивухи требует... И так-то, грю, у каждого. Вот иду и вижу, молодые в великий пост на сеновале затаились, милуются. А бес-то не теряется, пристраивается, бесстыжий, заместо мужа, ажно хрюкает от удовольствия. Другой нечистик бабе в руку батог суёт, поучи-де уму-разуму детушек... Одно хорошо – никак не можно на саму себя глянуть, своих чертей рассмотреть, а то ведь и совсем тошно бы сделалось... Ну и не выдержала я долее одного-то дня, отдала то стёклышко Лидке обратно – на, грю, сама в него на чертей любуйся, а я уж, чай, обойдусь как-нибудь... А касаемо воржецов, так я тебе, мил человек, про Ефима Фомича

могу рассказать. Вот уж кто и взаправду знающий человек был, штук десять чертяк ему прислуживало. Всё мог! И скотину попортить, а после за мзду вылечить, и приворот сотворить, и хомут надеть. Кому надо, к примеру, зазнобу присушить или постылого мужа со свету сжить – все к Ефиму Фомичу... Да, шибко Фомича у нас уважали. А боялись и того шибче... Но ведь и он помер не простой смертью. Как занемог и понял, что уж не суждено поправиться, так наказал жене, – а любил он её очень и уважал, – ты гляди, Авдотья, едва дух из меня вон, – тот же час подрежь мне жилы на руках и ногах; сперва подрежь, а уж после можешь и в гроб класть. Так сказал да и помер в тот же вечер. Авдотья же не восхотела волю его последнюю исполнить: жаль стало над мёртвым мужем изгаляться. Ведь и она в Ефиме души не чаяла. Дружно они жили. Коротко говоря, сделала всё чин по чину: обмыла покойника, обрядила и в гроб под образами положила. А ночью-то всё одно не спит, побаивается. Вот, протопила печь, да принялась угли кочергой к загнётке сгребать. Вдруг чует, затрещало что-то, зашумело в доме, оглянулась, а покойник-то в гробе шевелится, сесть пробует – и покрывало с себя на пол сбросил. Перепугалась баба, схватила кочергу, на печь через голбец залезла, да и затаилась. А покойник уж из гроба вылез, по дому расхаживает, руками вокруг себя водит. Знамо, жену ищет. Авдотья лежит на печи, дрожит от страха, не жива, не мертва. А Ефим уж к печи подобрался, на голбец взбирается; Авдотья хрясть ему кочергой раскалённой по зубам, а зубы-то у покойного все до единого железные были, только сбрыкали. Не отступает мертвяк, дальше ползёт. Да и как ему отступить? Черти-то, которых он при жизни голубил, пищи хотят, сожрать жену требуют. Вот, как ни отбивалась баба, как не чекрыжила мужа покойного кочергой, ништо не помогло, не смогла она до первых петухов продержаться... Поутру родичи в избу вошли, да там же на печи их обоих обнаружили: у Ефима вся рожа в крови, а Авдотья едва не до мослов обглодана...

Закончив рассказ, бабка Устинья наполнила опустевшие рюмки и, не дожидаясь прочих, залпом махнула свою.

– Ну что скажешь, – крикнув и понюхав баранку, спросила она Кирилла, – понравилась моя история?

– Нет слов, Устинья Тимофеевна, просто нет слов! – заверил Кирилл, останавливая запись. За окном снова полыхнул ослепительный просверк, и секунды через три громыхнуло, но уже не столь раскатисто, как прежде; по всей видимости, грозовой фронт начал сдвигаться. – Прям мороз по коже. Честно!

Евдокия прыснула в кулачок и подмигнула сестре. «Ну, будя, будя, раскудахталась», – осадила её Фёкла, ткнув локтем в бок.

Отпив из рюмки и закутив, Кирилл расслаблено откинулся на спинку стула. Что ж, финал научной командировки можно считать вполне успешным. Приятная истома овладела его членами, окружающие предметы и лица старух подёрнулись лёгкой дымкой. «Порядочно я, однако, назюзюкался», – подумал он.

– Ты наливочку-то пей, не стесняйся, – подливая ему, посоветовала Устинья. – Она у меня на ягоде, на травках – лечебная.

– Хороша наливка, – согласилась Фёкла, причмокивая и покачивая головой. – Мёртвого на ноги поставит.

Евдокия взвизгнула и так и зашлась рассыпчатым смехом. Кирилл от неожиданности даже сигарету выронил.

– Раскатилась поленница, – проворчала Фёкла, пряча усмешку.

Кирилл нагнулся, чтобы поднять выпавшую «Астру», кое-как подцепил её непослушными пальцами, но, бросив случайный взгляд под стол, так и обмер.

Ноги... Что-то не так с ногами старух... Ноги у них были не человеческие, а ... ну да! птичьи, куриные: туго обтянутые жёлтой с роговыми бляшками кожей, с вывернутым назад суставом, три пальца торчат вперёд, а четвёртый направлен назад, как шпора. Коротенькие ножки Фёклы и Евдокии не доставали до пола, и сёстры весело побалтывали ими в воздухе, лапищи же Устиньи скребли половицы здоровенными – в палец – когтями, оставляя длинные борозды.

Медленно выпрямившись, Кирилл встретил внимательные, настороженные взгляды старух. За столом воцарилась гнетущая тишина. Женщины молча, не мигая, смотрели на него, будто ждали чего-то. При этом лица их тоже странно изменились: носы заострились и вытянулись, точно клювы, круглые глазки расползлись к вискам, сделались выпуклыми и хитро поблёскивали стекляннным блеском.

– Нешто у вас так в городе заведено, – прервала затянувшееся молчание Фёкла, – бабам под подолаы заглядывать?

– Э-э-м... Что ж... Благодарю за угощение и за... за... «Однако поздно уже, – осипшим голосом промямлил Кирилл, – пойду я, пожалуй».

– Куда ж ты, на ночь глядя? – удивилась Устинья. – У меня ночуй.

– Спасибо, но мне ещё надо... там... дела. – Кирилл дрожащей рукой потянулся к магнитофону. – Пойду.

– Куда ты, оглашенный? – воскликнула Евдокия, накрывая его руку своей пухлой ладошкой. – В темень, в грозу? Не пуцай его, Устинья!

Кирилл резко дёрнул рукой, высвобождаясь из цепких пальцев Евдокии, и опрокинул лампу. Она покатила по столу и упала на пол. В горнице воцарилась тьма. Кирилл, вскочил, на ощупь сграбастал в охапку магнитофон и ринулся к двери.

Тут очередная вспышка молнии на миг осветила помещение и выхватила из мрака Устинью, застывшую в дверном проёме с серпом в руках. Кирилл взвизгнул и бросился к окну. Послышались крики: «Держи его, окаянного, держи! Шею, шею ему хомутай!». Чьи-то руки ухватили его за ворот, он вырвался, но зацепил ногой за лежащий на полу рюкзак и, рухнув как подкошенный, ударился головой о пристенную скамью. В глазах у него потемнело...

С трудом разлепив веки, Кирилл осмотрелся. Он лежал на скамье в пустой горнице, укрытый лоскутным одеялом, поодаль стояли его ботинки, вся прочая одежда была на нём. За окошком брезжил рассвет. Боже, как голова трещит! Со стоном и кряхтением он принял сидячее положение, пытаясь припомнить вчерашние события.

Ситцевая занавеска, скрывавшая кутный угол, колыхнулась, и в комнату вошла Устинья.

– А, голубь, очнулся, – протянула она, – а я уж думала, до обеда проспийшь. В вечер-то прямо за столом тебя сморило, видно с устатку да непривычки; едва мы с Даниловнами тебя на лавку перетасили, вот ведь как. Похмелиться-то не желаешь? Наливка ещё осталась.

– Не-ет, что вы, Устинья Тимофеевна! – замахал руками Кирилл. – Мне с вашей наливки всю ночь что-то невообразимое снилось, вспомнить жутко. Будто я сам угодил в одну из тех бывальщин, что вы давеча мне рассказывали.

– Всяко бывает, – философски заметила Устинья.

– Который сейчас час? – поинтересовался Кирилл.

– Уж шесть утра.

В подтверждение её слов снаружи донеслись автомобильные гудки. Кирилл вскочил и заполошно заметался по избе, собирая пожитки.

– Патефон свой не оставь, – напомнила Устинья, – чай, вещь дорогая, опосля плакать будешь.

– Ну, спасибо вам, Устинья Тимофеевна, за всё, – уже в дверях поблагодарил он хозяйку, – побегу – водитель ждать не будет.

– Лети, лети, голубь, – махнула рукой старуха.

Когда «полупорка» тронулась, водитель, угостившись сигареткой, спросил:

– Это в чьей же избе ты, паря, ночевал?

– Вон в той, – указал Кирилл, – а что?

– Шуткуешь? – усмехнулся водитель. – Тот дом давно пустой стоит.

– Ну вот ещё! Как же пустой, когда в нём Устинья Тимофеевна Полоротова за хозяйку.

Шофёр повернул голову и внимательно посмотрел на Кирилла.

– И что, она вот прям сама тебя принимала?

– Ну да, – пожал плечами Кирилл, – сама. У неё ещё две старушки Мосоловы были.

– Это ж какие Мосоловы?

– Фёкла с Евдокией.

Водитель только крякнул и покачал головой.

– А что не так? – удивился Кирилл.

Сбавив ход на повороте, шофёр указал ему на кирпичное строение, возвышающееся на околице деревни.

– Видишь тот дом каменный? Это здешний клуб. А прежде в ём церква была. А за нею – кладбище, оно и сейчас есть. Вот на том кладбище они и лежат.

– Кто «они»? – не понял Кирилл.

– Полоротова Устинья и сёстры Мосоловы. Устинья-то уж лет пять как померла, а Мосоловых в прошлом году схоронили, я сам на ихних поминках водку пил.

– Ты чего-то путаешь, – нахмурился Кирилл, – этого быть не может! Я же с ними за столом сидел... чуть не всю ночь.

– Это тебя кто-то запутал, паря. Или глаза отвёл. Тут такое бывает.

– Да нет... не может быть! Чепуха какая-то. Кто кому чего отвёл... Постой! У меня ж они записаны! Вот же! – Кирилл выдернул из сумки магнитофон, перемотал кассету в начало и нажал воспроизведение.

Сперва из динамика раздался какой-то треск, а затем послышались странные звуки, напоминающие зловещее квохтанье; они всё усиливались, усиливались, нарастали и вдруг – истошный, полный нечеловеческой злобы вой резанул им по ушам! Челюсть у шофёра отвисла, он выпучил глаза и резко крутанул баранку. «Полупорку» вынесло на обочину, и она на полном ходу ткнулась мордой в ствол могучего кедра.

Скорость была не очень велика, и водитель лишь порядком приложился грудью о рулевое колесо, а вот Кириллу повезло меньше – он вышиб головой лобовое стекло так, что половина его туловища оказалась на капоте. Шофёр скоро пришёл в себя и втащил Кирилла обратно в кабину.

«Эй, как ты, паря? Чего ты?» – спрашивал он, тряся пассажира за плечи. Голова у того безжизненно мотнулась и упала на грудь. Увидев выпирающий шейный позвонок, шофёр прижал ухо к его груди – сердце не билось, Кирилл был мёртв.

ПОЭЗИЯ

Николай ПИДЛАСКО

НИКОЛАЙ ПИДЛАСКО

Николай Тихонович Пидласко – поэт, член Союза писателей России. Родился в 1956 г. на Украине. Окончил Киевский инженерно-строительный институт. Служил в ВС СССР и России. Подполковник. С 2005 года – член ЛИТО «Тосненская сторонка». Публиковался в фундаментальном иллюстрированном издании «Земля Тосненская. Изобразительное искусство и поэзия», в журналах «Север», «ДОН новый», «Невский альманах», «Окно», «Петербургские строфы»; в газетах «Литературный Петербург», «Тосненский вестник», «Привеский край», «Православный Санкт-Петербург». Автор 3-х поэтических книг.
Живёт в Санкт-Петербурге, Колпино.

Васильковый букет

Тульчин

Крепостью соборов
Мощь его крепка.
На коне Суворов
Замер на века.

Меж прудов тенистых
Улочки тихи.
Пушкин декабристам
Здесь читал стихи.

И Прибужья дали,
И увалов ряд
Славу и опалу
Тульчина хранят.

Синь небес...
Приволье
Седины степной.
Светлого Подолья
Городок родной.

В забытом краю

Льётся бас бархатистый шмеля
Над тропой полевою, окольною.
В жарком мареве тонут поля,
В степь иду золотую, привольную.

Мысли светлой надежды полны,
Утопаю в ромашковом инее.
Воздух давней вдыхаю страны,
Небо ясное – синее-синее...

И от зноя дрожит тишина.
Ни тенёчка.
Ни птичьего голоса.
Опалённая небом сосна
Сторожит эти хлебные полосы.

Хорошо на родной мне стороночке:
Степь да сёла, да церковь на взгорочке.

Праздник Покрова

Кровать и стол, и стульев ряд,
Известкой выбелены стены.
И руки женщины лежат
На хрупких старческих коленях.

Она давно живёт одна,
Живёт назло судьбе немилой.
Всех забрала родных война –
Ни похоронок,
Ни могилочек...

И завтра праздник Покрова.
И дремлет рядышком котёнок.
Половичёк.
И кружева.
И звук часов.
И свет иконок.

Волки

Зима. Мела метель шальная –
Заносам снежным края нет.
Изголодавшаяся стая
За вожакон держала след.

Опушка леса. За полями –
Село. Мелькали огоньки.
Пахнуло хлебом и дымами.
Засутилась стая и...

Почуяв сытный запах стойкий,
Тепло и прелость от закут,
Заборы сходу брали волки,
Как войско полевой редут.

...Собаки задыхались лаем.
Зверьё металось по дворам.
Метель, волчицей завывая,
Вплетала голос в общий гам.

Село в тревоге просыпалось,
Спускали люди псов с цепей.
...Ушло зверьё – метель осталась,
По-волчьи воя всё сильней.

Васильковый букет

Дух пшеничный. И песни цикад,
Тайный звон в куполах колоколен.
Улыбается тёплый закат
Над волнистым,
Над ласковым полем.

Радость Родины! Сердце в груди
Растревожено болью бывшего.
Но горит далеко впереди
Свет в окне огонёчка живого.

Пылким взглядом смотрю на закат,
Чуть взъерошил мне волосы ветер.
Тихий дом, тихий тын, тихий сад,
Мамин голос душевно приветен.

Ей дарю васильковый букет,
Кружевной, с бахромою, платочек.
Как же дорог мне Родины свет!
Как милы эти мамины очи!..

Пожни

Осени чёрные пожни
Родины тихой, степной,
С далью туманной, тревожной,
Непозабываемой мной.

Стылая зелень отавы
И обнажённость дорог,
И в придорожных канавах
Пыльный ковыль, полынок.

Рядом село на просторе,
Кладбище в поле вросло,
Но у дощатых заборов
Мне, как и прежде, тепло.

Есть лишь в душе тяжесть ноши:
Что там, в тревожной дали?
Этой и ближе, и горше
В мире не знаю земли...

На обочине сельского перекрёстка

Тихо-тихо под липой разлапистой,
Взгляд в кипреевой тонет глуши.
На дороге грунтовой, ухабистой,
Нет машин, и нигде – ни души.

И теплом ещё веют колодины
Ветхой церкви.
Печаль на душе.
Ржавый плуг в чернозём моей родины
Врос поодаль на старой меже.

Светит солнце.
И кустик смородины
К частоколу прижался щекой,
Как сыночек к плечу милой родины,
Где и жизнь,
и любовь,
и покой...

Хризантемы

Пахнут хризантемы вечерами,
Сумерки густеют на пруду.
И закат пылающий крылами
Машет нам жар-птицею в саду.

Разлетелись выросшие дети,
И тревожней стало на веку.
Только рифмой звонкою поэта
Из груди не выгонишь тоску.

Вспоминаем молодость былую:
 Всё ушло в неведомую даль.
 Но тебя по-прежнему люблю я,
 Ты меня, наверное, едва ль...

Пахнут хризантемы вечерами,
 Мы в осеннем лоне красоты.
 И дарю тебе я со стихами
 Благодарно нежные цветы.

В канун Пасхи

Пахнут ладаном стены церковные
 И торжественно свечи горят.
 Певчих пение чистое, ровное,
 Лица светлые.
 Радостный взгляд.

Прихожанами храм наполняется,
 В ожиданьи Святого огня.
 И по телу тепло разливается,
 Будто ангел коснулся меня.

Не спеша...

Вновь пропахли хлебом небо и дорога,
 И душистым сеном в огороде стог.
 Степь моя!
 Чего мне попросить у Бога?
 Здесь моя отрада,
 Здесь – печаль тревог.

И таится сумрак в суходольном логе,
 В серебристый тополь прячет месяц лик.
 Не спеша шагает по степной дороге
 С думою о вечном, о родном старик.

Сороковины

«Стар я стал: нет ни зренья, ни слуха...
 Ты, погромче, погромче ты мне!..
 Схоронил, схоронил я старуху,
 Вот теперь забываюсь в вине.

Как безногому жить мне на свете?
 Помереть бы мне раньше неё?!
 Да, ты прав, есть, конечно же, дети...
 Только горе, видать, лишь моё.

Сорок дней как не стало старухи.
 Вот за труд, за войну ордена...
 Пусть земля ей всегда будет пухом!
 Помянём!
 По-солдатски!
 До дна!»

Мостки

Ты на мостках в июньский вечер
 Сплетала косу не спеша.
 И темь окутывала плечи,
 Вечерней влагою дыша.

Я шёл по берегу вдоль поля.
 Пел жавороночек степной.
 Ты вдруг, шутя, сказала:
 «Коля!
 Ты проводи меня домой».

Прощались долго у крылечка,
 В саду звенели соловьи.
 Меня растрогали при встрече
 Твой нежный взгляд, глаза твои.

...Прошли года. У тихой речки
 Помоста нет. Камыш кругом.
 Бежит тропа. Трещит кузнечик.
 Невдалеке знакомый дом.

Ушли в былые чувства, шутки,
 Всё отшумело, как гроза.
 Но не забыть
 Ни взгляд твой чуткий,
 Ни васильковые глаза.

В Приазовье

Уходит ночь.
 Рассвет дымится.
 Степь – в золотящейся пыли.
 Зерном налившись, наклонился
 Ячмень почти что до земли.

Над новой Родиной небо
 Всё той же сини, глубины.
 Вдыхаю запах утра, хлеба
 И грусть утраченной страны.

Подкова

Милым краем навек очарован,
 Столько светлого в пылкой душе!
 Над порогом – на счастье подкова.
 Кто прибил? – не припомню уже.

С яблонь цвет опадает на землю,
 В доме ходики ровно поют.
 Этой песни душою я внемлю,
 И приемлю домашний уют.

Не приемлю холодной остуды,
 Руки родичам с радостью жму.
 И в судьбе всё, что было и будет,
 Всё, как должное, сердцем приму.

Веет утро прохладой медовой.
 И отрада, и грусть на душе.
 Над порогом – на счастье подкова.
 Кто прибил? – не припомню уже...

И вправду...

Склон речной.
 Осинки, словно свечи,
 Разгорелись ярко у воды.
 И на тёрне гам стоит скворечий –
 Манят птиц созревшие плоды.

От скирды исходит дух соломы,
 Камыши на воду полегли.
 С огорода мякоть чернозёма
 Веет сырью вскопанной земли.

И прижмусь душой тихонько к иве,
 Помолчим вдвоём о жизни с ней.
 ...Только здесь и вправду я счастливый –
 В самом сердце Родины моей.

Светлана Борисовна Горошилова – родилась в Заполярье на Полярной станции. По образованию – технарь, по складу души – поэт. Автор двух поэтических книг «Верю» и «Полёта память». Победитель конкурсов «О чести, доблести и славе» (2002) и «Русь Православная» (2013). Член Союза писателей России. Художник. Член Международного Художественного Фонда и Международной Федерации Акварелистов. Живёт в Москве.

«На родимой моей стороне...»

Ходить-бродить под шепчущей листвой
 и воздухом прозрачным наслаждаться,
 и мыслям самым лучшим предаваться,
 и на душе разглаживать покой.

Погодой любоваться не спеша,
 и дерево обнять, и прикоснуться
 рукой к земной траве, и улыбнуться
 умению трудяги-мураша.

И, может быть, растрогаться до слёз,
 и слушать птиц щебечущее пенье,
 и придавать великое значение
 полёту замирающих стрекоз.

Какое счастье – мудрые глаза!
 Какая радость – трепетные уши!
 Ведь можно всё увидеть и послушать,
 не только сердцу – другу рассказать.

А жизнь? Она порою бьёт ключом,
 когда-то – неожиданная тайна.
 Но каждая даётся не случайно.
 И есть всегда задуматься о чём.

Утро в деревне

Как сладко просыпаться по утрам,
где птичий щебет, солнце и отрада,
где суету просчитывать не надо,
где вольный воздух бродит по садам.

И городских соблазнов вовсе нет,
свободен дух и так ясна дорога.
И от земли идёт небесный свет,
и, кажется, недалеко до Бога.

Взликует сердце, замерев на миг,
ведь радость эта Родиной зовётся!
Ты не забыл, ты только лишь отвык
от свежести из русского колодца.

А петухи кричат и тут, и там
и тоже славят утро, без сомненья.
Здесь сладко просыпаться по утрам,
как будто каждый день твой воскресенье.

В золотых закромах сентября...

Наберу для картины я спелой рябины,
заплету её в зелень косы.
Раскраснелась она и пришла на смотрины
в самоцветах рассветной росы.

Как всё просто, светло, широко и правдиво
в золотых закромах сентября.
И смеёмся мы обе легко и счастливо,
на наречье одном говоря.

Наша осень с тобой до конца не допета,
нет гордыни под звонкой струной.
Просто алые гроздья сияют рассветом
над родимой моей стороной.

Поклонюсь и прильну я к подруге-рябине,
вместе славный букет соберём.
Вот и солнечный луч прописался в картине.
Мы на долгие годы втроём!

У берёз седые косы...

Ну, о чём ты, небо, плачешь
и зачем стучишь в окошко?
Посмотри, твой плед осенний
весь до ниточки промок.
И деревья загрустили.
Клён, что был недавно весел,
уронил к ногам последний
крытый золотом листок.

Видно, осень-одиночка
затуманила молчаньем,
что вчера цвело и пело
между небом и землёй.
Разлучила, омрачила,
тени стёрла, краски смыла,
распластав земное тело
под колючею стернёй.

Разве кто кого обидел
увяданием природы?
У берёз седые косы.
Ты в печали от того?..
Кто-то выглянул в окошко
в зазеркалье непогоды,
озадаченный вопросом –
не зачем, а для чего?

Под птичье пенье...

В доме тихо, встала раньше всех,
и отрадно, что не прозевала,
как под птичье пение и смех
утро на деревне ликовало:
что исчезли в небе облака,
что листва под солнцем заискрилась,
и ушла дождливая тоска,
что вчера бросала грязь и сырость.
Что не надо ноги в сапоги,
что сегодня на душе крылато..
Если так, то значит, пироги
испечём штук по десять на брата.
Самовар поставим на столе,
яблоки, сливовое варенье..
Как чудесно на родной земле
чествовать её преображенье!

Вот и август к концу,
на исходе крылатое лето.
Отцветают и жухнут
на поле трава и цветы.
Всё что пело, цвело,
было ласковым солнцем согрето,
обретает покой,
улетает, меняет черты.
У заснувших стогов
на духмяных недавно покосах
на паучьей струне
тихим звоном тепло отзвенит.
И на смену придут
и засветятся белые росы,
и листву соберут
с одиноких берёз и раakit.
Нагляжусь, надышусь
и протопаю тропок немало.
Как нигде здесь светло,
но настанет пора уезжать.
До земли поклонюсь
тем местам, где душа возростала
и с дорогою рядом
будет речка Серёна бежать.

Летних трав золотая истома
и цветов изумлённых ресницы,
дни, что каждым закатом знакомы,
отголоском легли на страницы.

Дождь пугает осенней хандрою,
не одну выставляя примету.
Вслед бросает пожухлой листвою
уходящему в прошлое лету.

В серый день от бесцветья не скрыться,
под дождём зябнут мокрые руки.
А ушедшее лето приснится!
Как печально-прекрасны разлуки!

ПАМЯТЬ

Александр КУЩ

МВТУ¹

Кучерявый

На четвёртом курсе был у нас такой предмет – материаловедение. Всего один семестр, читал доцент Кучерявый. Когда мы его первый раз увидели, то нас поразило несоответствие его внешности и фамилии: возраст слегка за тридцать, голова абсолютно лысая. Однажды, прогуливаясь по институту, я набрёл на доску с фотографиями студентов, окончивших училище с «красным» дипломом. Среди них увидел знакомое лицо с буйной шевелюрой. Подпись под фотографией гласила – Кучерявый. Когда рассказал ребятам в группе, то долго не стихал смех.

А запомнился он мне не только фамилией, но и своим отношением к нашему обучению. С первого же занятия предупредил – кто не будет ходить на лекции, тот не сдаст ни зачёт, ни экзамен. Чуть позже мы поняли, что он не шутил. Материала оказалось так много, что за полтора часа рука отваливалась и отказывалась держать ручку.

Зачёт я ходил сдавать к нему без всякого направления недели две, благо сменная работа позволяла это делать. Мы садились в аудитории, где по стенам были развешаны различные графики и диаграммы, и начинался мой рассказ по всем схемам. Я не знаю, почему он проникся ко мне такой «любовью», но пока я не выучил всё это как таблицу умножения, он мне зачёт не ставил. Окончательно я сдавал зачёт с какой-то дневной группой. Другой преподаватель, увидев, как я отвечаю, сказал Кучерявому, что он не помнит такого студента, и спросил из какой я группы. Тот с нескрываемой гордостью ответил: «А это вечерник». Глаза у второго превратились в «блюдца».

Экзамен потом прошёл на одном дыхании практически без подготовки. Не знаю, как у Кучерявого, но у меня к нему претензий не было.

Александр Андреевич Куш – родился в 1949 г. в Москве. Окончил МВТУ им. Баумана. Трудовая деятельность была связана с вычислительной техникой, ветеран труда. По итогам 1989 г. был признан лучшим по профессии Министерства радиоэлектронной промышленности СССР и награждён Почётным дипломом. Победитель и призёр конкурсов профессионального мастерства Минрадиопрома СССР. Член МГО СП России. Награждён дипломами за участие в конкурсах МГО СП России, регулярно печатается в газете «Московский литератор». Участник 4 Фестиваля славянской поэзии в Варшаве в 2011 г. Лауреат конкурсов МГО СП России «Лучшая книга 2011-2013, 2012-2014» (книги «Такая жизнь», «Перестал удивляться плохому», «Его Величество Случай»).

Живёт в Москве.

¹ Окончание. Начало в №2 (28).

Электротехника

На кафедре электротехники преподавала симпатичная, миниатюрная Светлана Масленникова. Экзамен она принимала всегда одна, руководительницу семинаров вежливо выпроваживала. Сначала шла задача. Решил – допускался к экзамену. Чтобы получить свой «заслуженный» трояк, надо было попотеть около получаса. На «4» и «5» приходилось потеть 2–3 часа. Так и случилось с одним моим приятелем из нашей группы. Два семестра он получал 5 баллов, знал предмет отлично, тем более что работал в НИИ источников питания. Но в последнем семестре и у него произошла осечка.

Масленникова никогда не вызывала студентов за свой стол. Весь экзамен она прохаживалась между рядами и, видя, что кто-то закончил писать, подходила к студенту, читала ответы и записывала на листе новый вопрос. Так было и в этот раз. Вся группа уже вышла в коридор и с нетерпением ждала последнего. А он не выходит. Заглядываем в аудиторию. Саня, вытирая пот, исписывает листок за листком. Масленникова как патроны подносит ему чистые листы. Наконец дверь открывается и выходит вконец измученный Сашка. Мы дружно кидаемся к нему: «Пять?». Ответ огорчает всех – «четыре». И стоило три с половиной часа мучиться. Ведь на дворе июнь, чистое небо, солнце, и Лефортовский парк манит своей природой честно отметить очередной «бой».

Кстати, с дипломом ему тоже не повезло. В руководители Сани попался преподаватель, который долго «доставал» его по мелочам, а когда уже вроде всё соответствовало всему, вдруг выяснилось, что защиту ему переносят на осень, т.к. в материалах нашли секретную информацию. А затем он и вовсе защищался на следующий год в феврале вместе с «дневниками».

А всё потому, что многие из наших ребят брали темы на работе, трудясь в основном в так называемых «почтовых ящиках», т.е. на «закрытых» из-за секретности предприятиях. Поэтому не всегда избыток информации помогал студентам-вечерникам в учёбе. Хотя был один случай, который как раз и показал, что мозги у «вечерников» работали иногда лучше, чем у молодых аспирантов.

Лекции по вычислительной технике на пятом курсе нам читал аспирант, без пяти минут кандидат технических наук. Многие из нас работали в разных вычислительных центрах, поэтому своими знаниями он нас не удивлял, а порой и пугал. В один из дней аспирант нарисовал на доске очередную схему. И тут сзади раздался голос: «А схема нарисована неправильно». Аспирант остолбенел. Не зная, как себя вести в такой ситуации, он начал доказывать своё. Мы быстро загнали его в «угол» своими познаниями, а потом нарисовали, как должно было быть. Когда такая ситуация повторилась несколько раз и мы убедились в некомпетентности аспиранта, то связались с параллельной группой и поинтересовались их обучением по этому предмету. Оказывается, там он тоже «косячил».

После этого мы написали на него жалобу в деканат по вечернему образованию, тем более, что в нашей группе училась секретарь проректора по вечернему образованию, и аспиранта быстро убрали. Вторая группа такому обороту дела была очень довольна. Потом мы узнали, что аспирант был «протее» зам. зав. кафедрой. Но мы же «вечерники», и ничего не боялись.

На последнем шестом курсе появился новый предмет «Экономика машиностроения». Как раз в то время стало модно строить сетевые графики и прочее. Лекции читали всему потоку, поэтому ходили на них «шалаяй-валаяй». Читал лекции пожилой преподаватель, как говорили, сам окончивший МВТУ

перед войной. К экзамену он допускал только сдавших зачёт по этим несчастным сетевым графикам. Причём узнали мы об этом, уже придя на экзамен. Из нашей группы в двадцать с небольшим человек допустили только шестерых. Сдали четверо. Лишний раз убедились, что биться нужно до конца без всякой «расслабухи». Наказаны были за наше разгильдяйство и узнали, «кто в лавке хозяин».

Примерно такая же ситуация получилась на последнем курсе с аналоговой техникой. Мы так и не поняли тогда, зачем нам нужно изучать аналоговые машины. Все уже работали с вычислительной техникой на транзисторах и микросхемах, поэтому в лампах никто не разбирался. Но нам повезло в очередной раз: в группе с пятого курса начал учиться бывший радист из спецназа ВМФ. Он провёл по нашей просьбе пару занятий с желающими не «завалиться», и мы успешно сдали экзамен. А сам он получил «3» за то, что начал спорить с преподавателем. Ведь тот был один на кафедре и, естественно, пользовался непререкаемым авторитетом. А тут какой-то «вечерник» с ним спорит.

Защита диплома

Институт чем-то сродни армии. Весёлых ситуаций у нас, вечерников, всегда хватало. Защита диплома – большое испытание нервов и здоровья. Те, кто очень быстро пытался сделать диплом, как правило, натыкались на какие-нибудь грабли, потому что руководитель начинал придирается к любой мелочи. Ведь времени на переделку хватало, а так как мы в основном работали в «почтовых ящиках», т.е. на закрытых предприятиях, то проблем у нас только прибавлялось. Посмотрев, как мучается один из моих друзей, я решил особенно не торопиться, благо, на работе у меня был знающий начальник отдела. Руководитель моего дипломного проекта в институте оказался человеком понимающим и особенно меня не торопил.

За неделю до защиты показал полностью готовый диплом, особых вопросов не возникло, и я начал готовиться к решающему испытанию в своей жизни. Тем более что к тому времени я уже знал основное понятие высшего образования: «5 лет тюрьмы, 4 месяца каторги, 15 минут позора и пожизненный бутерброд с маслом на всю оставшуюся жизнь». Но это годилось для дневного отделения, а мы были вечерники и ничего не боялись.

Запускали нас в аудиторию по пять человек. Сначала вешал свои листы последний защищающийся, а верхними были листы первого. Затем уходя, каждый снимал своё и так до последнего. Времени давали на защиту и ответы на вопросы не более 15 минут. Я попал во вторую пятёрку последним. Всё шло гладко, ребята выходили довольные и счастливые – отмучились. Шесть лет учёбы позади и не надо четыре раза в неделю мчаться по вечерам в училище, а на старших курсах – на лабораторки по субботам. Наступила моя очередь. Выходит предпоследний человек. Я интересуюсь, всё ли он снял. Получаю утвердительный ответ и смело вхожу.

Начинаю свой рассказ. Волнения почти нет, но подходя к седьмому листу, вижу, что Серёга не снял 3 последние свои листа. Бросаю взгляд на комиссию – они уже подустали, и им хочется побыстрее всё закончить и пойти обедать. Как ни в чём не бывало, начинаю водить указкой по Серёгиным схемам и рассказывать свою «сказку». Учитывая, что комиссия сидит довольно далеко от последних листов и уже особенно не вникает в чертежи, я спокойно

заканчиваю выступление. Подумал – легко отделался. Но оказалось, что меня очень внимательно слушал один из членов комиссии – представитель какого-то завода-изготовителя вычислительной техники. Вопросы посыпались как из рога изобилия. Меня спасло то, что я работал по специальности, а мой начальник отдела был грамотным специалистом и кандидатом технических наук. Перед защитой он долго меня «муштровал» в ответах на самые каверзные вопросы. Наконец меня с миром отпустили, я получил свои 4 балла и покинул аудиторию. Ребята уже успели сбежать в магазин, и мы пошли снимать «стресс».

Но Серёге я высказал всё, что я о нём подумал в те мучительные секунды принятия решения. На этом история не закончилась. Она получила продолжение много лет спустя. Учась в школе, я дружил с ребятами на год старше меня. И вот одна из девушек, поступив на дневное отделение нашего училища, вышла замуж за преподавателя, который вёл у них занятия. И каково же было моё удивление, когда при встрече через много лет в её муже я узнал своего руководителя дипломного проекта.

Его Величество Случай

С Сергеем совершенно неожиданно мы вновь встретились через несколько лет. Закат эпохи Брежнева. Бригада вернулась из очередной командировки. Несколько дней передышки... и новый объект – «святая святых», Лубянка. Утром собираемся у назначенного подъезда и ждём сопровождающего офицера. Периодически к нам подходят вежливые люди в штатском и интересуются, что мы тут делаем.

Из непривычного ещё одно – обедать ходим в другой корпус все вместе в сопровождении дежурного офицера. Идём, крутим головами, – а вдруг потеряемся. Потом поняли, – потеряться не дадут. Вспоминаются знаменитые узники Лубянки царского и советского времени: ярый враг Советской власти эсер-террорист Борис Савинков, видный партийный и государственный деятель сталинской эпохи Николай Бухарин, американский лётчик-шпион Г.Ф. Пауэрс, сбитый в 1961 году, и другие... Впоследствии нам показали окно, из которого выпал Борис Савинков. А Пауэрса, спустя некоторое время, обменяли на нашего знаменитого разведчика-нелегала Рудольфа Абея (Уильяма Фишера).

В один из дней при подходе к столовой вижу знакомое лицо – Сергей. Он меня тоже замечает, глаза у обоих, видимо, квадратные. Здравуемся. Вся наша группа останавливается и с интересом за нами наблюдает. Дежурный офицер проявляет нетерпение, но видя, как уважительно обращаются к моему товарищу проходящие мимо сотрудники, терпеливо ждёт. Наконец, к его большому облегчению, мы прощаемся и доходим до столовой.

За обедом рассказываю ребятам, как мы вместе учились. Обратная дорога прошла спокойно. Примерно через неделю всё повторяется. Офицер тот же, глаза уже спокойные. Спросив, найду ли я дорогу один, уходит с бригадой обедать. Тут уж мы с Сергеем поговорили без спешки, вспоминая былое. А что думали обо мне офицеры отдела, в котором мы работали, я так и не узнал.

Написал эти воспоминания и понял, что надо обязательно в добром здравии и ясной памяти дожить до 200-летнего юбилея нашего Училища, глядя, какую активную жизнь ведут многие ветераны-бауманцы, участвуя в ветеранском спорте, в волонтерском движении или встречаясь с ними по литературным делам.

ПОЭЗИЯ

Татьяна Никольская

Татьяна Кирилловна Никольская – прозаик, поэтесса, член Союза писателей России. Родилась в Ленинграде, по профессии историк, кандидат исторических наук. Печаталась в журналах «Невский альманах», «Звезда», «Журналист», «Нева», «Север», альманахах «Лилия долин», «Чело», «Свежий взгляд»; в газетах «Литературный Петербург», «Тосненский Вестник». Автор книг «Дмитрий Балашов: Россия до востребования» в соавторстве с И. Катченковой (2011), «Кровь без почвы», исторические повести (2013). Участник ЛИТО «Тосненская сторона».

Живёт в Санкт-Петербурге.

«Очищая сердца от коросты...»

Деревенька

Деревеньку, каких не бывает,
Знаю я в глухомани Тверской.
Здесь метели зимой завывают
Над заснеженной узкой рекой.
За околицей тёмные ели,
Тонкотелых берёз хоровод...
В этот край по три раза в неделю
Из райцентра автобус идёт.

Мимо церкви пустой, запорошенной,
Где на куполе вымахал куст,
И посёлков, ещё не заброшенных,
Но уже навевающих грусть.

Вот дощатый навес остановки
И предвыборный яркий плакат:
Улыбается, скромный и ловкий,
Независимый кандидат.
В чём секрет заказного внимания
К этой бедной лесной стороне,
И какие даны обещания
Неисхоженной белизне?

Синий лес за дорогой скрывает
Деревеньку, каких не бывает.

Рядом с этими избами серыми
 Тише страсти, слышней благодать.
 Здесь лишь в истину хочется веровать
 И немного в жизни желать.
 Но когда угасает таинственно
 В тёмных стёклах багровый закат,
 Только в крайней избушке, единственной,
 Всё желтеет оконный квадрат.

Догорает тот свет. Вымирает
 Деревенька, каких не бывает.

Кашин

Приходит на Кашинку вечер.
 Становятся звуки слышней.
 Ладони кувшинок на речке,
 Штрихи голубых камышей...

Смыкаются влажные кроны,
 Рисуя крутой поворот.
 На здании загса ворона
 О чем-то надрывно орёт.

Под утро гроза пронесётся,
 Разбудит цветущую рань,
 Все то, что так просто зовётся –
 Провинция и глухомань.

Здесь издавна звон колокольный
 Отсчитывает часы.
 И сердце томится невольно
 От русской неяркой красы.

Катакомбы

Ледяная заря, на поля оседая, угасла.
 В полутёмном подвале мерцают огарки свечей...
 Звуки высшего мира слышнее нам с этого часа,
 И сюда не доносятся громы фальшивых речей.

То, что мы не хранили, мы, милостью Божьей богаты,
 Оценили теперь, средь духовного рабства и тьмы.
 Очищая сердца от коросты кощунственной клятвы,
 Перед ликом смиренным смиренно склоняемся мы.

Ты безропотно принял великую чашу страданья,
 Твой терновый венец драгоценнее царских венцов,
 И не могут его осквернить малодушных молчанье
 И хвастливая ярость отступников и подлецов.

Продолжается крест, бесконечно святое терпенье..
 Торжествует толпа и на муки Тебя предаёт.
 Но за ложь, за измены, за жалкое наше глумленье
 Всё равно Ты с любовью хранишь свой несчастный народ.

ПОЭЗИЯ

Ирина КАТЧЕНКОВА

Ирина Семёновна Катченкова – родилась в Ленинграде. В 1985 г. окончила факультет истории Герценовского пединститута (ныне – РГПУ им. А.И. Герцена). Автор трёх книг стихов и прозы. Публиковалась в журналах «Вопросы истории», «Преподавание истории в школе», «Невский альманах», «Север», «София», в газетах «Литературный Петербург», «Тосненский Вестник», в альманахах «Свежий взгляд», «Гармония» и др. Участник содружества поэтов «Свежий взгляд». Лауреат Второго и Третьего Международных поэтических конкурсов им. Игоря Григорьева (2015, 2016). Участник ЛИТО «Тосненская сторонка».

Живёт в Санкт-Петербурге.

«Откуда стихи прорастали?..»

Посвящение Петербургу

Как мне выжить, пристать к тихой пристани?
Только бури и штормы вокруг.
Помоги же мне, друг мой единственный,
Неизменный мой друг – Петербург.

Ничего мы не знаем заранее,
Опыт не накопить про запас.
Предадут меня ближние-дальние,
Только город один не предаст.

Он всегда раскрывается радостно:
Вот он я, я с тобой, не грусти!
Хоть люблю путешествия разные,
Но к нему все дороги-пути.

Словно дедушка, ласковый Новгород,
Словно юноша, нежен Стокгольм,
Ах, сестра моя – милая Вологда...
Отчим Харьков – к нему ни ногой.

Городов много древних, таинственных,
Что оставили метку в судьбе,
Но за счастье здесь жить, мой единственный,
Петербург мой, спасибо тебе!

ИРИНА КАТЧЕНКОВА

Прогулки по Вологде

Здравствуй, Вологда родная, – до чего ж ты хороша!
Кружевная, расписная, домовитая душа!
Здесь живут несуетливо: поспешай не торопясь.
А учтивы все на диво, на улыбку не скупясь.

Речью плавной и напевной слух и сердце веселят,
Даже сердятся не гневно – берегут привычный лад.
А душе и глазу – ласка: как былинный богатырь,
Охраняет город-сказку страж – Прилуцкий монастырь.

Не страшат года лихие, раз звонят колокола,
И собор Святой Софии устоял средь бед и зла,
Возвещает многие лета красоты и правды зов,
А по осени поэтов в гости пригласит Рубцов.

Я давно к тебе хотела, Вологда – моя сестра!
...Но неделя пролетела – расставаться нам пора.
Будь вовек благословенна! С каждым днём ты мне родней!
Будь в хорошем неизменна, умножая славу дней!

Посвящение Рубцову

Читаю я вечером снова
Про жизнь Николая Рубцова –
Короткий извилистый путь.
И снова так зябко и странно,
И душу саднит словно рана
Судьбы неприкаянной суть.

Сиротство, бездомье, страданье,
И смерти проклятие ранней,
И непониманья дурман...
Поэт – человек не казённый,
Порой неподвластен законам,
Порой неприятен и пьян.

Какие-то тощие книжки,
Сам – лысый, в потёртом пальтишке,
– Он – гений?! Какого рожна...
(Бездарность орёт попугаем).
Талант нами не сберегаем,
А зависть и злость как стена.

Откуда стихи прорастали?
И ужас, и смерть побеждали,
Учили, лечили, вели
Сквозь грязь и безлепицу судеб
К прекрасно-таинственной сути,
К познанию отчей земли.

...Сижу, и читаю, и плачу.
Могло ли сложиться иначе?
Бог весть; нам судить не с руки.
За нежность, за вещее слово
Запомнят потомки Рубцова –
Старателя русской строки!

Тётка осень

Столько песен не допето, все мечты – далёко где-то,
Всё короче, всё безрадостней дороги...
Как стрела из арбалета, пролетело наше лето,
Строгой тёткой встала осень на пороге.

Тётка осень, тётка осень!
Милосердия мы просим!
Не пропащие мы люди, не плохие!
Ты избавь нас от ненастья, дай тепла нам и участия,
Посвящу тебе осенние стихи я!

Август

Потускнело солнца золото,
Лето клонится к закату,
А казалось длинным-длинным,
Ярким, словно хвост павлина.

Хороводы водят тучи –
Снова ливень неминучий!
Опрокинутым ведром
Стало небо. Грянул гром!..

Мокнут крыши и балконы,
Мокнут сфинксы и грифоны,
Мокнут статуи и львы,
Мокнем мы с тобой, увы...

Ветер щёки надувает!
Нас стихия не пугает –
Погляди – поверх мостов
Радуга цветных зонтов!

Вот и вечер тёплый, ясный
Не печалься понапрасну:
Хоть прошёл Медовый Спас,
Одарил он щедро нас!

Впереди ещё утечи –
Спеют яблоки, орехи...
Август, нас не обижай,
Дай нам добрый урожай!

А пока заварим чаю,
Добрый вечер привечая,
Не прощаемся с мечтой –
Будет осень золотой!

Сентябрь. Морось

Дождь да дождь,
Дождь да дождь
По окошку барабанит.
Ложь да ложь,
Ложь да ложь
Сердце ранит и тиранит,
И никак не перестанет...
Словно волк,
Словно волк
Сер сентябрь и беспокоен.
Ветер зол,
Ветер зол,
Словно разъярённый воин,
Что побед не удостоен...
А дела,
А дела
Навалились, давят душу
У стола,
У стола
Кипы ждут бумаг ненужных,
Разобрать их недосужно...
Дождь да дождь,
Дождь да дождь
Барабанит, поспешает,
Ну и что ж?
Ну и что ж?
Осень лето провожает,
День неяркий тихо тает...
Я зажгу,
Я зажгу
Свечку, на окно поставлю,

Я смогу!
Я смогу!
Всё закончу, всё исправлю,
И мечты все станут явью!

Пожелание

Хоть хорошо, хоть плохо
Идут-бегут деньки –
Свидетели эпохи,
Пишите дневники!

Поможет вам компьютер,
Иль ручка и листки –
Стряхните быта путы,
Пишите дневники!

Сквозь времени обломки
Пробейтесь – и близки
Вы станете потомкам.
Пишите дневники!

И пусть вам не бормочут,
Мол, вы невелики...
Реке – ручей источник!
Пишите дневники!

Увы, уходят люди...
Но тленью вопреки,
Пусть слово – вечным будет!
Пишите дневники!

ПРОЗА

Михаил СМИРНОВ

Рассказы

Внутри рассвета

Много лет прошло с тех пор, когда я впервые попал на Ивановские обрывы.

Помню, меня удивило, что сюда приезжали одни и те же рыбаки, причём не все ловили рыбу, иные просто сидели по берегам на травяных полянах, о чём-то разговаривали, бесцельно и бездельно бродили среди подлеска, – такое поведение не свойственно рыбакам, большинство из них всё же добытчики, к созерцательности не очень-то склонные. Между тем раз за разом я наблюдал именно такую картину: сидят дядьки у костров часами, словно замороженные... Словом, какая-то магия была у этих мест.

Околдовали они и меня.
Зачастил я сюда.

...Тихо шуршали шины по мягкой земляной дороге, вьющейся среди полей с ровными грядками изумрудных озимых. Из предутренних сумерек свет фар изредка выхватывал неподвижные жёлто-коричневые столбики сусликов, торчавших по обочинам. Тонко и сладковато пахло пылью.

Машина остановилась недалеко от крутого спуска в просторную долину. Брат включил дальний свет – невдалеке появились очертания десятка старых домов, беспорядочно разбросанных по низине. Там и сям пепельно светились тропинки, по одной деловито спешила собака по своим собачьим делам. Я уже знал, что многие дома осиротели, заброшены, заколочены, зарастают вездесущей крапивой и татарником. На иных и крыши просели, обнажив стропила, похожие в сумраке на рёбра неведомых чудовищ. Повсюду буйно цвела сирень, словно желая своей дикой красотой скрыть убогость брошенного жилья. Покосившиеся, поваленные заборы открывали надворные постройки, тоже шаткие, притулившиеся друг к другу, чтобы окончательно не упасть и не

Михаил Иванович Смирнов – родился в городе Салавате 27 сентября 1958 г. Печатался: «Литературная газета», «Литературная Россия», «Молодая гвардия», «Работница», «Сибирские огни», «Литературный Крым», «Север», «Бельские просторы», «Литературный Азербайджан», «Южная звезда», «Северо-Муйские огни», «Луч», «ЛиФФт», «Кольцо А», «Приокские зори», «Нёман», «СловоWord», «Зарубежные задворки» и др. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Лауреат Международной премии «Филантроп»; лауреат Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого; лауреат Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» и мн. др.

Живёт в Салавате.

рассыпаться. Журавль колодца сиротливо торчал на обочине, ведро на серебрящей цепи поблёскивало – значит, есть в деревеньке люди, и жизнь теплится.

Я открыл окно в машине, ворвался аромат сирени и земли, – видимо, тут недавно узкой полосой прошёл дождик. Кругом запустение, необжитость, но земля так же призывно пахнет, словно зовёт к себе живых. Меня всю жизнь восхищает запах сырой земли.

Мы медленно спустились вниз. Лучи фар выхватили из слабеющей тьмы избу: в окошке мелькнул и тут же исчез багровый огонёк лампадки в красном углу. Сердцу стало тепло: ещё одно подтверждение, что жизнь не окончательно покинула эту деревеньку.

Сразу за околицей открылась река. Запахло водой и речными травами, дымом костров. Галечная коса реки. Невдалеке по сторонам долину обрамляют тёмные стены, это и есть Ивановские обрывы. Видимо, поэтому возникает ощущение замкнутого, но уютного пространства.

Брат суетился, загремел багажником, принялся доставать наши рыбацкие причиндалы.

– Не шуми пока, а? – попросил я его. – Давай просто посидим, посмотрим.

Брат глянул с удивлением:

– А чего сидеть-то? Утро короткое, так всё и просидим.

Потом пожал плечами, словно поняв меня:

– Ну ладно. Посидим...

Но сам принялся устанавливать катушки на спиннинги и удочки.

Странное, слегка тревожное, но и восторженное чувство охватывает человека, когда он оказывается в теснине предутренней полутьмы. Помигивают последние высокие звёзды, холодные волны речного ветра скользят по телу, хочется вдыхать и выдыхать тонкие ароматы воды, трав, тумана. Человек, маленькая пылинка природы, из праха пришедший и в прах возвращающийся. В такие моменты чувствуешь невыразимую горечь неизбежности расставания со всей простой прелестью окружающей природы. Протестует ум человеческий, но душа радуется отпущенному присутствию в этом утреннем мире. И полнится душа благодарностью к природе и скромным, но драгоценным дарам её.

Я сидел на сырой траве, стараясь уследить каждое колебание камыша, осоки, таяние остаточных клочков тумана, всматривался в открывающуюся гладь реки, по которой смутными подвижными дорожками легли отблески костров, надеясь увидеть прогон щуки или жереха. Чуть доносился говор рыбаков, позвякивали их котелки и кружки. Разговорился и картавый перекаст. Бух, бух, бух! – рыбаки начали бросать в воду шары прикормки.

– Вон, мужики уже вовсю... – проговорил брат недовольно. – А мы всё чего-то смотрим и смотрим. Чего тут смотреть?

– Природу, – вздохнул я, и обвёл рукой окоём, словно был хозяином его.

– А чего её смотреть-то? – повертев башкой, пробурчал брат. – Природа она и есть природа. Никуда не денется. А утро пройдёт.

...И то правда, брательник. И утро пройдёт, и мы пройдем, а природа останется.

Сумерки превращали прибрежные кусты в пришедших на водопой горбатых животных. Недалеко длинный остров, поросший осоками – они тоже превратились в рать грозных великанов, стерегущих реку. По мелководью с беспорядочными всплесками, хлопая пастью, наконец-то пронеслась неловкая щука, преследуя верховую рыбку. И сердце моё сдалось:

– Да, пора, пожалуй, – сказал я брату.

– Давно пора, – недовольно пробурчал он.

– Место-то, брательник, не ахти какое рыбное. Куда спешить?

Брат напялил рюкзак, собрал удочки в пук.

– Как хочешь, а я пошёл. Если не рыбное, так зачем ты решил сюда поехать? Можно было под Соморовку, там омута настоящие.

Что мне было ответить брату? Соморовские омута, конечно, знаменитое место, никто не спорит. Только уж очень мрачно там, близкие крутые берега очертенело позаросли непроходимым лесом, на омутах всегда темно, даже днём. Не люблю, брат, я теперь эти знаменитые омута, хотя было время, сам ловил там трёхкилограммовых сазанов.

– Иди, иди, – сказал я. – Скоро спущусь к тебе.

– Чудной ты стал, Мишаня, – сказал брат. – Другой бы ещё по темноте уже был бы на берегу, а ты...

И – ушёл бодрой походкой к реке. А я всё сидел на земле, над рекой и внутри рассвета.

Оповестил в деревне о себе первый петух. Тут же началась их перекличка. Слабенько проблеяли козы, мыкнула корова, – наверное, пастух идёт по деревне, собирает стадо.

Из-под обрыва вылетела стая ласточек и понеслась над рекой, некоторые задевали воду, оставляя на ней тонкие штришки, усы. Дух, дух, бух! – опять «бомбили» рыбаки на той стороне. Наверное, не клюёт.

Внизу у воды вовсю пылал костёр. Молодец, брательник, на рыбалке костёр – главное дело.

А я сидел и осматривал окрестности – в рассвете всё меняется на глазах. Счастливо успокаивалась душа, – всё суетное, насущное забылось и отлетело. И я стал частью утра.

Вот, наверное, в чём разгадка любимых моих Ивановских обрывов, – вот в чём магическая привлекательность этого места и причина моей любви к нему: именно тут мне удаётся достичь блаженной гармонии между мной, сирым и смертным, и бессмертной красотой природы. Природа, конечно, везде по-разному прекрасна, но у человека, кажется мне, всегда есть именно то «окно», то любимое место, река, опушка, долина, где он лучше всего ощущает её: вспомните свои самые длительные путешествия: и перед внутренним взором предстанет какой-то конкретный уголок, где все предметы – растения, камни, ручей, и облако над ним сложились в единственную незабываемую гармоничную композицию. Это и есть твоё окно в природу, человек суетный.

В тёмном небе фейерверк

Передёрнув плечами, Васька укутался в одеяло. Холодно. Он повернулся, взглянул на сумеречное окно. Ничего не видно. На стекле морозные узоры, за ними темнота. В туалет бы сходить. Простыня сбилась. Васька поёрзал, спиной чувствуя складки. О, тоже мне, принц на горошине! Он дрыгнул худой волосатой ногой. Боль резанула. Интересно, а мочевой пузырь лопаётся? Васька представил больницу. Палату, где лежат больные с заштопанными пузырями. Воняет испражнениями, грязными телами, вперемешку с густым запахом кислых щей из столовки. А под кроватями утки. Две всклень. Некому убирать. Жди, пока очередь дойдёт. Санитарок мало. Сунуть бы десятичку-другую, глядишь, зашевелились бы.

«Тьфу ты, напридумывал же!» – Васька чертыхнулся и, поёживаясь, присел на продавленном диване. Громко зевнул и почесал впалую грудь. Пригладил длинные сальные волосы. Рывком, чихая, протяжно зашвыркал носом и вытащил из-под подушки грязный носовой платок. Сморгнулся, оценил содержимое платка и, удивлённо покачивая взлохмаченной башкой, опять ткнул под подушку. На табуретке возле дивана пепельница, забитая окурками. Запах омерзительный. Васька поморщился, покосившись на неё, поднялся и, скособочившись, рывками покандылял в туалет. Облегчённо заохал. О, душа запела. Ага, если запела, надо пожрать. Щёлкнув резинкой, Васька подёрнул широкие трусы в мелкую весёлую ромашку, прошлёпал на кухню, открыл холодильник и, заглянув, тяжело вздохнул. Мышь повесилась. На кухонном столе одиноко чернела горбушка чёрствого хлеба, а рядом солонка с крупной серою солью. Возле раковины с горой грязной посуды, на обшарпанном полу в ведре виднелись несколько сморщенных картошек и темнели две хвостатые свеклы. Вот тебе и Новый год. Он нахмурился, посмотрел на календарь. Розовощёкий дед Мороз вместе со Снегурочкой радостно улыбаются ему. Ишь, довольны, щерятся, заразы! «Да уж, отметил праздничек. А говорят, как встретишь его, так и... Трепачи!» – Васька почесал затылок, опять заглянул в пустой холодильник и похлопал по пустой полке, словно что-то могло появиться. – «Все врут, все до единого!»

Схватив горбушку, он вернулся в комнату. Быстро юркнул под одеяло в застиранном пододеяльнике и непонятных разводах и, хрумкая сухарём, уставился в телевизор, вспоминая Новый год. Сам виноват, что Таньку, бухгалтершу с работы, позвал. Шампанского понакупил, водки, коньячок прихватил. Три банки икры, дорогую колбасу и рыбку взял – душа-то широкая. Лимонов да мандаринов понабрал для неё. Больше часа морозился, чтобы торт купить. Хотелось по-человечьи встретить праздник, с шиком. Показать, какой он щедрый. А Танька, курва такая, фигу показала и с Лёхой, снабженцем укатила. Правильно, тому же дача от родителей досталась да машина в придачу, а у него, кроме мамки в деревне, да съёмной квартиры, ничего за душой нет. Лучше бы другую подружку нашёл на ночь, а может, и двух бы пригласил. Вот бы повеселились! И Васька вздохнул, почёсывая небритую щеку. А ещё можно было к Марь Петровне зайти, поздравить и остаться до утра. Правда, если гостинец не принесёшь, к себе не подпустит. Но для неё не жалко. Точно, надо было с Марь Петровной праздник отметить. Ишь, размечтался отметить с Танькой, бухгалтершей, да рылом не вышел – начальница! Вот и получилось, что много девок вокруг, а весь вечер и всю ночь один просидел, шампанское и коньяк стаканами хлестал, обиду заливал, и ложкой икру жрал. Последнее, что запомнилось, почему-то с лица торт соскребывал. Наверное, уронил, а может, сам в него сунулся. К вечеру кое-как глаза продрал, осмотрелся – везде окурки, рыбы кости да кожа разбросаны. О, подушка в икре, видимо, лёжа жрал, а куски торта не только на полу валялись, даже табуретка была перемазана кремом и почему-то окно. Наверное, воробьёв с праздником поздравлял или прохожих угощал, из окна четвёртого этажа швырял. Широко отмечал, с душой. И Васька опять потянулся за бутылкой, благо, что целая батарея стояла возле дивана. Праздник продолжился.

Утром третьего дня сунулся, все бутылки пустые. Психанул. Пнул одну, палец зашиб. Взвыл, затолкал в угол, чтобы не спотыкаться. Голова не трещала. Она вообще ничего не соображала. Васька налил воды в графин, две кружки жажнул из-под крана. В животе забулькало. Пламя гасил в кишках.

И опять шмыгнул под одеяло. Телевизор не выключался круглосуточно. Валялся на диване и поднимался для того, чтобы воды набрать, новогодние припасы поддуть, да в кабинете задумчивости отметить. В общем, жрал, пил, спал и... Нет, Васька вспомнил, он же ещё с матерью разговаривал. Чуток перебрал, а может, число запомнил и оказалось, что позвонил второго января и вместо того, чтобы с Новым годом поздравить, он поздравил с наступающим. Видать, мамка сильно обиделась. Долго ругалась, даже кричала, последним алкашонком называла. И заявила, чтобы у неё не появлялся. Эх, опять придётся на одну зарплату выживать. Потуже ремень затягивать. Васька взглянул на впавший живот. Куда уж затягивать-то? Два мосла, полметра кожи. Доходяга, одним словом.

Васька вздохнул. Покатал во рту кусочек сухаря, разгрыз и проглотил, запивая водой. Опять посмотрел на тёмное окно. Повздыхал, задумчиво почёсывая заросший подбородок. Укутавшись в одеяло, Васька поднялся. Сдёрнул с гвоздя потёртые джинсы. Вытряхнул деньги, пересчитал. Мало. До полочки не дотянет. Придётся занимать. У кого? Никто не даст. После праздника все нищие, а начальство – жадное. Эх, был бы в деревне, даже башку не ломал, где деньги брать. Там можно на копейки прожить с хозяйством-то. И дёрнуло же в город податься! Надо было мамку слушать. Васька чертыхнулся. Он снова взглянул на замороженное окно. В магазин бы сходить. Передёрнул плечами. Холодно. Но всё равно придётся выйти на улицу. Что же не медведем родился? Залёг бы в берлогу и до весны проспал.

Васька распахнул шкаф. Пошарил на полке, отыскивая чистые носки. Одиноко лежали две выцветшие майки и трусы в крупный горох. Остальные полки пустовали. Потом вспомнил, пока готовился к празднику, бегал и закупал продукты в магазинах, вечерами стоял в многочасовых очередях, чтобы отметить широко, от всей души, он забыл, что не успел перестирывать бельишко – хорошая кучка скопилась в ванной, большая. Васька осмотрелся. Заметил грязные запыхлённые носки под диваном. С прошлого года валяются. Покрутил в руках, пошлёпал по дивану, помял в руках и натянул на худые синюшные ноги. Затем напялил пузырястое трико, чтобы не замёрзнуть. Внимательно осмотрел дырку на джинсах, сунул палец в неё, потом махнул рукой – никто не увидит. Надел коротковатые джинсы, рубаху, старый свитер с отвисшим воротом, втокнул ноги в растоптанные ботинки с ободранными носами, накинул осеннюю куртку и нахлобучил потрепанную меховую шапку из неизвестного, но очень ценного зверя, как сказала продавщица, когда на рынке покупал. Шмыгая, прошёлся по квартире. Выключил свет, телевизор, проверил краны и направился к выходу. Оглянулся. Опять вернулся, всё повторно проверил и, ссутулившись, вышел, постоял на площадке, прислушиваясь, лишь бы не наткнуться на соседей, и стал медленно спускаться по лестнице в новый год, в старые проблемы.

Отталкивая редких прохожих, мимо промчались подростки, размахивая железками и штакетинами. Среди них затесался здоровенный детина, видать, на подмогу взяли. Один паренёк приостановился и, вытирая кровь с лица, ткнул рукой в тёмный переулок и громко, неумело ругнулся. Пацаны побежали в ту сторону. В войнушку играют, каникулы. С опаской поглядывая вслед ребятам, Васька юркнул в первый попавшийся магазин и остановился, осматривая полупустые полки. Всё смели перед праздником. Диетологи руки потирают, а травматологи палаты готовят – все пациентов ждут.

– Иди отсюда, алкаш, – визгливо сказала ярко накрашенная продавщица и ткнула кроваво-красным ногтем в сторону выхода. – Шагай, шагай, пока трамваи ходят!

– Ну, Светочка, – с придыханием прохрипел мужичок, протягивая трясущуюся ладонь, где лежали две смятые бумажки и какая-то мелочёвка, – ну, солнышко, дай опохмелиться. Помру ведь, шланги горят. Завтра должок занесу. Вот те крест! – мужик ткнул кулаком в пузо и преданно посмотрел на продавщицу. – Ты же меня знаешь. Ну дай...

– Знаю, знаю, – вскинула выщипанные бровки продавщица. – Поэтому и выгоняю. Ты уже на две жизни вперёд задолжал мне, – и, уперев руки в бока, она грозно взглянула на него. – Давно с потрохами купила. Жаль, кроме драных штанов, ничего за душой нет, а то бы всё забрала. Вон отсюда, пьянь подзаборная, пока грузчиков из подсобки не позвала! Быстро по шеям накостыляют.

Васька взглянул на её достояние, которое колыхалось при каждом движении под халатом, и завистливо вздохнул. Вот она – настоящая женщина: и фигура, и характер, и... Да всё при ней! Опять вспомнилась Марь Петровна. Васька судорожно сглотнул и поддёргнул штаны.

– Да уж, не по Сеньке шапка, – он пробормотал и мечтательно взглянул на достоинства. – Эх, кому-то повезло...

– Что бормочешь, мышь серая? – продавщица посмотрела на него, на его высокую сутулую грушевидную фигуру, на куртку, на которой слоём лежала перхоть, на коротковатые джинсы и вытянутое худое лицо с губами-ошмётками. – Тоже решил опохмелиться? Вон рожа-то распухла с перепоя. Взглянуть страшно.

– Это... – неожиданно икнув, растирая красные замёрзшие руки, замаялся Васька. – Как его... Мне бы хлебушка. Ага, да ещё колбаски. Какой, говорите? Ну, дешёвенькой, граммов триста. Плавленные сырки – три... Нет, лучше пять штук. А что там, в пачках? – он кивнул на полку. – Ага, ага... Нет, не нужно. Лучше вермишель или рожки взвесьте с килограммчик. Ага, ещё пачку маргарина – он запашистее, чем масло. Ох, пока не забыл... – Васька снял шапку и пригладил грязные волосы. – Сигареты закончились. Вон те, вон те... Нет, не «Верблюда», мне «Приму». Я нашенские предпочитаю, там настоящий табак, а не иностранщину, куда всякую химию толкают. Спиртное, говорите? – Васька задумался, вспоминая, как пропьянствовал три дня, аж до сих пор руки трясутся, поморщился, достал деньги, пересчитал, понимая, что слишком мало остаётся до полочки, но снова перед глазами встала пышнотелая Марь Петровна и, не выдержав соблазна, он забегал глазами по полкам. – Я особо не употребляю водовку, – виновато, как бы оправдываясь, зашлёпал губами-ошмётками Васька и опять взглянул на достоинства продавщицы. – Так, если по праздникам да в гостях или с устатку... Стопочку-другую опрокину и хватит, больше ни-ни. Вот от винца бы не отказался. «Кагорчик», если можно. Две, лучше две бутылочки. Мне бы ещё карамельку грамм сто-двести. Да любую, что подешевле. Люблю чайком побаловаться, – долго отсчитывал мелочь, высыпал на прилавок, подхватил пакет и направился к выходу. – Спасибочки, красавица!

Продавщица, не пересчитывая, сгребла кучку мелочи, бросила в коробку перед весами и рявкнула вслед:

– Ходят всякие. Корчат из себя...

И Васька захлопнул дверь, не дослушав, кого же корчат всякие-то.

Он достал из кармана помятую пачку. Вытряхнул полупустую сигарету. Долго чиркал спичкой, пока не появился огонёк. Прикурил, выпустил облачко едучего дыма. Посторонился, пропуская в магазин мужика в расстёгнутой дорогой дублёнке. Пахнуло перегаром. Пьют и похмеляются все, как бедные, так и богатые. Васька посмотрел по сторонам, попыхивая сигареткой. Домой не хотелось возвращаться. Он поправил воротник и бесцельно направился по улице, пиная снежные комки, и поглядывал на подгулявшие компании, которые еще не закончили отмечать Новый год, но уже начали встречать наступающее Рождество, а некоторые уже и до старого Нового года добрались – каникулы длинные. С опаской смотрел на стайки малолеток, которые проносились по улице или, наоборот, медленно шагали, занимая весь тротуар, смачно, по-взрослому, матерились, цвиркали сквозь зубы, изредка отпивая из бутылки, и задирали прохожих. Опасно с такими сталкиваться. Они же шальные, неуправляемые. Могут отметелить.

Ссутулившись, Васька брёл дальше, не забывая поглядывать на встречных женщин, и чертыхался. Столько добра ходит по улице, а его дёрнуло позвать Таньку на Новый год. Васька досадливо сплюнул. Надо было кого-нибудь попроще, поподатливее, хотя бы Валюху из соседнего подъезда пригласить на часок-другой, у которой мужик алкаш, круглосуточно не просыхает, да и сама-то не дура была выпить, поэтому легко поддавалась на уговоры; или её подружку, Надьку, ту только помани, что изредка Васька и делал. А ещё лучше, если бы к Марь Петровне заглянуть – эта надёжнее всех его баб. Гостинчик принести, бутылочку-две «Кагорчика». Очень уважала сладенькое. Рюмашку-другую опрокинет, и даже не замечаешь, что она лет на двадцать постарше. Молодым не уступит, нет – это точно. Ох, огонь-баба! Васька причмокнул, вспоминая, как до утра проводил время с ней: невысокой, тёплой, податливой, с кем можно было не только в постели проводить время, но и поплакаться на мягком плечике. Марь Петровна выслушивала, потом всю ноченьку жалела. А утром горстями таблетки глотала, перед иконами стояла, крестилась и нашёптывала. Видать, ночные грехи замаливала.

Васька вздохнул и бросил окурочек под ноги. Подумал про Марь Петровну и вспомнил, что матери уже давно пообещал, что сходит в церковь. Скоро Рождество, а там и старый Новый год – опять праздник. Остановился. Первым делом осмотрелся, нет ли машин. На дороге два дурака – водитель и пешеход. Потом взглянул на церквушку и торопливо, размахивая длинными руками, поддёргивая коротковатые штаны, зигзагами затрусил через дорогу. Приостановился, опять закурил и поспешил к воротам, на ходу сдёргивая шапку.

На улице студёно, а люди в церкви горячие, взопревшие. Некоторые заходят погреться, а не помолиться. Наверное, безгрешные. Подпёрли стены и стоят, шепчутся, а то и обнимаются. Нашли место, охальники! Душно. Васька дёрнул ворот куртки, обнажая длинную тощую шею с большим торчащим кадыком, ладонью быстро крутанул перед лицом и животом. Перекрестился. Пока пробивался через плотную толпу возле киоска, получая тычки и подзатыльники, купленные свечи размякли. Пожмакал пальцами, выпрямляя, а они, зараза, ещё мягче стали. Слишком жарко. Оглянувшись, кто смотрит или нет, Васька ссутулился, прикрываясь, и покатал свечи между ладонями. Подул на них, остужая. Лучше не стали. Торопливо подпалил маленькие фитильки, пока вообще не растаяли свечи и поставил. Свечи принялись коптить и гнуться – это много грехов скопилось. Васька протяжно вздохнул и пробрался к ближайшей иконе. Постоял, рассматривая. Зашептал молитвы.

Нет, даже не молитвы, а просто говорил, что ему в жизни не хватает: побольше бы денег, полегче работу найти, а не разнорабочим вкалывать за копейки, и друзей нет, а вот ещё жениться не получается. За тридцатник перешагнул, а всё один живёт. Бабы-то есть, но хорошую не найдёшь. Всё одноночки попадают. Он ничего не просил. Просто говорил: тихо, монотонно, без надежды. Смирился за годы. Потом привстал на цыпочки. Там, впереди заволновался народ, выбирая места. Скоро начнётся служба. Старухи заняли лучшие места. Видать, в рай метят. Никого не пропускают, глухую оборону держат, локтями пихаются и небесной карой грозят. Васька скомкал шапку в руках, покрутил башкой, осматриваясь, и прислонился к стене, втёршись между двумя мужиками. Неподальёку парни с девчонками смеялись и отмахивались от старух, которые шипели на них, грозя скрюченными пальцами и тыкая в висевшие иконы. Перебивая, молодые рассказывали, как провели Новый год: где отмечали, что пили и сколько, с кем спали и сколько за ночь. Им было весело. Им всё доступно. Вот сейчас отстоят службу, посмеются и опять пойдут грешить направо и налево. Молодым можно, старикам нельзя.

Васька пригрелся, разомлел возле стены и расстегнул старую куртку. Жарко стало. Мужик, что стоял впереди, постоянно крестился и торопливо бормотал молитвы, а который стоял позади, тот тяжело вздыхал. Обдавая густым перегаром вперемешку с запахом лука и чеснока, толкался. Синюшной, татуированной «козой», среднего и безымянного пальцев не было, тыкал в лоб, живот и плечи, и опять вздыхал: тоскливо, протяжно, а другой рукой, словно невзначай, похлопывал по Васькиным карманам. Это уж точно, рай не для него сотворён.

Васька прислушался. Впереди, рядом с царскими воротами, раздавался густой бас. Он был вязким, тягучим. Бас тянулся, обволакивал, окутывал, заставляя умолкнуть людей. Бас набирал силу, метался от стены к стене и возвращался, накрывая прихожан. На душе становилось легче. Васька приподнялся на цыпочках, чтобы взглянуть на богатыря с таким голосом, потом подпрыгнул, но вместо него увидел маленького сухонького старичка с бородёнкой, который так голосил, что передние ряды пятились от него, опасаясь лишиться слуха. Васька почесал небритый подбородок. Ему стало любопытно, а если старичок погромче рявкнет, погасит свечи или нет?

Достав грязный носовой платок, Васька вытер капли пота с лица, громко чихнул и протяжно, старательно высморкался, внимательно рассматривая платок. Бабки зашикали, прижимая пальцы к впалым ртам, и сухонькими кулачками принялись грозить ему. Мужик, что стоял позади, неожиданно всхрапнул и стал поудобнее пристраиваться на Васькином худом плече, пускающая слюни на куртку. Васька рванулся, но сбросить соседа не получилось. Впереди мужик, как скала, только и крестится, того и гляди, кого-нибудь по морде зацепит; с одного боку стена, а с другой стороны старухи зажали. Всё, обложили со всех сторон, заразы!

Обхватив пакет, чтобы не растерять, чтобы не порвали, Васька запыхтел и упёрся локтями, поднатужился и стал выбираться из западни. Мужик, стоявший позади, спросонья громко всхрапнул, утробно рявкнул, когда Васька наступил ему на ногу, и грязной лапой в татуировках попытался схватить его за шиворот. Наверное, решил на место вернуть, чтобы ещё поспать, или вздумал всё лицо разбить, потому что ногу сдавили. Но Васька оказался проворнее. Скукожившись, обнимая пакет, он взвизгнул и врезался головой в толпу и, не обращая внимания на тычки, на пожелания вслед, стал пробираться к выходу.

Запыхавшись, Васька скатился по лестнице, отбежал к забору, чтобы не догнали, поклонился или поскользнулся, сложившись чуть ли не вдвое – непонятно, размашисто крутанул рукой – перекрестился, глядя на икону над входом и, нахлобучив потрёпанную шапку, запахнув куртку, неторопливо вышел за церковную оградку. Он улыбался. На душе полегчало. Видать, грехи удалось замолить. Опять улыбнулся, а потом нахмурился. Да уж, замолил... Не успеешь отойти, а они опять накапливаются. И так каждый раз, каждый год. Всегда. Эх, жизнь...

Взглянув на редкие фонари, на девчонок, которые неторопливо прогуливались в коротких юбках, курточках и в капроне по крепкому морозу, Васька вздрогнул от холода, искоса посмотрел на ребят, которые группами и поодиночке куда-то спешили, успевая толкаться на ходу и приставать к девчонкам. Вдруг да повезёт, уговорят, и девки согласятся. Подростки останавливались, рисуясь перед ними, но выслушав всю правду-матку о себе, у них девчонки сразу же превращались из красавиц в шалавы, и пацаны торопливо догоняли своих. Бедняги, хоть согреются.

Впереди раздались громкие крики. Васька увидел здорового пьяного парня, тот скинул куртку, вырвал из забора штукетину и оценивающе взглянул на многолюдную улицу. Видать, думал, справится или нет, а потом принялся гонять прохожих, которые попадали ему навстречу. Наверное, заскучал за столом. Размяться вышел. Настроение улетучилось. Сразу. Смекнув, что можно запросто получить по хребту, Васька осмотрелся, быстро шмыгнув в проход между домами и, скрываясь в тени, потрусил вдоль домов, крепко прижимая к себе пакет. Сверху зазвучала музыка, донеслись голоса, и рядом с ним разбилась пустая бутылка. Следом мелькнул огонёк окурка, в воздухе прошуршал выброшенный пакет с мусором, и форточка с треском захлопнулась.

Приостановившись, Васька задрал голову, посмотрел на освещённые окна. Кое-где мелькали тени: одни размахивали руками, другие танцевали, а третьи целовались или обнимались, пристроившись возле окна.

– Козлы! – фальцетом крикнул Васька. – Алкаши несчастные! Сейчас дождётесь у меня. Ох, наkostenяю...

Распахнулась форточка. Опять вылетела бутылка и грохнулась неподалёку.

Васька не стал рисковать. Голова одна, бутылок много.

Он перебежал через дорогу, решая сократить путь через заброшенную стройку. Неподальёку горел костёр. Вокруг него расположились бомжи с многочисленными пакетами и узлами – всё своё ношу с собой. Кто-то копошился возле огня. Другие жевали, пили, запрокидывая головы, кутаясь в тряпье. В эти дни дворовые мусорки битком забиты. Раздолье для бомжей. Праздник для души и тела.

– Ну, что ты присосался? – Васька услышал чей-то голос. – Давай завязывай. Я тоже хочу опохмелиться.

– Подождёшь, – пропыхтел мужик. – Сейчас выпьем, потом к нашим пойдём. Никому не говори, что бухали. Если узнают, что пузыри зажали, вмиг морды начистят. Слышь, Верка, глотни чуток. На, закуси зимним салатом. Полный тазик выбросили. Зажрались, сволочи. Больше бери, больше! Кусок отломи, погрызи салат, Верка. Вкусный. Ничего, что мёрзлый. В животе растает, – и бомж хохотнул.

Васька замедлил шаги и стал всматриваться в вечернюю темень, освещаемую тусклой луной. Толстущая невысокая баба или девка, раскорячившись,

спиной прислонилась к стене и ковырялась в пакетах, а рядом пристроился бомж в широченном и длинном пальто, протянул бутылку и бесформенный кусок салата. На куче битого кирпича сгорбилась ещё один и нервно курил, делая быстрые затяжки, и всё торопил своего друга.

Взглянув на толстую бомжиху, снова на ум пришла Марь Петровна с необъятным бюстом. Васька судорожно сглотнул. Почмокал губами-ошмётками, представляя, как проведёт вечер с ней. Неподалёку донёсся протяжный хохот, потом ругань, шаловливо рассыпалась басовитым смешком бомжиха Верка, и опять зазвякали бутылки. Новый год отмечают все, везде и в любую погоду.

Васька не выдержал, крепче вцепился в пакет с продуктами и «Кагорчиком» и помчался по тропинке к дому, чтобы занести продукты, а потом с бутылочками рвануть к доброй и безотказной Марь Петровне. До дома осталось всего ничего, вон уже окна засветились во тьме. И вдруг на тропке мелькнула огромная собака и закрутилась на одном месте. Это был соседский дог, настоящий монстр, который любил гулять сам по себе. Он застыл на тропинке и только вертел огромной башкой, осматривая свои владения. Взвихрилась снежная пыль под ногами. Васька затормозил, даже дышать перестал, до того боялся собак. Тем более больших. Тем более бестолковых. Кто знает, что у них на уме. Могут покусать. Могут откусить. Всякое случается.

Соседский монстр рывкнул, аж сердце захолонуло и, не обращая внимания на Ваську, помчался по пустырю к стройке, откуда долетел многоголосый лай и яростные хриплые вопли бомжей. Сошлись две стаи: люди и собаки, без определённого места жительства, и принялись рвать друг друга, отвоёвывая себе территорию. Васька ещё быстрее побежал по тропинке. Осталось немного пробежать, с пригорка спуститься и всё. Вдруг в лунном свете на заснеженной тропинке блеснула тёмная полоса. Взять бы немного в сторону, и всё было бы нормально. Но нет, Васька, не успевая остановиться или перепрыгнуть на другую сторону тропки, с разбегу наступил на неё. На морозе раздалось громкое уханье. Неуклюже взмахнув руками, Васька поскользнулся и стал падать. Громко рывкнув, он угодил пятой точкой на накатанную ледяную дорожку. Неуклюже завалившись на спину, врезался затылком в твёрдый наст, аж в башке загудело. В пакете звякнуло, в морозном воздухе разнёсся запах «Кагора», потом долгий витиеватый мат, и Васька медленно проехался по склону, размазывая красное вино по снегу и по ледянке.

На улице холодало. В голове был праздничный колокольный перезвон. Пролежав несколько минут, Васька поднялся и принюхался к стойкому запаху «Кагора». Душа затосковала. Всё желание сразу же испарилось, словно и не собирался к доброй и безотказной Марь Петровне, когда он увидел одежду в пятнах, где вино, смешанное со снегом, застывало на морозе, превращаясь в корочку. Васька потрогал слипшиеся космы волос и опять ругнулся. Поднял пакет с продуктами, заглянул в него, вытряхнул разбитые бутылки вина, осмотрел промокшие слипшиеся карамельки и дешёвенькую «Приму», раздавленные плавленые сырки и колбасу, досадливо сплюнул, махнул рукой и, раскорячившись, медленно побрёл по тропке, вспоминая, есть ли дома стиральный порошок или хотя бы хозяйственное мыло. Видать, это был намёк свыше. Утром Марь Петровне не придётся замаливать грехи. Может быть, ну, если кто-нибудь другой не придёт.

А в тёмном небе разноцветьем полыхнул фейерверк.

Новый год продолжался. Светлый и радостный.

ПОЭЗИЯ

Игорь БЕЛКИН-ХАНАДЕЕВ

Игорь Белкин-Ханадеев – родился в 1972 г. в Москве. Поэт, прозаик. Публиковался в журналах «Пограничник», «Смена», «Молоко», «Камертон», «Молодая гвардия», «Дон», «Подъём», «Север», «Наш современник», «Урал» и др. Автор книги прозы и поэзии «Бомжий контингент». Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

«Рассыпается долгая ночь...»

Север

Рассыпается долгая ночь. Сонно ухают филины
В бесполезной надежде сдержать отступление тьмы.
Самовластие снега. И насыпь, и лес обессилены
Затянувшимся бременем лесоповальной зимы.

Но и здесь, в бесконечно растущих еловых торосах,
Где не слышно десятками лет человеческих слов,
Как ружейными выстрелами, от великих морозов
Наполняется бор оглушительным треском стволов...

Успокоилось эхо. Доносится глуше и глуше
Трепыхание птиц, притворившихся битыми влёт.
Снова выстрел... И снова седые еловые уши
Прижимаются к мёртвой земле придорожных высот.

Обрекая озёра туманов, холодно-апрельских,
На короткое небытие, словно ржавая сталь,
Рассыпается ночь. И, звеня в промороженных рельсах,
Догоняет вагоны, давно унесённые вдаль.

Снова радужно-чистое небо, как будто весна в нём
Размела облака. И не знавшая грусти звезда
Загорелась нежданно-негаданно воспоминаньем
Обо всех проходивших под синим лучом поездах.

Бабушка, мой милый ангел,
 Мой хранитель на века.
 Ты в каком небесном ранге
 Так незримо далека?
 В керамическом овале
 Образ твой и чист, и свят.
 Там, куда тебя позвали,
 Адресов не говорят.
 Где теперь тебя искать мне?
 Здесь ли следующий дом? –
 Белый памятник из камня
 Не сдаёт дома в наём.
 Над могилкой месяц ранний –
 Озаряет город Брест.
 Вновь сочтется старой раной
 Нарукавный красный крест.
 Под лихим огнём вставая,
 Забывая боль и страх,
 Воевала фронтовая
 Медицинская сестра.
 Выносила с поля боя:
 «Братец, миленький, держись!»
 Снились небо голубое
 И бинты длиною в жизнь
 И в одну шестую суши.
 Спит душа...
 Проснись, страна!

Ангелы поют всё глуше...
 Всё морозней тишина...

«Все для фронта!» – бывало, командует сумрачный старший.
 «Для победы!» – сквозь ругань и лай отзываются кашлем в груди.
 Ломом яму долбили во льду для смертельно уставших.
 Без крестов и имён, без оград и наград: «Победим!»

В том краю – беспредельно холодном, безжизненно лютом,
 В память ратных побед – перекрестия рельсов и шпал.
 Оттремят ли когда-нибудь залпы победных салютов
 Над могилами тех, кто и здесь, кто и так... воевал?

Помню поезда общий вагон:
 Полка верхняя, полка нижняя;
 Дед рассохшимся сапогом
 Подпирает корзину с вишнями.

Кто-то спит, калачом застыв;
 Кто-то в карты всю ночь играет.
 Телеграфных столбов кресты –
 Горизонт без конца и без края.

Полустанок. Тревожная тишь –
 Будто воздух из вечности соткан.
 – Ты куда, шептунья, летишь?
 Захотела под поезд, красотка?

Заскочила в вагон навзрыд:
 – Я уж думала – всё... Не уеду...
 Взвыл гудок, покатались двory
 По колдобинам дымного следа.

Сверху – карт козырной переплёск,
 Снизу – ягод дыхание пьяное.
 А в стекле – отражение слёз
 И подлунный пейзаж с бурьянами.

Май сорок пятого

Барахолка в обугленной каменной крошке.
 Суетливые фрау в переднем ряду:
 – Дивандеки, наряды, губные гармошки –
 «Битте, битте, зольдатен», в обмен на еду.

Принимало трофеи голодной украдкой
 Вещмешка холостое нутро:
 Фройлен-кукла, чулки, перстенёк, шоколадка,
 Портсигар. Позабытый патрон.

До Берлина с боями шагали три года,
 А обратно – в теплушках за пару недель.
 Подступали полком, а разъехались взводом.
 Хорошо, что весна. Не метель.

Под напевную сказку медалей негромких
 По пути вспоминал уцелевший отряд,
 Как ходили в атаку и как похоронки
 Устилали победный «ни шагу назад».

И души огневая бетонная точка
 Наконец оживала, в боях прожжена –
 Когда новую куклу баюкала дочка.
 И в чужой фильдекос наряжалась жена.

Разрастается город – смыкает бетонную цепь.
 Заковав небеса, стал безлик и высок он.
 Потерялась душа, и на новом стеклянном лице
 Гипнотично мерцают созвездия окон.

Этажи. Гаражи. Магазинов ночных стеллажи –
 Леденцовая ширма трущобного рая.
 Охраняют твоих миражей рубежи
 Облака воронья. А орлы умирают.

Вязкий призрачный город, ты как паразит –
 Подсадил на крючок и, баюкая, шепчешь: «Не больно...»
 Омертвевшею плотью в твоих небоскрёбах сквозит.
 Умирают орлы. Воронье раскричалось довольно.

Под слоями бетона томятся родные луга.
 Солитёрным токсином отравлены воды.
 Раздаются всё шире подземной реки берега.
 Размывает страну. Разъедает породу.

Вольный ветер, нужны тебе эти чертоги до звёзд? –
 Ты же веешь над всем окоёмом без малого вечность...
 Ты сметишь всё на свете, и сгинет из каменных гнёзд
 Воронья ненасытная нечисть!

Вспомни, Русь – ты святыми корнями в земле
 И зелёным побегом колышешь звезду на востоке.
 Ты сама себе Солнце, и в волнах пшеничных полей
 Твоя жизнь и твои золотые истоки.

Велика ты, Россия! Терпением благ твой народ.
 Широкою души он подобен степному простору.
 Он снискал себе веру, молясь у небесных ворот.
 Так зачем на земле ему призрачный город?!..

Из попутки с рассветом вышли,
 Покидав рюкзаки в кювет.
 Сильно пахло цветами и вишней.
 И бензином тянуло вслед.

– Поглядишь, откуда мы родом, –
 Вёл отец меня полем к жилью:
 Деревенька в три огорода
 Опрокинулась в колею.

Пустоцветами смотрим в небыль.
 Навевает тоску ветерок.
 Задрожало бескрайнее небо
 В голубых разливах дорог.

Всё распахнуто ветру и водам –
 Рассевай, поливай, мели!
 Ту лазурь, из которой мы родом,
 Закрутили вихри в пыли.

За шумели прогибы кровель –
 Плакал дождь, отпуская грехи.
 Со стены почернел, посуровел
 Старый дом на раскрестье стихий.

Ветер сгинул. Из сумрачных далей
 Солнце тянет слепящую нить.
 Просветлело. – Ну что, повидали?
 Нам попутку ещё ловить...

Позвонила любимая – стало теплей на душе,
 Кофейку привезёт – на последние, может быть, деньги.
 Покорятся из года в год одному и тому же клише
 Боевые листки моего скоростного паденья.
 Мне опять станет стыдно за мелкий пижамный горох,
 За ослабленный ум и похмельную немощность тела.
 На моём перепутье всё меньше и меньше дорог,
 По которым бы ты прогуляться со мной захотела.
 Я опять повернул не туда и никак не пойму,
 Почему с каждым шагом моим по дороге к Голгофе
 Ты всё чаще приходишь ко мне, словно ангел, сошедший во тьму,
 И всё большей любовью наполнена баночка кофе.

Безумный поезд мчится прямо,
 Но мне неизвестно, куда.
 Как линии кардиограммы –
 В окне мелькают провода.

Я равнодушьем верхней полки
От неги нижних отлучён –
Там в карты две старушки долго
Играют с солнечным лучом.

Но если поезд хоть немного
Замедлит свой железный ход –
Откроют мне мою дорогу
Листы старушкиных колод.

Город Павлово. Овраг. Вороны. Роща.
Пристань. Ресторан. Ока. Понтон.
Легендарный Павел-Перевозчик.
Рядом – Ленин с бронзовым бантом.
Дальше церковь – поднята из пыли.
Пламенеет в небе пятерик.
Вещевого рынка изобилье
И в заплатах – павловский старик.
Он из-под бровей посмотрит строго,
а в глазах – реки и неба свод.
Поползла разбитая дорога
В гору, где автобусный завод.
Частный сектор в крашенных заборах.
По субботам – бань душистый дым.
Школа. Переулки. Светофоры.
И сады, сады, сады, сады, сады...

Ребятня напоминала птиц –
Кто чижом дрожал, кто цаплей замер.
Серый ветер в опуши ресниц
Вдаль смотрел мальчишьими глазами.

Гомонили. Этот – бас берёг,
Тот – пицал птенцом, взъерошив перья.
Улетал нескладный матерок
Через реку на пологий берег.

– Пацаны, давайте сиганём! –
И шальной гурьбой бросались с кручи.
На крыло! – кричало воронье,
Из-под неба выкликал лучших.

– А давайте наперегонки! –
Полилось разноголосой трелью, –
Маханём за дальние буйки!
На слабо! А ну-ка, кто быстрее?

Бронзой полыхали на волнах
Безрассудной молодости плечи.
С плеском расступалась пелена!
Занырнул, и кажется – навечно!

...Скольких вознесут и искалечат
Разного полёта времена!

Воскресенье. Родное село. Девяностые годы.
Привезли семена на рассаду и первых цыплят на базар.
Громыкнуло ведром – кто-то вышел из дома по воду.
И тотчас пролила над степным захолустьем гроза.

Хлестануло стеной по товару в нехитром развале.
Утекли в закипевшую грязь помидорные всходы с лотков...
Разметало коробки с птенцами. И бабы в тепле горевали,
Что весенним ручьём посмывало, поди, цыпляков.

А гроза бесновалась, стреляя небесной пищалью.
Продавцы по машинам совали добро в закрома.
А у местных мальчишек истошно фуфайки пицали,
Пока шли по селу и тащили улов по домам.

Пряхи

– Прялка-самопрялочка, скажи,
– Долго колесу ещё кружить?
Как в трудах нам превозмочь усталость?
Сколько нам сучить ещё осталось,
Слушать пересвист веретена
В синеем океане льна?
Словно не живём, а из кудели
Тянем прядь. И сердцем оскудели.
И совсем осунулись лицом –
В неизвестность крутим колесо.

– Скоро вы отправитесь с причала. –
Самопрялка, скрипнув, отвечала, –
В синеем океане льна
Под напевный свист веретена
Через горизонт с седьмого неба

Ясные лучи забросят невод –
 Пробежит дорожка из белил,
 И по ней помчатся корабли,
 Воспаря в вечные просторы,
 Замыкая круг земных историй.
 На катушке оборвётся нить,
 Колесо откажется кружить.
 И тогда попутный свежий ветер
 Заберёт вас из прядильной клетки.

– Прялка-самопрялочка, скажи
 Долго нам потом сидеть в тиши?
 Сколько нам из корабельных трюмов
 За полями наблюдать угрюмо
 И не слышать свист веретена
 В синеем океане льна?

Самопрялка тихо отвечала:
 – Через год начнётся всё сначала,
 Подойдёт коловращенья срок –
 Свяжется на нитке узелок.
 Где-то рядом из земного тлена
 Прорастут грядущих поколений
 Вскходы – для иных осенних жатв.
 Эти всходы пряжи сторожат –
 Те, которых из прядильной клетки
 Уносил на небо прежний ветер.

– Прялка-самопрялочка, прости.
 С кораблями нам не по пути.
 Не устали – просто показалось.
 В теле много сил ещё осталось...
 Как приятна песнь веретена
 В синеем океане льна!

На глухаря

Весна, похожая на осень –
 Рыжеволоса и угрюма.
 В тысячемачтовиках сосен
 Текут пустующие трюмы.
 Ветвей тугая тетива
 В тиши выцеливает воздух.
 И снег, отзимовавший в гнёздах,
 В лесной ручей откочевал.
 Туман живёт крылатым эхом,
 К земле густеет и лоснится,

Но редко чёрную прореху
 В нем пробуравливает птица.
 А временами полнолуний,
 Когда глазами правит страх,
 Гнилые волосы колдуний
 Ползут среди погибших трав.
 Дрожа, иду несмелым скрадом –
 Спешу расслышать до зари,
 О чём толкуют где-то рядом
 Невидимые глухари.
 То волком на прогалах рыщу,
 То зайцем кувыркаюсь в ночь.
 Нашёл дорогу к токовищу...

...А птицы улетели прочь...

Счастливого пути, родной зелёный скорый!
 Под выцветшим гербом идёшь на переокрас.
 Гудок, ещё гудок. И ветры вторят хором:
 Приятных перемен! Удачи! В добрый час!

Пошёл на всех парах. Тебя тепло встречали:
 «Подкрасим колоски – и высохнут к утру...»
 Уютное депо увито кумачами:
 «Живее всех живых...», «Даёшь ударный труд...»

...Не стало в октябре багряного наряда.
 Упал последний стяг. Отвинчены гербы.
 Ржавеет паровоз, собака воет рядом.
 И нет уже труда, и жизни, и борьбы...

...Скелеты корпусов. Торчат наружу рёбра –
 Опорные столбы не устают стареть.
 Ушедшим временам вослед глядят недобро
 Вожди бродячих стай – вельможи пустырей.

А глобус на гербе – как шар из пыльной лузы –
 Достанут, подновят, когда наступит год
 На тлеющих костях Советского Союза
 Зажечь и обмануть доверчивый народ.

Дверь на засове, но что-то тревожит:
 Дождь. И рябит экран.
 Выключу свет, и день уже прожит –
 Нет городских программ.
 Слушаю лёжа шуршание мыши,
 Койки железной вздох.
 Я бы остался ещё, если свыше
 Кто-нибудь мне помог.
 Дом сиротливый с мебелью утлой
 Дышит теплом благим.
 Печка остынет, и пепельным утром
 Грянет по радио гимн.
 Медью сверкнёт фейерверк листопада,
 Вспыхнет лазурная синь.
 Ранняя птаха за высохшим садом
 Выкликнет мне такси.

Николай Алексеевич Полотнянко – родился 30 мая 1943 г. в г. Тальменка Алтайского края. Окончил Литературный институт им. Горького. Поэт и автор трёх исторических романов. За один из них («Государев наместник») удостоен Всероссийской премии им. И.А. Гончарова. Книги стихов выходили в Ульяновске, Саратове, Москве (1982). Член Союза Писателей России. С 2006 г. главный редактор журнала «Литературный Ульяновск».
Живёт в Ульяновске.

Прекрасная Дама

Горит поэзия моя

Гори, моя судьба, гори!
 Осталась дней моих лишь горстка.
 Лети, судьба моя, с горы,
 Как подожжённая повозка.

И первым спас я соловья,
 Что жил и пел в душе полвека.
 Горит поэзия моя,
 И пеплом, словно хлопья снега,

Летят и кружатся стихи.
 В них жизнь моя, мои тревоги
 И позабытые грехи,
 И к вечной истине дороги.

Горит поэзия моя...
 И преданность Прекрасной Даме
 Ликует в горле соловья
 К ней обращёнными стихами.

Морок предновогодний

Твои черты неуловимы.
 И тщетно в памяти порой
 Я их ищу. Как клубы дыма,
 Они сквозят, проходят мимо,
 Дразня затейливой игрой.

Я вижу цвет, я слышу звуки.
Но не вернуть их мне уже,
Не дотянуться до разлуки,
Не вернуть глаза и руки –
И стынь отчаянья в душе...

Мы разошлись. Осталась тайной
Ты навсегда в моей судьбе.
Прошло полвека. И случайно
Я повстречал тебя в толпе.

Как обожгло! О боже, боже,
Ты не состарилась ничуть,
А стала краше и моложе,
И та же стать, и та же суть,

И тот же взгляд, слегка надменный,
Такой же локон золотой...
Но это был, увы, мгновенный,
Внезапный морок. Предо мной
Была стена и в ней пролом.

Я вспомнил этот старый дом.
Ты в нём жила, тому полвека,
И тень оставила свою.
Как будто вытаяв из снега,
Опять вернулась в жизнь мою.

Быть может, ты явилась зовом
Из тьмы, куда мы все уйдём,
Как солнце, заревом багровым,
И откровенье обретём,

Зачем на этом свете жили,
Зачем любили и гршили,
Летали, ползали в пыли,
Но счастья так и не нашли.

Про вас мне говорят

Про вас мне говорят,
Что ваше сердце – камень.
И ваша красота бесчувственна, как лёд.
Что вас не разволнует, не проймёт
Поэзии моей летучий пламень,
Лишь только разогреет на чуть-чуть,
Но не затронет каменную суть
Души, что страсть любви не испытала
И закоснела в гордости...

Всерьёз
За вас возьмусь я, как каменотёс,
И вырублю из камня сердца розу,
И гением в неё страдание вдохну.
Вы влюбитесь в меня,
Прольёте слёзы...
Но в камень снова я вас не верну.

Живите мной и радуйтесь, и верьте:
Я вас Прекрасной Дамой назову
И буду славить вас, пока живу.
И сохраню вас навсегда в бессмертье.

Затмения ночь

Молчи, молчи...
Не говори.
Мне верности твоей не надо.
На всплески утренней зари
Не обращай с обидой взгляда,

Что быстро наша ночь прошла,
Как будто жаркое затмение.
У страсти, что нас здесь свела,
Не будет больше продолженья.

Как мотылёк в стекло окна,
Твоё сердечко тихо бьётся.
Друг друга выпили до дна
Мы в эту ночь, что не вернётся.

Ты беззащитна и тиха.
Мы согрешили страсти ради.
Но даже тени нет греха
В твоём покорном чистом взгляде.

Угас очей призывный пыл,
Потухло чувственное пламя,
В котором, грешный, позабыл
Я о своей Прекрасной Даме.

Не возвращайте мне... меня

Не возвращайте мне... меня,
Ведь вы ещё не разлюбили
И не остыли от огня,
Что грудь мою прожёт навывлет,
И вашим сердцем овладел,

Своим настойчивым терзаньем
Его измучил, одолел,
Понудил уступить желаньям.

Но совершить к обрыву шаг
Вам гордость строго запретила.
И ваша чистая душа
Себя спасла, но опалила
Видением греха ваш стыд,
Хотя был близок страсти морок,
Готовой вспыхнуть, словно порох...
Но он не вспыхнул, был залит
Потоком слёз... Ведь вы любили
И не остыли от огня,
Что грудь мою прожёт навывлет.

Не возвращайте мне... меня.

Я дожил до того...

Я дожил до того что не смогу сказать,
Вам ничего, что было бы не сказанным.
Мы общностью судьбы навеки связаны,
И это не порвать, не развязать,
Не разрубить и не разрезать пламенем...
Что это, счастье или тяжкий крест
Любить друг друга телом и сознанием?
Иль это неосознанная весть,
Что в нашем неземном существованье
Господь соединит нас навсегда,
И мы сольёмся как с водой вода?

Что жизнь была, что не было её

Что жизнь была, что не было её –
Пустяшно человека бытие.
Пусть будет он сам Сталин или Путин.
Приходит час и требует своё,
Смерть, никогда не открывая сути,
Что ждёт нас там,
В окаменевшем времени,
Когда мы все, избавившись от бремени
Законов и привычек, и долгов,
Получим всепрощенье грехов,
И обретём приют в господней вечности,
И растворимся в человеческом числе,
Не догадавшись, что мы были на Земле
Всего лишь мотыльками бесконечности.

Когда над миром убывает свет

Когда над миром убывает свет,
То всё вокруг теряет очертанья.
Я не пойму: со мной вы или нет?..
Ведь я не слышу вашего дыханья,
И в сердце чувствую большую пустоту.

Не заглушить её и пачкой валидола.
За вами я стремился в высоту
Прекрасного, чтоб трещину раскола
Между людьми, что не имеет дна,
Преодолеть... Но вам не до меня.

Гляжу вокруг: всё сумрачно и голо
И в темноте, и в ясном свете дня.
Меня вы погрузили в одиночество,
Оставив невесёлое пророчество:
«Мы встретимся ещё когда-нибудь,
Когда земной закончится наш путь...»

Быть может, для кого-то вы красивы

Нет, перед вами я, ничуть, не виноват,
Что к вашей красоте остался равнодушен,
Не отозвался на призывный взгляд,
В нём прочитал желанье ваше скушать
Меня как в жаркий полдень эскимо,
Запить боржомом, посмотреть в трюмо
И губки промокнуть бумажною салфеткой.
И поделиться новостью с соседкой,
С такой же, как она, притворой и кокеткой,
Что я валялся у неё в ногах,
Руки её просил и обещал Мальдивы...

Быть может, для кого-то вы красивы,
Но никогда Прекрасной Дамой вам не быть.
Не в силах, как она, меня вы одарить
Тем, что поэта душу приближает
К познанию животворящей Красоты.
И он своей Прекрасной Даме посвящает
Поэзии волшебные цветы:
Они всегда цветут, всегда благоухают.

Когда в помине не было людей

На море я смотрю с Кавказского отрога.
Оно пока пустынно, и покой
Его объял, как сон, и облака высоко
Над ним сияют снежной белизной.

И лишь вода темна, и это не случайно:
В непроницаемой её глубинной мгле
Она в себе хранит непознанную тайну
Возникновенья жизни на Земле.

И здесь когда-то из морской пучины
Мой предок выполз на песчаный брег,
С раздвоенным хвостом, в чешуйчатой личине,
И дикий зверь, и всё ж предчеловек.

К возлюбленной он телом, словно плугом,
В песке сыпучем протаранил ход.
Они сходились много раз друг с другом,
Чтоб завязался новой жизни плод.

И лился сок любви струёю мощной,
И страстный рёв вздымался к небесам...
Лишь поздней крупно вызвездившей ночью
Они прохладным предались волнам.

Мы до сих пор ещё во многом звери,
И тянет нас всей сущностью своей,
Познать, какой была любовь без лицемерий,
Когда в помине не было людей.

Не вспомнить, где мы счастье потеряли

Зачем же мы друг друга потеряли,
И я про вас давно не вижу снов?
И голуби бумажные стихов
К вам с моего стола давненько не взлетали.

Хочу забыть, но тянется к перу
Рука, чтоб на мелованной бумаге
Нарисовать ваш профиль поутру,
Вокруг рассыпав письменные знаки...

Задуматься, вздохнуть и разорвать
Письмо любви, зубами скрипнув, смять.
И, чиркнув спичкой, запалить клочки
И пристально сквозь тёмные очки

Смотреть, как исказился профиль ваш
И превратился в огненный мираж.
С обугленными чёрными краями.
И захлебнуться горькими слезами...

Не вспомнить, где мы счастье потеряли.
Быть может, кто-то нас обворовал?
Или себя мы сами обокрали,
Когда семейный бросили причал?..

И носит нас житейскими волнами.
И грусть не покидает наших глаз.
И счастье жизни, брошенное нами,
Отравой стало и терзает нас.

Вы так обидчивы порой, так зябко холодны

Вы так обидчивы порой, так зябко холодны,
Наверно, для того, чтобы другим казаться,
Что равнодушны вы ко мне, не влюблены,
И чувств нет, никаких, чтоб в них признаться.

Но дорог мне любой ваш милый знак:
Пожатие руки, и тембр нежной речи...
Они уже давно живут в моих стихах,
Как наши все и расставания, и встречи.

Не потому ль вы так строги со мной,
Что любите меня через преграды,
Не смея мне признаться, что вы рады
Прекрасной Дамой быть, беседовать со мной,

Про то, как было радостно в начале
Судьбы и стало сумрачно в конце.
Я прочитаю всё на дорогом лице,
В глазах, что потускнели и устали

Взирать на власть земную, на народ,
На жизнь, что лишь проезжая дорога
В один конец. И нас она ведёт,
Не спрашивая, всех в объятья Бога.

Он всех простит. Он всех нас извлечёт
Из кожаных одежд, и станем мы бесплотны,
Прозрачны, невесомы, беззаботны.
Душа свободу воли обретёт.

Не знаю, что дано ей будет знать,
И чувствовать в краю, где нет сомнений.
Но как, скажите, вас мне отыскать?
В загробной толчее прозрачных теней,

Где невозможны страстные слова,
Как я узнаю вас, мне непонятно?..
Мы, с древа жизни павшая листва,
Все превратимся в солнечные пятна.

И будем пребывать среди живых
Мерцаньем переливов золотых,
Забав про то, что на Земле мы жили,
В земное счастье верили, любили...

Я вас не позабыл

Я вас не позабыл
За будними делами.
Вы – страстный жар и пыл
В стихах Прекрасной даме.

Вы навсегда со мной
В любом моём творенье.
Я не пойму порой:
Вы – явь или виденье?

То вижу вас как тень,
То слышу голос милый,
То провожу весь день
В безмолвии унылом.

В тетради вянет стих.
Чтобы зацвёл он снова,
Явитесь, хоть на миг,
Из огненного слова!

На эту ночь я взят тобой в полон

За тучу скрылась полная луна,
И распахнулось поле звёздной пашни.
И не твоя, и не моя вина,
Что мы с тобой не повстречались раньше.

Ты говоришь, что с нелюбимым жить –
Твоя судьбина, будь она неладна.
Хоть от чужого счастья не отпить,
Меня целуешь радостно и жадно.

Я не увидел в комнате икон,
А на луну молиться не умею.
На эту ночь я взят тобой в полон,
Владей же мной, как я тобой владею.

И я как молодой и ты как молода,
И вспыхивают искры между нами.
Не погасить уже их никогда,
В моих стихах они зажгутся сами.

И не твоя вина, и не моя вина,
Что мы с тобой не повстречались раньше.
За тучу скрылась полная луна,
И распахнулось поле звёздной пашни.

Не воскрешай, что умерло во мне

Уходит день, и в зыбкой тишине
Повеяло желанною прохладой.
Не воскрешай, что умерло во мне,
Улыбкой нежной и несмелым взглядом.

Не говори, что ты устала ждать
Моей любви, и счастье потеряла.
Я ничего не в силах обещать,
Как не могу судьбу начать сначала.

Не говори, что дорог я тебе.
На перекрёстке временного круга
Мы встретились на жизненной тропе,
Чтобы взглянуть с надеждой друг на друга.

О как хотел бы я твоей любви
Отдать себя, упиться наслажденьем.
Вновь обрести и жар, и клад в крови
Пред сладостным в объятиях забвеньем.

И чтобы ночь в распаханном окне
Вдруг пролилась, как ливнем, звездопадом...
Не воскрешай, что умерло во мне,
Улыбкой нежной и несмелым взглядом.

Скажу, я ничего не утаив

Сейчас, когда нет связи между нами,
Скажу, я ничего не утаив,
Что счастлив был обманываться вами,
Вы были для меня к прекрасному порыв

Души моей, что в сумерках гонений
На Красоту, и власти пошлых мнений,
Рванулась к вам, узрев заветный свет.
И обрела источник вдохновений,
Откуда Правду черпает поэт,

И ею делится с обманутым народом,
Хотя тому во лжи привычней жить,
Утратившим страну разноплеменным сбродом,
Который буду я всегда боготворить...

Я не нашёлся, как ей возразить

Она сказала мне: «Зачем ты пишешь
Мне страстные стихи?
Я этим смущена...
Но, может, ты во мне забаву ищешь?
Мне участь жалкая тобой предрешена:
Стать женщиной твоей на всякий случай?
Найди другую и стихами мучай!»

Я не нашёлся, как ей возразить.
Писать писал, но для Прекрасной Дамы,
Что властна надо мною и стихами.
И без неё поэтом мне не быть.

Она дала мне волю и простор,
И лучик солнца над моим закатом.
Поэзия похожа на костёр,
И согревает всех, кто с нею рядом.

Сквозь Ад я шёл за милой вслед

Тревожат нас виденья, грёзы
Посмертной участи своей...
Там нет поэзии и прозы.
Там край судьбы, и тьма за ней.

Мне повезёт, над бездной ямы,
Уже став призраком немым,
Я нежный взгляд Прекрасной Дамы
Увижу сквозь огонь и дым.

Она на жизнь мою взирала,
Перебирая чётки дней.
Призывным жестом приглашала
Без страха следовать за ней.

В кроваво-огненном тумане
Сквозь Ад я шёл за милой вслед.
И очутился на поляне.
И снова было мне семь лет.

И снова вижу я из дёрна
Землянку, клён перед окном,
И петухом, дерущим горло
Встаёт рассвет над Иртышом.

И мама с вымытой морковью
Идёт, божественно чиста.
И на меня глядит с любовью,
Как на воскресшего Христа.

Пишу и не надеюсь на ответ

Пишу и не надеюсь на ответ,
Прочтёте ль вы моё стихотворенье?
Оно, не будет, думаю, во вред
Таланту вашему.
Быть может, настроенье
Поднимет вам. Оно ведь не вода,
Что капает занудливо из крана,
В нём все слова весомы, никогда
В нём нет ни капли желчи, ни обмана.

Загадочность я вашу не нарушу,
И не скажу, что понимаю вас.
Я лишь слегка стихом затрону душу,
Чтоб вы создали как-нибудь для нас,
Поборников исконной русской речи,
Шедевр искусства цельный, как алмаз.
И мы в старинных канделябрах свечи
Зажгли бы и послушали ваш сказ
Про старую Москву, как в ней чудили
Юродивые, старицы и старцы.
Вы все прочли и небыли, и были,
Пред вами время открывало ларцы,
Вы перлы языка просвирен находили,
И насыщали ими свой рассказ,
Что мы услышим как-нибудь от вас.
Собравшись у свечей в крещенский вечер,
И насладимся вашей чудной речью.

Звезда поэта

Летит и кружится листё,
Шуршит на тропке придорожной.
И сердце трогает моё,
Внезапным шёпотом тревожным,

Что я непросто прожил век,
За правду бит бывал жестоко.
Но не погиб как человек,
Хотя вокруг погибших много.

Час недалёк, когда и мне
Придёт пора с землёю слиться.
Но с дурью, что царит в стране,
Так и не смог я примириться.

Когда почти на тридцать лет
Россия стала не Россией,
Меня спасал небесный свет
Моей Прекрасной Дамы милой.

Как путеводная звезда
Со мною до черты прощальной,
Она сияет мне всегда
В потёмках родины печальной.

Как дорог этот мне самообман

Душа переполняется волненьем,
Когда вдруг вспомню, милая, о вас.
Я вам обязан страстным вдохновеньем,
Огнём поэзии, что вы зажгли сейчас
В моей груди и осветили разум.
И в сумрак погрузили кабинет.

Но ваше в нём присутствие я сразу
Угадываю... Зыбкий силуэт
Изящной женщины, летящей в облаках,
Просвечивает в белизне бумаги.
Она разбрасывает письменные знаки.
Я строю их, чтоб в поэтических строках
Реальность и мистический туман
Вам показались чем-то новым...

Как дорог этот мне самообман!
Я предаюсь ему, чтоб вас коснуться словом.

Никто мне не велел

Никто мне не велел, но я почти исполнил
Свой путь греха – иного не дано.
Хоть вековой сосуд до края не наполнил,
Но там всего, что в жизни есть, полно:
И суеты, и лжи душе противной,
И бесконечная череда житейских бед,
И боль раскаяний, и временами дивный,
Зовущий к правде несказанный свет.

И не было во мне ни зависти, ни злобы,
Ни на людей, ни на пустую власть.
Я обходил натоптанные тропы,
И стороной от всех иду сейчас
Путём поэзии к всезнающему Богу
Сквозь тьму на свет призывного огня,
Чтобы припасть к заветному порогу...
Бог знает всех, и в том числе меня.

Прощальный дар

Безмолвье вечности не дорого ему.
И, проводив до жизненного края,
Мой гений не уйдёт со мной во тьму.

И вам его смиренно завещаю,
Желаю, чтобы охранял он вас
В суровых схватках на полях искусства,
Как и меня.

Чтоб дух в вас не угас
Воительницы, не скудело чувство
Прекрасного пред натиском толпы,
И правду берегите как икону...

Примите этот дар как дар судьбы.
Чтоб слышать звук божественной трубы,
Вас требующей к жертве Аполлону.

Коммуналка

Людмила шла из магазина с настенными часами в хозяйственной сумке и радовалась как ребёнок. Наконец-то у неё своя квартира! Пусть маленькая, однокомнатная, с крохотной пятиметровой кухней и сидячей ванной в девятиэтажном блочном доме на окраине Москвы, но зато СВОЯ. Со временем она обставит её по своему вкусу, ни на кого не оглядываясь. Да об этом можно было только мечтать! Но дорога к мечте была долгой и трудной.

Людмила приехала в столицу из подмосковной Каширы сдавать экзамены в стоматологический институт. Будучи девочкой целеустремлённой и хорошо подготовленной, она поступила и получила место в общежитии. В комнате жили ещё две девочки-первокурсницы. И хотя соседки по комнате сдружились, Людмила мечтала об отдельной жилплощади, так как дома у неё тоже не было своей комнаты – в течение десяти лет она жила в комнате с младшей сестрой.

Окончив институт с отличием, Людмила получила распределение в медсанчасть одного из московских заводов. Общежития при заводе не было, поэтому ввиду невысокой зарплаты, которую ей положили, как молодому специалисту, Людмиле пришлось снять угол. Хозяйка однокомнатной квартиры была женщиной милой, приветливой, но уж больно храпела по ночам, так что Людмила частенько приходила на работу в утреннюю смену не выспавшейся. Но никто из её пациентов ни разу не видел её в плохом настроении. Она всегда улыбалась и подбадривала тех, кто к ней пришёл, понимая, что посещение зубного врача – огромный стресс для многих. На заводе рабочие два раза в год проходили диспансеризацию, так что посещение зубного врача было обязательным, ну а в остальное время это происходило по желанию (хотя таких камикадзе было мало) или по необходимости.

Александр пришёл к ней с острой болью. Людмила приняла его вне очереди, так как нет хуже

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. По окончании в 1987 г. МГПИ им. В.И. Ленина преподавала английский язык в школе. С 2001 г. Старший преподаватель кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор шести сборников лирических стихотворений: «Имя моё...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010), «Крылатая мечта» (2012), «Иду по клавишам судьбы...» (2015), а также трёх сборников прозы – «Букет ландышей» (2009), «Окно в сад» (2011) и «Дневник» (2015). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

боли, чем ушная и зубная. Она точно поставила диагноз и оказала ему помощь, удалив нерв и запломбировав канал. После этого Александр отчего-то зачастил в медсанчасть. Он приходил к Людмиле под предлогом, что у него опять выскочила пломба. Однако дело было вовсе не в некачественных материалах, ведь начальство никогда на этом не экономило, а в том, что молодой, но хитрый начальник цеха выковыривал пломбу подручными материалами (например, вилкой), чтобы снова прийти на приём к улыбочивому врачу, которая покорила его сердце. Да и Людмила поймала себя на мысли, что ждёт появления в кабинете этого парня с красивыми вьющимися волосами и огромными серыми глазами с поволокой.

И стоило Людмиле намекнуть ему, что он ей нравится, как Саша стал регулярно заходить особенно после вечерних смен. Ухаживал красиво. Не было случая, чтобы он пришёл без цветов. Бедные клумбы! Сначала настурции, затем сальвии и, наконец, бархатцы служили основой букетиков влюблённого. Он всегда провожал её до дома, а потом бежал, чтобы успеть на последний поезд метро, так как жил в другом конце города в малогабаритной двушке с родителями и младшим братом-студентом.

Неспешные прогулки Люды и Саши в течение двух месяцев закончились свадьбой. А поскольку молодые работали на одном предприятии, то им выделили двенадцатиметровую комнату в трёхкомнатной коммунальной квартире и документы оформили на Людмилу.

Молодожёны обставили свою комнату самым необходимым. Саша по дешёвке купил мебель в комиссионке: диван, платяной шкаф с зеркалом, стол и два стула, а полку сколотил сам. Постельное бельё, занавески, скатерть, шторы и посуда – это Людино приданое.

Самую большую комнату – целых восемнадцать метров – занимала семья из трёх человек. Глава семейства работал в каком-то тресте, его жена была торговым работником, а их сынишка учился в школе. В комнате чувствовался недостаток: в нише стояла софа, в углу горка с немецким сервизом «Мадонна», на комодике по вязаной салфетке мирно шагали семь белых слоников. Круглый стол, за которым занимался восьмиклассник, был покрыт плюшевой скатертью. В комнате стояли также трёхстворчатый шкаф, три стула и детский диванчик.

А маленькую восьмиметровую комнату занимала баба Варя. Это была деревенская женщина, приехавшая в Москву по лимиту и получившая от хлебокомбината крохотную комнату, в которой стояла кровать с шишечками, покрытая белоснежным вязаным покрывалом, топчан, деревянная вешалка, один стул и тумбочка, служившая бабе Варе столом.

Кухня в коммуналке была общая – все готовили на трёх столах и двух газовых плитах. На стенах висели полки с разномастными кастрюлями и сковородками. Посуда, а также вилки-ложки хранились в комнатах. Под потолком были натянуты верёвки, на которых хозяйки сушили бельё. Обитатели большой комнаты сдавали постельное бельё в прачечную, а баба Варя и Людмила стирали сами. Когда Людмила в первый раз постирала бельё, и они с Сашей ушли с утра на работу, то, вернувшись вечером, она очень удивилась, увидев, что бельё по-прежнему мокрое. Однако появившаяся на кухне с чайником в руках баба Варя объяснила, что, увидев некачественно постиранное бельё на верёвке, она решила перестирать его. У Люды на глазах выступили слёзы, она обняла соседку и угостила её пирогами, купленными по дороге.

И это было в порядке вещей, ведь все здесь жили дружно, не говоря уже о молодожёнах. Саша попросил начальство, чтобы их с Людой смены совпадали. Ему от недавно умершего дяди – директора фабрики – достался автомобиль, и теперь у молодых появилась возможность после смены ездить в парк или в кино, а по выходным навещать родственников и в Москве, и в Кашире.

Однако через год этой спокойной размеренной жизни пришёл конец. Бабе Варя позвонила из деревни сестра и попросила приютить на время экзаменов дочь, которая решила поступать в Московский институт. Отказать баба Варя не смогла, и вот на пороге дома в конце июня нарисовалась её семнадцатилетняя племянница.

Приученная к труду, Алесья сразу взяла на себя часть забот. Поскольку баба Варя работала, то девушка в перерывах между занятиями и в магазин ходила, и стирала, и полы мыла. В коммуналке был установлен график мытья полов, и когда наступала очередь обитателей маленькой комнаты, эта юная нимфа, низко склонившись в коротеньком сарафанчике, мыла полы руками, демонстрируя всем не только красивые ноги с упругими икрами. И вскоре Людмила заметила, какие заинтересованные взгляды стал бросать Саша в адрес соседки.

С появлением Алеси в доме у него каким-то чудесным образом поменялся график работы, и теперь они были с Людмилой в разные смены. Однажды у Люды поднялась температура и, уйдя домой пораньше после вечерней смены, она застала Алесю у них в комнате. Александр поспешил объяснить, что помогал девушке разобраться с математическими задачами. Однако от её взгляда не ускользнуло прерывистое дыхание обоих, что говорило явно не о занятиях математикой. Людмила ничего не сказала и молча легла на диван – не хотела портить себе нервы перед отпуском.

В августе Люда с Сашей поехали в долгожданный отпуск на море, где планировали отметить годовщину своей семейной жизни. Балтика в тот год была необыкновенно тёплой, так что молодожёны купались и загорали каждый день. А маленькие кафе радовали их вкусными блюдами, невысокими ценами и европейским сервисом. Было так здорово, что хотелось поделиться этой радостью с близкими. В век отсутствия мобильных телефонов все ходили на переговорный пункт и звонили родным и по работе. Саша с Людой не были исключением. Однако так получалось, что Саша часто ходил туда один. И вот после очередного его звонка в Москву Люда узнала, что мужа вызывают на работу досрочно. Она хотела поехать вместе с ним, но он был категорически против и сказал, что хватит того, что часть его отпуска пропадёт, а Людмила должна догулять. Сдав билет на поезд, он приобрёл у перекупщика билет на самолёт и вернулся в Москву на четыре дня раньше.

В день Сашиного возвращения она позвонила домой и, услышав его весёлый голос, успокоилась. Накануне своего отъезда она вновь отправилась на переговорный пункт, чтобы узнать, встретит ли её Саша на вокзале, но к телефону никто не подошёл. Чемодан был тяжёлым, поэтому она решила взять такси.

Когда Люда вернулась рано утром с вокзала, ей открыла дверь баба Варя в чёрном платке. Зеркало в коридоре было закрыто тканью. На Людин вопрос, что случилось, баба Варя поведала ей, что Алесья поступила в институт и Саша повёз её кататься на машине. Дорога была скользкая, и он, не справившись с управлением, врезался в столб, и они оба погибли. «Бог их наказал. За тебя. Завтра похороны», – добавила она. Услышанное повергло Люду в шок.

Превозмогая душевную боль, Людмила полностью погрузилась в свалившиеся на неё проблемы.

Когда всё было позади, она пошла в местком и попросила помочь ей справиться с воспоминаниями, душившими её в этой комнате. В месткоме пошли навстречу. Они недавно начали заселять новый дом от завода и предложили Людмиле отдать её комнату взамен однокомнатной квартиры. Люда вздохнула с облегчением: наконец-то она будет хозяйкой в своей квартире!

Накануне праздника 7 ноября Людмила шла в свой новый дом с настенными часами и думала: «Новая квартира! Новое время! Новая жизнь!»

ПОЭЗИЯ

Нина ГОЛОВАНОВА

НИНА ГОЛОВАНОВА

Нина Федотовна Голованова – физиктеоретик и поэт, родилась в семье советских инженеров. Окончила московскую школу с золотой медалью, а затем физический факультет МГУ им. Ломоносова. Научная деятельность связана с изучением микромира. Имеет научные труды. Член МГО СП России. Автор трёх поэтических сборников: «Эти строчки», «Избранное», «Ясным утром». Последняя книга, изданная МГТУ им. А.Н. Косыгина, в 2011 г. была отмечена дипломом литературного конкурса МГО СП России «Лучшая книга». Награждена также литературными премиями МГО СП России имени Грибоедова и Лермонтова. Роман Н.Ф. Головановой в стихах «Люк и Фек. Мир и война» в 2014 г. был удостоен литературной премии МГО СП России «Серебряный крест» с вручением наградного знака «Серебряный крест».

Живёт в Москве.

«Молчат тени эпох...»

В городе Пиза

Странно всё как-то в тосканском городе Пиза.
Он не деревня, а маленький город на вид.
В центре, однако, вроде большого сюрприза
Старый Пизанский собор с колокольной стоит.

Храм богатейший дышит величием предков.
Глядя на люстру, открыл Галилей в нём закон.
Верил (случается это в жизни нередко),
Что во Вселенной порядок определён.

Люди же могут познать его лишь частями.
Краток наш век, а точнее сказать, жизни миг.
Гроб из стекла со святыми сухими мощами
На постамент в церкви папа какой-то воздвиг.

Кости лежат, животворный лишь дух витает.
Кто в это верит, тот может болезнь победить.
Вера есть вера. От убеждённости стая
Часто готова и пыткой, и словом убить.

Сам Галилей испытал это. Как задира,
В книге оспорив о солнце церковный догмат,
Он поддержал новый взгляд на устройство мира.
В ссылку сослали без права вернуться назад.

И упокоиться даже не разрешили
Рядом с родными и Буонаротти-творцом.
Лет через триста лишь прах и дух возвратили,
Гордость Флоренции снова вернулась в свой дом.

Эти столетия не пролетели даром,
Знаний кусочки сложились в крепчайшую цепь.
Может наука теперь изучать Стожары,
Или же ядер мельчайших раскалывать крепь.

Ходят наследники в храме со всей планеты,
Водит толпу их весталка-экскурсовод,
Ставятся фото на сайтах из интернета,
Значит, мы вместе – земной и единый народ.

Великий Рим

Великий Рим суров и прям,
Как старый воин после жёсткой битвы.
Развалины торчат из ям
Так, будто лезвия из ржавой бритвы.

Из терракотовых домов,
Где раньше было древних поселенье,
И из простых людских умов
Ушли все боги к Папе в услуженье.

Но Рим, Великий Рим живёт,
Легионеров слава не поникла.
Весь день без усталости ревёт
Их армия на мощных мотоциклах.

Воздав бокалом всё же дань
Богам красивым, сказочно богатым,
Сверкнёт, играя, филигрань
В руках под кьянти с пастой и салатом.

В прохладе вечера луна
В конфликт с искусственным вступает светом,
А олеандра белизна
Всё также воспевается поэтом.

Приходит снова жаркий день,
И варварам – назойливым туристам
Неведома обычно лень,
Но Рим ещё тысячелетий триста

Останется стоять и принимать гостей.

Старые дворцы в Венеции

Venice, Venezia – жара.
 Морское раздолье.
 Плавают яхты, люди, дворцы и земная кора
 В крепком рассолье.
 Солнце жгучее
 превращает белокожих в индейцев, потом в негров,
 И самое лучшее –
 В тенёк бегом аллегро.
 Загадочны старые дворцы.
 Молчат тени эпох.
 Спрятаны в глухих переулочках входы в их торцы
 От всяких пройдох.
 Званных гостей встретят,
 Открыв большим ключом железную калитку.
 На этаже третьем
 Предложат просеко и скрипку.

Пролог к трагедии, драме, фарсу Диктаторы

Город внизу золотистой мозаикой
 Вспыхнул и быстро поплыл под крылом
 Светлым модерном и тёмной архаикой,
 В нём радость жизни и грусть о былом.

Важно кеметский корабль в шумной гавани
 К берегу тянет сверкающий нос,
 И, паруса в небе вывесив саваном,
 Он незаметно в него будто врос.

В ярких одеждах царица-красавица
 С трона взирает у всех на виду,
 Как, не спеша, аккуратно касается
 Борт о причал в итальянской порту.

Цезарь с народом встречает на пристани
 С шумом весёлых приветствий корабль.
 Рядом жена и Сенат очень пристально
 Смотрят на слишком роскошный ансамбль.

Эта блудница должна бы по кодексам
 Гордого Рима плестись среди рабов
 На торжествах в честь Триумфа не с лотосом,
 С цепью, своих проклиная богов.

Но Юлий Цезарь ей дал в управление
 С братом Египет – наследство отца,
 И Клеопатра, терзаясь презрением,
 Терпит законного мужа-юнца.

Юлий-диктатор любим населением,
 Ей же фактическим мужем стал он,
 И, как подарок судьбы за терпение,
 Послан богами сын Цезарион.

Жители Рима простили бы Цезарю
 С чуждой царицей имперский роман,
 Но демократию намертво резали
 Эти проекты, вскрывая обман:

Римскую гордость – свободу избрания
 Всех государственных лиц и чинов.
 Подкупом можно с большим состоянием
 Форум пополнить числом болтунов.

Резали, резали...
 Долго Цезаря.
 Зарезали...
 Саван.

ПОЭЗИЯ

Евгений КАРУНИН

Евгений Александрович Карунин – родился в 1972 г. в Москве. Окончил филологический факультет МГО-ПУ имени М.А. Шолохова; кандидат педагогических наук, доцент. Член МГО Союза писателей России, автор поэтических сборников «Российские перезвоны» (1998 г.) и «Царство вечных небес» (2004 г.), а также историко-патриотических поэм «Сказание о Невской битве» (2008 г.) и «Куликово поле» (2011 г.). Поэма «Куликово поле» была отмечена дипломом «Лучшая книга 2008–2011».

Живёт в Москве.

«Храни, Господь, мою Отчизну...»

Куликово поле

И вечный бой! Покой нам только снится...

Александр Блок

Опять рассвет на поле Куликовом
Ковыль-траву росой серебрит.
Непрядва, как невеста в платье новом,
Под шум ветров к донским берегам спешит...
Здесь с давних пор свободой воздух полон,
Здесь небеса сливаются с землёй,
Под шелест ковыля и птичий гомон
Уставший путник здесь найдёт покой.
И, кажется, покой тот будет вечным,
Но нет земли без бедствий и тревог –
И скоро уж над долом бесконечным
Сверкнёт зловеще вражеский клинок!
Блаженный край! Ты полем битвы станешь:
Здесь Русь с Ордою вступят в смертный бой...
О, ветер вольный! Ты ли, друг, не знаешь,
Что будет так, и нет стези иной?..
Свист вражских стрел, проклятья и молитвы,
Стон раненых, звон сабель, треск щитов
Сольются здесь в смертельном вихре битвы,
Став долгим эхом сумрачных веков...
Но лишь в боях, Отчизна, ты мужаешь,
Не ведая ни страха, ни преград!
О, ветер вольный! Ты ли, друг, не знаешь,
Что это так, и нет пути назад?!
О, поле Куликово, поле боя!

Твоя судьба сплелась с судьбой Руси –
Взять щит и меч. И впредь не знать покоя –
Иного же у Бога не проси!
Опять рассвет на поле Куликовом
Ковыль-траву росой серебрит.
Непрядва, как невеста в платье новом,
Под шум ветров к донским берегам спешит...

Молитва о Родине

Храни, Господь, мою Отчизну
От разорений, войн и бед,
От горьких зёрен нигилизма,
От ложных, пирровых, побед.
Храни, Господь, мою державу
От чёрной зависти врагов,
Храни её былую славу
Для новых, будущих веков.
Храни, Господь, мою Россию,
Не охладей к ней, не остынь,
Храни её от лжемессии,
От осквернителей святынь.
Услышь, Господь, мою молитву,
Что в глубине души храню,
И тихо, твёрдо, как пред битвой,
Благослови страну мою.

Возвращение

Едва лишь повеет теплом от земли
И станет светлей небосвод,
В родные края уж летят журавли
Из южных далёких широт.
Приветливым криком встречают они
Родные озёра, леса.
Люблю я в погожие майские дни
Внимать их живым голосам.
Как рад я, что в мире среди тысяч дорог
Есть путь из чужбины в свой дом,
Где нас после долгих разлук и тревог
Согреют душевным теплом!

Я вновь иду дорогой сельской,
Здесь по душе мне каждый звук –
Из-за ветвей сосны карельской
Мне слышен дятла бодрый стук.

В леске, за солнечной опушкой,
Щебечут пташки тут и там,
Неугомонная кукушка
Ведёт, как прежде, счёт годам.
Огромный шмель гудит ворчливо,
Кружа над майскою травой,
Вороны каркают лениво
Вдали, за старою избой.
Среди купав, над гладью пруда,
Поют лягушки гимн весне, –
Их хор каким-то тайным чудом
Всё оживляет вдруг во мне!
С многоголосой песней мая
Весна выходит на парад,
И с этой песнею шагая,
Спешу я в свой цветущий сад!..

Июньский вечер

День усталый тихо угасает,
По ложбинам стелется туман,
Облака в лучах закатных тают,
Скрылся ветер в розовый бурьян...
Над рекой склонилась грустно ива,
Шепчется о чём-то с камышом,
Селезень плывёт неторопливо
По ребристой сетке сонных волн.
Всё стихает. Лишь над чащей томной,
Что чернеет в призрачной дали,
Соловей, певец неугомонный,
Будет петь до утренней зари.

Задержишься хоть на час, быстрокрылое лето,
Не спеши, не зови за моря журавлей,
Улыбнись в тишине лучезарным рассветом
Над зелёным простором безбрежных полей.
Задержишься на секунду, незримое время,
Дай мне срок осознать, что я всё же живу,
Дай стяхнуть с себя тягостей вечное бремя,
Стать свободным, как ветер, хоть раз наяву.
Задержишься хоть на миг, моя жизнь молодая,
Не хочу безоглядно тебя отпускать! –
Дай мне вспомнить зарю того дивного мая,
Когда я научился любить и прощать...

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр БАЛТИН

Слово о «Великороссе»

Само название журнала «Великороссь» – подразумевает силу... и патриотизм. Но – и то, и другое бывает двух родов: сила – ломающая, грубая, дикая, сила – умная, творческая, благородная; и – патриотизм, как любовь, скажем, к родному приокскому пейзажу, понимание своей культуры и её места в мире, и иной: корыстный, алчный, эгоистичный.

Благородство и умная сила журнала очевидны, ибо тонкая редакторская политика собрала коллектив, сумма сделанного которым может предоставить будущим исследователям литературы благодарный материал.

Множественность разделов журнала естественна, ибо литература дело многожанровое, и все они – от поэзии до публицистики – представлены в журнале.

Без тенденциозности, руководствуясь только мерою одарённости авторов, «Великороссь» даёт представление о широте творческих диапазонов, возможном в современной литературной России – да так, что верится в формулу И. Ильина: Россия спасётся творчеством.

В журнале можно прикоснуться к поэзии подлинно высокой, без пустой игры, стёба, филологических выкрутасов, к поэзии, продолжающей многие линии великой, русской, традиционной – в хорошем понимании слова; и, скажем, изысканные стихи Дианы Кан вполне уютно соседствуют с метафизически-акварельными стихами недавно безвременно ушедшей Ирины Щербины, а необыкновенно музыкальные стихи Анатолия Аврутина с метельно-нежными, акварельными стихотворениями Анатолия Гребнева; также и противоположная во многом поэзии публицистика представлена разнообразно-богато: от классика многих жанров Льва Аннинского до острого, полемичного, яркого Евгения Бузни...

О, разумеется, обзор авторов, каким открывает свои страницы «Великороссь» потребовал бы отдельного исследования, если не книги – а книги

Александр Балтин – член Союза писателей Москвы, автор многих книг, свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Башкортостана, Казахстана, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Якутии, Эстонии, США, лауреат международных поэтических конкурсов, стихи переведены на итальянский и польский языки.

Живёт в Москве.

о книгах порою говорят о времени больше любых исторических исследований.

Но вот – и исторические исследования, обзоры, даже заметки, публикуемые в «Великороссе» отличаются глубиной, хорошей хищностью взгляда вглубь времён авторов: от своеобразно-поэтических рассуждений Николая Стародымова до интереснейших, всегда очень своих изысканий Сергея Смольяникова.

Густа и насыщена проза «Великоросса» – а что можно определить, как становой хребет литературы: прозу, или поэзию – не удавалось доказать никому.

В любом случае – литература это сумма, если угодно – сумма сумм: талантов, разнообразия, яркости, жизни в слове, множественности увиденного.

Необходимый и обязательный раздел (таковой хорошо бы иметь каждому журналу!) Память – как сверкающая, сверхпрочная нить, нить, вьющаяся по временам, соединяющая их.

Под сильным руководством журнал, существуя много лет, идёт широким духовным маршрутом, предлагая совершать подобный и читателю – вдумчивому, не растерявшему вкуса в нашей нервно-суетливой, омрачённой постоянной гонкой за деньгами и комфортом жизни, и можно с уверенностью сказать, что путь этот – путь журнала – будет продолжен и дальше.

ПОЭЗИЯ

Таисия ГУСЬКОВА

Таисия Владимировна Гуськова – автор пяти книг стихов и прозы. Лауреат конкурса «Лучшая книга 2011–2013», дипломант литературной премии «Серебряный крест». Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

«Ах, зеркала...»

Я уеду за стихами,
Я уеду за снегами.
Мне лавинойю снега,
Как
 В мае
 Цвет.
Привезу тебе в ладошке,
Словно в сказочном лукошке,
С гор высоких
 Солнца
 Свет.
Приглашу тебя на танец;
Хороша ты в белом платье!
И глаза, как звёздочки, горят...
Мы с тобой уедем вместе –
Места хватит в моём сердце;
Нас любовь
 И горы
 Обручат.
Мы уедем за стихами,
Мы уедем за снегами;
Нам лавинойю снега,
Как
 В мае
 Цвет.
Закружится счастье в танце,
Будут звёзды улыбаться,
А в подарок –
 Солнца
 Свет!

Ах, зеркала...

Расскажите неправду;
 Я поверю красивости слов.
 Ах, зеркала...
 Вам – улыбка в награду,
 И доверие утренних снов.
 Я ещё молода,
 Белоснежное платье
 Струится.
 Ах, зеркала...
 Что за счастье
 Пред вами кружиться!
 Ах, зеркала...
 Дорожу вашей памятью
 Строгой.
 Что смогла – сберегла, –
 Улыбнитесь и вы на дорогу.

Соткала тишину из всех симфоний мира;
 Молчали скрипки, и молчала Лира.
 Я помолчу о том, о чём кричать хотелось,
 Я помолчу о том, о чём мечталось, пелось.
 Всю тишину в себя я заманю.
 Глаза в глаза – я только так люблю.
 И до безмолвия – мгновение осталось;
 Душа моя, как долго ты скиталась...

Фата уж надета,
 И будет венчанье.
 Какою монетой
 Оплатишь отчаянье?
 Какою монетой? –
 Горой золотую.

И ходит раздетой
 Жизнь предо мною...

В открытом кафе
 Рыбацкого Кьоджи
 Сидят словно дожди
 И прядут словесную пряжу

Синьоры.
 Забыты семейные
 Ссоры,
 Уходит неделя
 В морскую пучину...
 Дымит сигарета,
 Парит капучино,
 Парит в атмосфере –
 Явно к дождю.
 Чайка парит над трагетто,
 Стрелка на башне подходит к семи.
 Дымит сигарета...

Сижу в итальянской глуши, –
 Изучаю морщины лиц и земли...

Зазывали и сулили
 Три мешка со золотом.
 Жилы рвали, словом били:
 «Будешь ты богата!
 Будет много кавалеров
 На твою судьбинушку,
 Народишь, а это верно,
 Ты дитя-кровинушку».
 Сладко пелось, сердце билось –
 Отдала сорочечку...
 Брала золото на палаты –
 Хватило на каёмочку.

Не отводи глаза.
 Бессонницей ночей
 Грехи оплачены,
 Что ведомы и нет.
 Но только Он –
 И Власть и Свет –
 Отмерит
 Что
 Назначено.

Слипаются пальцы –
 Не пишется.
 Глаза распахнуты –

Слушают музыку.
 Бабочка в окно –
 Гармония момента.
 Увидимся...
 Помолчим...
 Не исчезай...

Сегодня видела твой сон.
 Он снился тебе
 Между пятью и семью,
 Разумеется, вечера.
 Не спи в это время суток.
 Видела, как ты кормил
 Уток семью,
 Стоя под сенью
 Вечного
 Я.

Защититься.
 Лечь под волчицу.
 Делить с волчатами
 Её соски,
 Считать клыки,
 Смотреть в глаза –
 Какая кротость!
 Её зелёная слеза
 Упала в пропасть...
 Пить мудрость
 Матери-волчицы,
 Перед прыжком
 Остановиться.
 И в степь уйти,
 И выть волчицей,
 И быть волчицей –
 Степи владычицей.

Ждать придётся долго у порога.
 Не открыть засов, не позвонить.
 Дом звеняще пуст: чужих в нём много.
 Он был родным. Но вот пришлось забыть.

Забывать, как пела скрипка в нём,
 И с ног сбивалась вьюга,
 И таял снег, и цвёл сирени куст...
 Не рассуждай и не ходи по кругу –
 Откроешь дверь – и дом уже не пуст...

Обещала вернуться –
 Не задерживаться.
 Не смогла разминуться
 С зимой-самодержицей.
 Захватила, ограбила,
 Разобрала на щепочки,
 Люки, щели задраила:
 «Спи, усни, моя деточка!»
 Пела ласково, нежно:
 «Спи, усни на века.
 Одеялами снежными
 Укрываю пока.
 А начнёшь просыпаться –
 Завою, завьюжу,
 Предложу укрываться
 Одеялом из стужи».
 – Не уснёшь... будь, что будет, –
 Мне шептали метели.
 – Никогда не забудем, –
 Ты в стихах нас пропела.
 – Никогда не забудем, –
 Мне шептали метели.
 И весна ещё будет –
 Прилетят свиристели...

Этой ночью в окно постучались стихи,
 И они оказались весьма неплохи.
 Как положено, рифма расселась по центру вальяжно,
 И что не её это место – не важно.
 И слова приходили и кланялись рифме,
 А она разбивала их, словно о рифы.
 – Во что же одеть тебя, рифма?
 – О, дети?
 – О, дети...

ПОЭЗИЯ

Евгений ПРУДЧЕНКО

Евгений Анатольевич Прудченко – поэт, журналист. Родился в 1964 г. в Алма-Ате (СССР, КазССР). В 1991 г. окончил Алма-Атинский институт народного хозяйства по специальностям «Экономика и социология труда» и «Банковское дело». Работал на производствах и в банковской сфере. В середине девяностых стал журналистом, стоял у истоков ряда казахстанских газет и журналов. Писать стихи начал после тридцати. Автор семи неизданных поэтических сборников, но как поэт нигде не публиковался. Живёт в Алматы (Казахстан).

«Последнее время жизни...»

Отлучение

Сальвадору Дали

Вот книга. Недочитанный абзац
что женщина, покинутая всуе.
Вот чья-то злая плоть висит на стуле,
вот пиво киснет на столе. Эрзац-
поэзия пристойнее, чем плац.

Костыль надёжней всё же, чем гамак.
Чуть сгорбленный, подавленный и нищий,
калека отлучён от здоровой пищи;
так Сальвадору ищет кавардак.
Душа и тело выбирают мрак.

Для трапезы готовят интерьер –
бутылка, запятая, лодка...
в бутылке, вероятно, всё же водка.
С закуской возвращается курьер,
за кадром остается бультерьер.

В который раз пылающий жираф
горит, но восстаёт из тлена!?
И вот уже спешит ночная смена
с бессвязностью сродниться. Тот не прав,
кто за идеализм платит штраф,

кто ищет в пустоте своей квадрат,
кто пользу наблюдает в паутине.

Ну, надо же! нелепый слон Бернини
куда-то исчезает. Постулат –
отсутствие прогресса. Но не факт.

Куб есть нагромождение полос:
двенадцать рёбер, шесть квадратов. Нео-
логизм зашкаливает влево,
а справа появляется колосс.
В пропорциях нуждается хаос?

Муштрует строй мутантов и калек
сухой генералиссимус, так смачно
ругаясь – всё закончится удачно.
Уже пора присматривать ковчег.
И негде притулиться на ночлег.

Поход

Толстенный клоп ползёт по карте мира.
Пресытившись насосанным, постель
покинул гадкий выродок вампира.
Ползёт. За параллелью параллель.

Шарашится бесцельно по бумаге,
то на хребет взойдёт, то прикорнёт в овраге,
то топчется по лесу, оглоед,
то на песках оставит неприличный след.

Под брюхом кровососа тают льдины,
выходят из привычных берегов
озёра. Прогибаются равнины
под тяжестью свалившихся шагов.

Дрожит вода. Волнуются вулканы.
От странника таясь, себя хоронят страны;
пищит за континентом континент.
«Ну, надо ж до чего неблагодарен свет!»

Должно быть интересно – как букашка
смогла за миг всю карту потрясти?
Скисает клоп. С ног валится бродяжка.
Умаялся. Сбивается с пути.

Не чует гор, пустынь, саванн, реченок.
Блуждателя уже до самых до печёнок
допёк географический предмет:
«Перемешалось всё на нем, порядка нет».

В родной матрас вернулся кровопивец.
Довольный очень, сам собой гордясь.
Бахвалится без меры, нечестивец:
«Я видел мир!.. там скука, пыль и грязь».

Сбежавшая тень

Струится небо ливнем по щеке,
чадит лучина в тонущем окне,
промокший ветер судорожно ноты
перевирает, золота пятак
ржавеет в тучах – именно вот так
пространству предъявляет время счёты.

Глазеет пёс на скисшую луну,
надулась мышь на свежую крупу;
вернувшись с неудавшейся охоты,
скребутся кошки в запертую дверь
амбара, переполнена купель –
пространство собирается на отдых.

Подкошена под корень трын-трава,
заброшена полынная ботва
на сеновал, в трухлявой табакерке
последняя понюшка табака...
вот так – как с неживого должника –
с пространства пустота снимает мерки.

Неладная делёжка пирога,
едва-едва подсохшие стога
гормя горят, ликуют супостаты,
привязанные к собственным домам,
владельцы рублиц – с горем пополам –
пространство раздирают на заплаты.

Руины привыкают к нищете.
Тень тащат с поля битвы на щите,
она жалеет, что не согрешила
с пространством. Ну а раз не вышла связь –
другому подпространству отдалась.
И там зачем-то постриг совершила.

Новый свет

I

Пусть в эту ночь вы его не найдёте.
Трудно смириться с фатальной потерей,
мир потерялся. В последнем полёте
зайчиком солнечным. Лунные звери
перемололи, голодные твари,
свет подмели, словно спрятали в шахту.
С липок безжалостно скальпы сдирая,
бешеный Пан заступает на вахту.
Видит – всю дикари хоровают
возле столбов с человеческим сердцем,
на танцплощадке кострища разводят,
самозабвенно токуют. К индейцам
тащится Пан – в полосатых кальсонах,
в собственной трусости злобой кипящий,
жадный, шальной, в дезертирских погонах.
Прерии гонят тот рёв леденящий...
Не получилась, кровавая слякоть,
жирные тучи порхающей сажи.
Больно дышать, да и некому плакать:
пепел и смерть, и багровые пляжи.

II

Трепет бесчестия конкистадора,
смад нечистот, предвкушение смерти
(овеществлённая блажь Христофора?),
и мракобесие в ассортименте.

Жищные в сути слова-метастазы
жалящим роем витают над склепом,
речь умеща в фальшивые фразы,
жизнь – в поклоненье ничтожным монетам.

Старая добрая присказка «Хрен вам!»,
быстро решается битвы проблема –
потчуют Пана дубовым поленом...
драная кошка дурного тотема

мрачно бредёт по сайгонскому тракту,
когти сточились, в позорных коростах.
Пан избегает прямого контакта
с солнечным светом, в гнивающих звёздах –

месть. Полежал в малярном болоте,
встал. Хорохорится – выправил бляху,
спешно меняет заряд в огнемёте
и подбирается к новому шляху.

III

Вы, Ваша Светлость, глаза приоткройте!
плещет нещадно металл на Балканы,
адское пламя на райском курорте,
на Вавилоне – гигантские раны,
падают с неба железные дыни
(лучшее средство для внешних сношений),
свежие призраки в чреве пустыни –
только что жившие люди-мишени;
минные ливни, ракетные бури,
бренное небо беременно мраком;
пьёт огнемётчик коньяк в амбразуре,
тризну справляет; танцует над прахом
только что наспех сожжённой деревни
ветер, укутав детей в колыбели
пеплом. Над вымершим городом древним –
бомбардировщиков зычные трели,
пушки стреляют... легко и бесстрастно,
грохот кощунства бравадных реляций.
Рты на замке. Даже думать опасно...
о столкновении. Цивилизаций.

IV

Всё так и будет – чистейшая правда! –
тот, кто драконовы зубы посеял,
скоро дождётся, как смерть Минотавра,
доброе лекарство в виде Тесея;

уничуженная лунная слава
напрочь ослепнет от утренней власти:
храбрый Самсон из геройского сплава
пасть разорвёт на две равные части.

Честь, справедливость и преданность вере, –
непреходящие ценности эры, –
не износились и не потускнели.
Гордо встают над восходом шпалеры.

Сбросив лохмотья свои вековые,
грозный медведь надевает доспехи,
палицу взял, облака грозовые...
близится час разъярённой потехи.

Гнилостный запах испуганной плоти.
Мечутся тени по лунной террасе.
Свет новый реет в победном полёте.
Пятится сдрейфивший мрак восвосяси.

Чухонское эхо

«Память, увы, не даёт солгать.
Прошлое – как на ладони...
Только, бывает, уляжешься спать,
сразу сердечко заночует.

Ну а теперь и погост уж притих,
всё – пролетело мгновенье.
Что ещё сделать для них, для родных,
кроме молитв и терпенья?..

Вот и тогда-то... да кто ж его знал,
что придёт время расстаться?..
молча к себе комиссар подозвал –
прямо с последнего танца.

Думали, свадьбу сыграем весной,
вышло – чужая сторонка.
Кто-то живым возвратился домой,
на моего – похоронка.

Трижды будь проклята всяка война!!
Спрячешь заступников в юбках!?
Сколько погибло за все времена
русских солдат в мясорубках!

Благо, что осень, а то бы сейчас
щи на плите прокисли...
плохо одно...» Приближается час
последнего времени жизни.

Кресло-качалка... окно... костыль...
занавеска, аккуратно расшитая гладью.
Глотая слёзы, сдувает беззубый рот пыль
с негодного подвенечного платья.

Рокада

I

Ночь выдалась грязной. И мы об неё замарались.
Замаскировались. Ползли. Вы бы видели эту дорогу,
ведущую... кажется в ад. Мы в тот ад пробирались.
Кто был незапятнанным, быстро приблизился к Богу.

Удел незапятнанных – быть не как все. В самой гуще
чумазах. Так звёзды сияют в ещё неочищенном небе.
В атаку рванулись когорты живых, всемогущих,
не зная того, что лишь мёртвые есть путь к победе.

Мы их закопали – спокойных, уже невесомых.
Безгрешных, не смевших себя замарать... чистота погубила.
В нас тыкали пальцем, в нас! – грязных, усталых, бессонных.
Лишь смерть рождена для бессмертия. Или могила.

II

Ночь выдалась странной. От грохота остервенела.
Внезапно сбежав, растворилась, почувствовав явную слезку.
Оставила вскрытым плацдарм... Да какое ей дело,
что мясо взрывалось кишками с землёй вперемешку.

Всё быстро закончилось... Жаль, не для всех – кто-то выжил;
но не навсегда, лишь на время... чтоб месиво это пополнить,
чтоб сгинувшей жизни придать хоть какой-нибудь смысл,
чтоб долг свой последний пред сущим на свете исполнить.

Мы видели... То в кинолентах осталось за кадром.
Всё рты очищали руками от рвотной удушливой каши,
и слёзы втирали в ладонь. Табуном санитарным
мы шли как в бреду. И глаза обесцветились наши.

III

Смысл жизни загадкой остался для павших. Лишь трусам
дают умереть не взаправду, чтоб ими же и обозначить
пределы окопов... без меры отважным ресурсом
дано быть владельцем не каждому. Всё это значит:

бой ровно настолько закончился, чтобы исчезнуть
не тем, кто исчез – тем, кто выжил, оставшись на адовой сцене.
Исчезнувшим выпало пасть, но посмертно – воскреснуть,
назло похоронкам постылую смерть обесценив...

Мы тени воскресших считали повзводно... зачем-то
копаясь в карманах, пытались им дать имена; изымали
шинели и... (полно!). На верхнюю часть монумента
из рваной земли, не цветы – мы себя возлагали.

IV

День выдался мутным. Что утро? – всё выпало напрочь:
то пили, то выли. Смеялись, ругались, клялись. Протрезвели.
Пусть нас обвинят... малодушие, трусость и алчность.
Пусть нас оправдают... вороны и хищные звери.

Молчали натужно. Беспамятство нас выдавало.
Смирились с уделом архивным – вовек оставаться немыми.
Уж всё рассказали лежащие в братских завалах.
Мы память свою в этих самых могилах зарыли.

Зарыли поглубже. Пусть то никогда не случится,
что видели мы. Никогда! Вольнодумцам амнистия выйдет,
бумага всё стерпит... да что она для очевидцев!?
Мы видели смерть. Как никто никогда не увидит.

V

День выдался сонным. Но мы и его прозевали.
Не жалости ждали – забвенья простого. Достались болезни.
В спокойных безропотных снах как могли, прозябали.
Вот только простились с рокадой... и тут же исчезли.

Когда надоело... прости нам, Господь, искушенья!
хоть в наших грехах кроме нас никогда и никто не замешан.
Мы сами себе подбирали слова для прощенья.
Лишь мёртвого можно любить, ибо мёртвый безгрешен.

Легли... кто куда, безымянные дети отчизны...
уж где довелось – кто от пули... тонули, взрывались, горели.
Отдав нам в бессрочный кредит недожитые жизни.
В подаренном времени мы, невзначай, постарели.

VI

Очухалось Время... От кровью напищенной грязи.
Всегда послесловие битвы напишется теми, кто выжил –
они в каждый шаг добавляли кофейных фантазий.
Мы громко молчали! Но нас так никто не услышал.

Простят ли солдаты, которых мы – мы! – погребали?
Одетые в бронзу над вечным простором стоят. Не взлетели,
чтоб с нами остаться. Как блеск орденов и медалей.
Ночь выдалась грязной... и мы, на тот раз, уцелели.

Тогда – хоронили. Теперь за них встанем дозором.
Стервятники мчатся на шабаш: разрыли, смели, растоптали;
не крикнет никто из могил... с сатанинским задором
танцует над прахом солдатским взбесившийся Таллинн.

VII

Век выдался хищным... что гриф с окровавленным носом.
Раскаркалась всласть у руин, разошлась инородная нечисть:
вердикт проходимцев – фашист был повержен морозом.
Отлично, б...ё! мы в морозе том увековечим –

эстонскую гниль вместе с выплеском шляхетской спеси,
мадьярскую желчь, самурайскую прихоть, ливонскую погань,
рой бритоголовых туземцев, богемскую плесень.
Их мы хоронили... Опасно надгробия трогать!

Из сумрака прошлого ярче сияет Победа
Великая. Давшая жизнь. Даже падшей лжеротой витии.
Лекарством забывчивым станет дорога... вот эта,
ведущая... кажется в ад. Мы тот ад победили!

VIII

Не все, но дошли. До бессмертьем означенной цели.
Над Площадью Красной – Победы парадное Знамя.
Идут по брусчатке ряды пустотелых шинелей...
мы их по походкам... да что там! – по дырам узнаем.

Последнее время жизни

Вот и время пришло... заглянуть в зеркала изменений.
Начинает сесть голова, прорезается голос.
Ускользящий свет вызывает всё больше сомнений
в вечной верности звёзд, населяющих видимый космос.

Покидают мечты. И уже не проветрить пространства
в увядающем парке берёз. Или в скверике сосен.
Раздражает весна – да и лето – зелёным убранством.
Удивительным временем года становится осень.

Обесцвеченный мир отторгает оттенки и краски,
на природу глядишь дальнозорким расплывшимся взором.
И глубокие линии – словно в обрядовой пляске –
расплылись по лицу некрасивым тяжёлым узором.

Реже скрежет застолий. Бестелые стулья всё чаще
вспоминают о тушах гостей, захлебнувшихся в дружбе.
В полнолуние водка горчит; да и кофе не слаще
ослепительных лет, бесполезно подаренных службе

погребённой стране. Кот на пледе взывает к покою.
«Бог-то – есть!», кто-то это открытые подбросил.
Только вот пообщаться охота не с небом – с землёю.
И побыть человеком. Хотя бы ещё одну осень.

Поостывшая кровь вызывает потребность погреться,
погулять босиком во внезапно приснившемся детстве.
Осторожные боли, гостящие в области сердца,
не страшат. В преферанс выпадают лишь крести.

На исходе любовь, уживаешься с мыслью, что это
абсолютно нормально. Любить начинаешь Отчизну
больше пламенных женщин. И, вместо венка сонетов, –
венок из бумажных цветов на могиле жизни.

ПОЭЗИЯ

Анна Дмитриевна Маякова – родилась в Донбассе. Окончила МГИМО. Владеет несколькими иностранными языками. Член Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков. Автор книги воспоминаний «Мозаика моей жизни», книги рассказов и эссе «Истории о мужчинах и любящем сердце», четырёх сборников поэтических миниатюр «Свет сквозь тучи», «Времена года», «Божий мир созерцать», «Моя азбука». Финалист Международной Ассамблеи писателей в Варне, награждена Серебряным крестом. Печатается в различных литературных альманахах. Живёт в Москве.

Анна МАЯКОВА

На Истре

Течёт река Истра –
Свидетель событий
Важных и неважных.

На реку глядят оконца
Воскресенского Нового
Иерусалима. Утро.

Купола блестят.
Звонница неба касается.
Идёт с поклонами народ.

За мир в обители сией
Господа возблагодарим.
Солнце восходит.

Поклонюсь мощам
Патриарха Никона,
Отца твердыни веры.

Он реформатор.
Он зодчий церкви.
За что лишён был сана.

Но где те мощи?
Злой ветр эпохи развеял
Их по полям-лесам.

Лишь старые липы
Да сердца людей хранят
Память о Никоне.

Вера его – солнца луч
В закатном небе жизни.
По нему иду.

Чудеса: пол-луны
В небе и солнца диск.
Ласточки носятся.

Взор долу опустила.
Муравьи трудолюбивые
Спешат по делам.

Готовы к полёту
«Самолётики» на ясене.
Конец августа.

Чу! Переполох!
Пёс прыгнул в воду
И уток гоняет на озере.

Тополя серебристые –
Стражи надёжные храма.
К вечерне звонят.

Знай – нет места добру
В сердце мятежном.
Смирись, дева...

Испробуй силу
Иисусовой молитвы.
Замкни уста.

Сквозь ветви елей –
Последний солнца луч.
Ещё день минул.

В безбрежность неба
Монгольфьер устремляется.
/ Dum spiro – spero.

ПОЭЗИЯ

Татьяна ЧЕРНОВА

ТАТЬЯНА ЧЕРНОВА

Татьяна Михайловна Чернова – поэт, прозаик. Коренная москвичка. Окончила технический ВУЗ, работала инженером. Стихи писала «в стол» до 2013 г., в котором сделала первую публикацию на сайте «Стихи.ру» под псевдонимом Татулита. Была номинирована на премию «Поэт года – 2014» и «Поэт года 2015», а также на премию «Наследие». Автор сборников стихов «Акварельные сны» и «Во сне и наяву». Член МГО СП России, член Российского союза писателей. Есть дипломы и грамоты за участие в конкурсах МГО СП России. Победитель в номинации «Лучшие поэты и писатели 2014 года» с вручением статуэтки «Золотое перо», победитель конкурса «Литературное достояние России 2015 года» с вручением медали Международной премии «Литературный Олимп».

Живёт в Москве.

«Я в новый день уйду одна...»

Мне почему-то кажется

Мне почему-то кажется – засну,
Потом проснусь и позабуду вовсе
Холодную, печальную весну
И злую осень.

Я почему-то думала: везёт.
Все говорят: влюблённые везучи.
Я верила, что скоро день придёт
И самый лучший.

Не верила, что кликала беду,
Себя считая самой счастливой.
У счастья я пошла на поводу
В тот день дождливый...

Мне почему-то думалось: люблю
Так сильно, что порою страшно было.
Теперь о прошлом с болью я скорблю:
Душа остыла.

Казалось, выход есть из западни,
Которая всегда звалась любовью...
На свете за ошибки не одни
Мы платим кровью.

Я думала, исчезнет жизнь со мной,
Когда в любви я не достигну цели,
Но жизнь грозой сверкнула стороной –
Мы уцелели!

Мне кажется, что близится рассвет,
И снова над землёю солнце встало...
Меня на самом деле в жизни нет,
А жизнь осталась...

Как надоело быть одной

Как надоело быть одной
И слушать эхо тёмных комнат:
Оно ещё твой голос помнит,
Почти уже забытый мной...

Как надоело быть одной!
Читать ночами те же книги
И, счастья вспоминая миги,
Вновь вспоминать о нас с тобой!

Как надоело быть одной!
Трещат, сгорая тихо, свечи,
И одинокий грустный вечер
Сверкнул в окошко мне звездой.

Как надоело быть одной!
А звёзды падали на счастье,
Его не подчиняясь власти,
Мы разной в жизни шли тропой.

Как надоело быть одной...
А время не спешит кончаться,
И будет вечно продолжаться,
Всё заполняя пустотой...

Как надоело быть одной...

Кузнечик

Мне пел кузнечик в октябре,
Как будто время перепутав,
Когда сидела на заре
В беседке, в шаль себя закутав.

Висел туман над спящей речкой,
Не слышно птиц, и ветер тих.
Кузнечик трелью бесконечной
Хотел продлить последний миг

Своей такой короткой доли,
Где жизнь – лишь лето. А потом?!
Куда идти? Остыло поле,
Приюта нет в лесу пустом...

Трещал кузнечик так отважно,
Как барабанщик впереди,
А что сбежали все – неважно,
И продолжал один идти.

И люди (так бывает часто)
Идут вперёд, зовут на бой,
Не видя, что исчезло счастье
И близких нет уж за тобой!

И страшно стало оглянуться:
Один по жизни, словно зверь...
Уйти легко, но как вернуться,
В закрытую стучаться дверь?!

И всё, что было, нужно ль это?!
Не велика была ли власть?!
И, как кузнечик, кличешь лето,
Боясь в неизвестности пропасть...

Мне с горем надо переспать

Мне с горем надо переспать,
Чтобы с рассветом стало ясно,
Чтоб до конца могла понять,
Что были вместе мы напрасно...

Не я ль хранила чистоту
Своей любви?! Не я ль согрела
Своим теплом всю пустоту
Твоей души?! Разлука зрела...

Сыграла эта пустота
Со мною очень злую шутку:
И, как ни манит красота,
Мне протрезветь бы на минутку!

Так нет же! Как с обрыва – вниз,
От страсти бешеной немея,
Я приняла тебя, как приз,
И, по-другому не умея,

С восторгом дар тот приняла
И, от любви пьянея крепко,
Свою судьбу я отдала
На спор подброшенной монетке...

«Орёл» не выпал... Я стою
С дрожащей на губах усмешкой,
И вижу на беду свою:
Лежит монетка сверху «решкой»...

От горя надо убежать
Подальше... Спрятаться и скрыться!
Чтоб не смогло нас разыскать,
Пускай забудет наши лица!

Я горе выпила до дна:
Лежит оно и еле дышит.
Я в новый день уйду одна,
Пока оно меня не слышит...

ПОЭЗИЯ

Юрий МУРАШКИН

Юрий Иванович Мурашкин – родился в 1937 г. в г. Реутове Московской области. Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Член Союза писателей России. Пять книг стихов отмечены литературными наградами.

Живёт в Москве.

«Дух русской творческой свободы...»

Золотая осень

Золотая осень в Подмосковье,
Клин да Дмитров, да холмов гряда.
Мать-природу я с душой сыновней
Тихо навещаю иногда.

Пробегают скорые машины,
Только я люблю велосипед.
Тихо катят по асфальту шины,
В ободах играет солнца свет.

Еду, а поодаль за ложбиной
Поднимается на холмах лес.
Ели и берёзы там картинно
Вырастают в синеву небес.

Охристый, оранжевый, зелёный
В гамме утепляющих тонов.
Зреют краски осени на клёнах,
Землю стелет лиственный покров.

Летние шумливые дубравы
Тихо отцветают в свете дня.
Скошены с полей на кормы травы,
Зеленеет в пасынках стерня.

Ах, какая золотая осень!
Каждый день её отградно дан.
Жаль, что стаи птиц её уносят
На крылах в воздушный океан.

Иерусалим патриарха Никона

В чистом беге серебряным звоном
Свята в Истре к крещенью вода.
От холмов по пространствам зелёным
К храму русский течёт Иордан.

Здесь святая земля Палестины
Отдаёт свою силу Москве.
Храм входящему Божьему Сыну
Славу Господу в небо воспел.

Воскресенья Христова престольный,
Храм стоит, первозданному в лад.
Роща стройных берёз белоствольных
Гефсиманский раскинула сад.

Никон, Никон, от роду Никита,
Светлый разум, душой патриот,
Клеветой твоё сердце пробито,
Чтоб сорвался истории ход.

Расцветала идея сиренью,
Вдруг столетьем прошёлся мороз
ИндеVELOю стужей забвения
По стволам Гефсиманских берёз.

Но святая земля на России
Прижилась меж нахоженных вёрст,
В нашем Новом Иерусалиме
Веры праведной грея прирост.

Здесь толпа не штурмует ворота,
И молитва тиха и свята.
Люди Бога не вяжут заботой,
Им по сердцу его красота.

Здесь побыть, как глотнуть вдохновенья,
Кто-то близко, святой и благой.
И отсюда Христово Знаменье
Люди в сердце уносят с собой.

Усадьба «Остафьево»

Восходят русские усадьбы
К их достославным временам,
Чтоб тронуть память, знанье дать бы
Про очаги культуры там,

Где слава бронзы и гранита
Мемориальной сюитой
Витают от былых времён,

Где мир вещей дыханьем полон
И по аллеям веет словом
Больших в истории имён.

В Остафьеве навек сакрально
Сентиментальный взор яснит
И Карамзин монументальный,
И Пушкин бронзой среди лип.

Во стане воинов поэтом,
Напоминая славы лета,
Жуковский вobeliske встал.

Князь Вяземский, хозяин дома,
Чья лира трепетно знакома,
Увековечил пьедестал.

Общенья их золотые годы
Через столетие воспеть
Взял Шереметев благородный
Себе ответственно за честь.

И каждый памятник, как скерцо,
Ложится музыкой на сердце,
Тревожа нити естества.

Здесь в уголке родной природы
Дух русской творческой свободы
Взывает к степени родства.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Василий ПОЛЯКОВ

О пользе театротерапии, раденья наукам смолоду и радости Отечеству служить

К 255-летию

Алексея Николаевича Оленина

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Как-то летом 1832 года мимо отдыхавшей в Летнем саду компании писателей проследовал 69-летний Алексей Николаевич Оленин. Был он маленького росточка, сутуловат, что позволило за четыре года до этого события отозваться о нём А.С. Пушкину в минуту раздражения и досады: «о двух ногах нулёк горбатый». Однако большинство присутствовавших в саду уважительно приветствовало проходившего.

Когда кто-то из молодёжи поинтересовался, с кем это так почтительно раскланивались их более взрослые друзья, последовал ответ, что таких известных людей надо бы знать и что прошедший «маленький человечек» (выражение Василия Андреевича Жуковского) на самом деле очень большой человек и очень большая умница, друг наук и искусств, да к тому же вот уже пятнадцать лет возглавляет Российскую академию художеств, являясь её президентом.

И вот тут баснописец А.Е. Измайлов рассказал, что до 18 лет «этот друг наук и искусств был величайшим невеждою...»

Через двадцать девять лет, в 1861 году, свидетель этой сцены описал это в газете «Иллюстрация», подписав заметку «Петербургский старожил». Позволим себе цитату из этой газеты.

«...Показалась идущая по аллее оригинальная пара. То был колоссальный, широкоплечий, седой, с предлинными волосами, с огромной головой и отёкшим лицом толстяк, в широчайшем белом жилете и в столько же широком скюртуке нараспашку, в измятой шляпе... Толстяк, сопя и пыхтя, едва передвигал огромные ступни; рядом с ним шёл седенький, беленький, маленький старичок с предлинным горбатым носом и с довольно заметным горбом на спине, покрытой, как и всё

миниатюрное туловище, синим форменным фраком, на передней части которого горели с обеих сторон русские и иностранные звёзды. То был известный своею искреннею любовью к наукам, искусствам и просвещению вообще директор Публичной библиотеки и президент Академии художеств Алексей Николаевич Оленин... В беззаботном толстяке нетрудно было узнать нашего бессмертного дедушку Крылова, пользовавшегося искреннейшею дружбою Алексея Николаевича. Когда эта замечательная группа поравнялась с нашею скамьёю, Измайлов и Серов... привстали и поклонились, получив учтивый поклон Оленина, едва заметного за массою Крылова, который громко сказал: «Здравствуй, брат Александр Ефимыч!» Когда они прошли, между нашими соседями, то есть между Измайловым и Серовым, завязался разговор об этих двух замечательных личностях; они оба с чувством особенного уважения говорили об Оленине, называя его «русским Меценатом», и хвалили его, в особенности за дружбу его к Крылову, которого он часто удерживал от пагубной страсти к азартной игре.

– Алексей Николаевич, – воскликнул живой и подвижной Серов, – один из просвещённейших людей нашего времени. Как жаль, что не он во главе министерства народного просвещения!

– А знаете ли, – сказал Измайлов, что до восемнадцатилетнего возраста этот друг наук и искусств был величайшим невеждою, воспитанный матерью, послужившею фон-Визину для портрета Простаковой, тогда как сынок её был оригиналом знаменитого Митрофанушки, героя комедии «Недоросль».

Это очень заинтересовало Серова, и он пристал к Измайлову с расспросами, но Измайлов, взглянув на часы, встал, и они двинулись, а до нас долетели только слова Измайлова о том, что, не будь у Оленина дяди, фамилию которого он произнёс невнятно, Оленин и поныне остался бы Митрофанушкой, покрытым сединою; но дядя выхватил мальчика у баловницы-матери и, заметив в нём счастливые способности, дал ему дельное и блестящее воспитание. Уверяют даже, будто комедия «Недоросль», виденная Олениным в молодых летах, но когда он жил уже у дяди, произвела сильное впечатление на молодого человека и заставила его приняться за ученье и бросить голубятничество и страсть к бездельничанью.

С тех пор, как мне удалось услышать от покойного баснописца и сказочника Измайлова эту любопытную биографическую черту, прошло много лет, но я потом слышал подтверждение слуха, что Оленин был оригиналом Митрофанушки, от умного и просвещённого человека, узнавшего этот факт от одного из наших академиков, недавно умершего».

В дальнейшем этот факт стал широко известным, получил хождение, и по сей день его никто не оспорил...

Алексей Николаевич Оленин родился в городе Москве 9 декабря (28 ноября по старому стилю) 1763 года, но большую часть детства, почти до 11 лет, провёл в Касимовском уезде Рязанской губернии в родовом имении Салауре, принадлежавшем его отцу.

Отец А.Н. Оленина, Николай Яковлевич Оленин принадлежал к древнему дворянскому роду Олениных (по одной из версий, в древности род писался Аленины). Ещё во времена царя Фёдора Алексеевича род был внесён в первую часть «Бархатной дворянской родословной книги». Считалось, что род Олениных происходит от дочери ирландского короля из рода О'Лейн и немецкого рыцаря из Лотарингии Д'Оршпрунга. Далее произошло постепенное переселение потомков этих родов сначала из Лотарингии в Богемию, затем в

Польшу, и, наконец, ещё далее – в Россию. Некоторые из потомков переселились в земли, прилегающие к Волге, и оказались в «казаках». Есть легенда, что и покоритель Сибири, казачий атаман Ермак Тимофеевич, фамилия которого также была Аленин, имеет отношение к потомкам ирландского короля и немецкого рыцаря, а стало быть, и к дворянскому роду Олениных. Сам Николай Яковлевич служил в лейб-гвардии конном полку, в чине полковника ушёл в отставку и затем уже был статским советником.

Мать А.Н. Оленина, Анна Семёновна Оленина, принадлежала к старинному княжескому роду Волконских. Её отец (дед А.Н. Оленина) всю жизнь воевал, участвовал во многих сражениях и походах и закончил жизнь в чине генерал-аншефа. Вероятно, от своего отца Анна Семёновна унаследовала крутой и властный характер, привычку руководить всеми и вся, даже мужем, жажду беспрекословного ей подчинения, нетерпимость, приказной тон, порой незаметно переходивший в откровенную, очень громкую и скандальную грубость. В доме её гнева побаивалась не только дворня.

До 1774 г. Алексея воспитывали дома. Образование сына руководил отец, Николай Яковлевич. Он составил программу, включавшую уроки мифологии и истории, арифметики и географии, рисунка, музыки, танца, французского языка. Ежедневно занимались по 8 часов: 4 часа утром и 4 часа после обеда.

В 1774 г. мать, Анна Семёновна, определила сына в Петербургский пажежеский корпус, который существовал уже пятнадцать лет и готовил пажей царскому двору. Определённые в корпус изучали латынь, русский язык и современные иностранные языки, математику, географию и историю, естествознание и военные науки, юриспруденцию, генеалогию и государственный церемониал, фехтование, верховую езду и танцы. По тем временам это было хорошее образование.

За шесть лет учёбы Алексей проявил себя очень способным учеником. За три года до выпуска, в 1780 г., его единственного направили продолжать образование за границей. Алексей учился сначала в Артиллерийском училище Дрездена, а затем в университете Страсбурга.

Уже в этот период Алексей Николаевич выказал недюжинные способности к занятию языками и научной деятельностью. Вероятно, важность и престижность этого занятия была осознана Олениным ещё и потому, что его петербургская родственница, княгиня Екатерина Романовна Дашкова (в девичестве Воронцова) после возвращения из заграницы в 1783 г. возглавила учреждённую по её инициативе Российскую академию для изучения русского языка, став её директором. Примерно с этого же года Алексей начал составлять в Германии словарь «старинных военных речений» с очень подробными комментариями. Через три года, в 1786 г., именно за этот труд его избрали в члены Российской академии.

К этому времени (к двадцати трём годам) Алексей Николаевич Оленин уже владел греческим, латинским, древнеславянским, французским, немецким, итальянским, испанским, арабским и еврейскими языками. Он серьёзно интересовался и занимался археологией и историей, античной культурой, архитектурой и историей искусств, рисованием и гравировальным искусством, музыкой.

Довольно успешно складывалась и его военная карьера. В двадцать лет, в 1783 г., А.Н. Оленин был произведён в капитаны артиллерии. Правда, через 5 лет, в 1788 г., он был вынужден выйти в отставку по болезни. Однако после одного года гражданской жизни, в 26-летнем возрасте, он снова возвратился

в Псковский драгунский полк и в его составе принял участие в военных действиях против Швеции. Военные действия были успешными. После их окончания полк был расквартирован в городе Старая Русса. В марте 1795 г. А.Н. Оленин оставил военную службу. В эту же пору ему минуло 32 года.

В 1789 г., 26 лет от роду, Алексей Николаевич посватался к Елизавете Марковне Полторацкой. Однако родители невесты под благовидными предложениями всё оттягивали своё решение и не давали определённого ответа. Свадьбе суждено было состояться только через 2 года, 8 ноября 1791 г., когда А.Н. Оленину исполнилось 28 лет, а Елизавете Марковне 23. Брак оказался долгим и счастливым. Супруги прожили вместе 47 лет и назвали в браке 3 сыновей и 2 дочерей, причём Алексей Николаевич пережил Елизавету Марковну почти на 5 лет.

Уйдя в отставку с военной службы, А.Н. Оленин в этом же году переехал с женой и двумя детьми в Петербург. Он устроился в контору Государственного банка по покупке металлов и в этом же году начал строить под Петербургом для семьи летнюю дачу. В дальнейшем дача получила придуманное им название «Приютино» и, в конце концов, дала на долгие годы приют семье и многочисленным друзьям семьи.

В 1796 г. российский престол занял 42-летний сын Петра III и Екатерины II – Павел I. Указом царя А.Н. Оленин был назначен управляющим Монетным департаментом, произведён в действительные статские советники и зачислен обер-прокурором в 3-й департамент Сената.

В результате заговора придворных офицеров в 1801 г. Павел I был убит. Императорская корона перешла к его старшему сыну Александру I. Через месяц после занятия престола новый император назначил А.Н. Оленина статс-секретарём только что образованного Государственного совета, а затем поручил ему вместе с М.М. Сперанским образовать канцелярию Министерства внутренних дел.

Свои обязанности государственного служащего А.Н. Оленин сочетал с бескорыстным попечением искусств. В 1804 г. «за отличную привязанность к изящным художествам и знание, сопровождающее оную», по предложению президента Академии художеств графа А.С. Строганова А.Н. Оленин был избран почётным членом этой академии. К этому времени А.Н. Оленину исполнилось 41 год.

Занимаясь археологией, А.Н. Оленин проявил интерес к круглому столбу, найденному на Северном Кавказе. На столбе отчётливо сохранились какие-то непонятные знаки. Копаясь в сочинениях по археологии, архитектуре, искусству, Оленин изумился, увидев рисунок этого камня в монографии польского специалиста по египетской культуре Гутри. Его удивило, что буквы, изображённые на этом камне, имеют сходство с древними египетскими письменами, и ещё больше это раздражило его неиссякающее любопытство. В результате многолетних размышлений, сопоставлений, соотнесений он сумел прочесть надпись на камне. Надпись рассказала, что Сизострис (т.е. Рамсес) основал в Колхиде селение. Там, как и во многих других странах, которые он покорил, были поставлены подобные столбы с надписью: «Сизострис, Царь Царей и Государь Государей, сию землю оружием завоевал». Вот так благодаря открытию А.Н. Оленина оказалось, что в древности египтяне распространяли своё военное и культурное влияние далеко на восток, вплоть до земель Кавказа. Через расстояния во времени и пространстве наука в очередной раз сблизила народы, живущие на Земле. Все свои изыскания по этому вопросу А.Н.

Оленин изложил в 1806 г. в «Письме к графу А.И. Мусину-Пушкину о камне тмутараканском...» Теперь это письмо считается родоначальным для русской эпиграфики – науки об исторических надписях.

В этом же 1806 г. в связи с военными успехами Наполеона политическая обстановка в Европе накалилась до предела. Жизнь в России потекла в ожидании войны. В качестве предупредительного мероприятия был объявлен манифест о создании в России народного ополчения – милиции. А.Н. Оленин сразу же вступил в ополчение, одним из первых пожертвовал милиции 2000 рублей и 2 пушки с полным комплектом снарядов. Через короткое время Оленина назначили представителем канцелярии главнокомандующего земским войском первой области (в Петербурге), а позже назначили исправлять должность дежурного генерала.

С 1808 г. к своим многочисленным обязанностям А.Н. Оленин добавил участие в издании первого театрального журнала России – «Драматического вестника». В этом же году он был назначен помощником директора Императорской библиотеки.

Наступил 1809 г. При вспашке поля около Юрьева-Польского был найден шлем с надписью на русском языке, упоминавший имя Фёдора. Шлем доставили в Петербург, в Академию художеств. Сопоставив место находки и имя, использовав свои почти энциклопедические знания по археологии, истории, искусству, оружию, А.Н. Оленин доказал, что найденный шлем принадлежал князю Ярославу Всеволодовичу, принявшему после крещения имя Фёдор, участвовавшему в 1216 г. в Липецкой битве и потерявшему свой шлем во время оной. Так знания Оленина позволили обогатить русскую культуру подлинной материальной исторической находкой.

В марте 1812 г. старшие дети Алексея Николаевича и Елизаветы Марковны отправлялись на действительную военную службу. К тому времени уже всем было ясно, что России не избежать войны с Наполеоном. Отправляя 19- и 18-летнего сыновей на военную службу в такое тревожное и опасное время, Алексей Николаевич 9 марта пишет «Наставление детям Николаю и Петру». Наставление заслуживает того, чтобы привести его полностью.

«Любезные дети Николай и Пётр! – писал Алексей Николаевич Оленин. – Мы расстаёмся, может быть, на долгое время! В первый раз вы будете управлять собою без всякого со стороны нашей влияния. Итак, родительским долгом почитаем мы, т.е. я и родшая вас, письменным вас снабдить наставлением, которое... будет сколько можно коротко, ибо на правду мало слов нужно... Если ваши деяния честны, человеколюбивы и не зазорны, то хотя бы и временное вас несчастье постигло, но рано или поздно святая и непоколебимая справедливость божья победит коварство и ухищрение. Одно спокойствие совести можно уже почитать совершенно себе наградою. Будьте набожны без ханжества, добры без лишней нежности, тверды без упрямства; помогайте ближнему всеми силами вашими, не предаваясь эгоизму, который только заглушает совесть, а не успокаивает её. Будьте храбры, а не наянливы, никуда не напрашивайтесь, но никогда не отказывайтесь, если вас куда посылать будут, хоть бы вы видели перед собою неизбежную смерть, ибо, как говорят простолюдины, “двух смертей не бывает, а одной не миновать”. Я и сам так служил и служить ещё буду, если нужда того востребует. Будьте учтивы, но отнюдь не подлы, удаляйтесь от общества могущих вас завлечь в игру, в пьянство и другие скарредные распутства, неприличные рассудительному и благовоспитанному человеку. Возлюбите ученье ради самих себя и в утешение наше.

Оно нас отвлекает от всех злых пороков, которые порождаются от лени и возрастают в тунеядстве. Будьте бережливы, но не скарены и в чужой земле берегите, как говорят, деньги на чёрный день. В заключение всего заклинаем вас быть всегда с нами искренними даже и в сокровеннейших погрешностях ваших. Отец и любящая своих чад мать, как мы вас любим, единственные могут быть нелицемерными путеводителями детям своим. Если же они и слишком иногда строги, тому причина непомерное их желание видеть чад своих на высшей степени славы и благополучия. Затем да будет благословение наше на вас по конец дней ваших и в будущей жизни. Аминь.

P.S. Если вы будете к нам писать по возможности, то ни о каких политических делах не уведомляйте, нам только нужно знать о здоровье вашем, о выборе знакомства, о прилежании вашем к ученью, т.е. к наукам и художествам, буде вы на то можете употребить время от службы остающееся».

Сыновья исполнили наставление родителя с честью. 18-летний Пётр в первый день Бородинского сражения был контужен и чудом уцелел: пролетевшее рядом с его головой ядро воздушной волной свалило его с лошади. Старший, 19-летний Николай, погиб буквально через несколько часов после контузии младшего брата: вражеское ядро пробило ему грудь насквозь и вырвало из груди сердце.

Через 42 года 60-летний Пётр Алексеевич Оленин отправлял в 1854 г. на военную службу на Кавказе своего сына. Как самую дорогую реликвию он вручил ему то самое наставление деда, Алексея Николаевича Оленина, считая, что короче, точнее и лучше не скажешь и не напишешь.

Сыновья, дочери и внуки относились к Алексею Николаевичу Оленину с большой любовью и уважением. Он вызывал уважение не только своими знаниями и высокими постами, но и бескорыстной отзывчивостью, щедрой добротой, чутким сердцем.

Его друзьями и друзьями его семьи были поэты К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, Н.И. Гнедич, Г.Р. Державин, С.Н. Марин, П. Капнист, И.А. Крылов, В.А. Жуковский, А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, И.И. Козлов, А. Мицкевич, драматурги В.А. Озеров, М.В. Крюковский, Д.И. Фонвизин, художники Г.Г. Гагарин, П.Ф. Соколов, В.И. Гау, А.Г. Венецианов, К.П. Брюллов и А.П. Брюллов, О.А. Кипренский, И.А. Иванов, Ф.П. Толстой, Ф.Г. Солнцев, скульпторы И.П. Мартос, Б.И. Орловский, И.П. Витали, В.К. Шебуев, А.Е. Егоров, архитекторы Н.А. Львов, П.С. Максютин, В.П. Стасов, К.А. Тон, композитор М.И. Глинка, археолог К.М. Бороздин и другие, для которых дом А.Н. Оленина был своим и желанным.

В 1816 г. А.Н. Оленин возглавил Комитет для рассмотрения нужд Академии художеств. 15 мая 1817 г. император Александр I своим указом назначил А.Н. Оленина Президентом Академии художеств. В 1827 г. он стал членом Государственного совета и очень скоро – секретарём Государственного совета.

В начале строительства Исаакиевского собора создали специальную комиссию, возглавившую все строительные работы. Однако главные обязанности в течение всего периода строительства выполнял сам А.Н. Оленин. Только в 1858 г. строительство собора завершилось. С этого времени на барельефе западного фронтона собора можно увидеть лицо Алексея Николаевича, послужившее скульптору И.П. Витали прототипом вельможи Сатурнина в сюжете «Святой Исаакий благословляет императора Феодосия».

В 1827 г. семья Олениных переехала в дом князя П.Г. Гагарина. После возвращения из 10-летней ссылки 28-летний А.С. Пушкин стал часто бывать в

этом доме. Он уже был известным поэтом и давно дружил с Алексеем Николаевичем. Об этих отношениях свидетельствует то, что к первому изданию «Руслана и Людмилы» Алексей Николаевич собственноручно сделал фронтиспис в 1820 г.

В 1828 г. младшей дочери Оленина, Анне Алексеевне, исполнилось 20 лет. Если в самом начале их знакомства А.С. Пушкин шутливо называл 19-летнюю Анну «драгунчиком» и нарочито шутливо ухаживал за ней, то через год он увлёкся ею глубоко и сильно. Анну не считали красавицей, но она была на 9 лет моложе Александра Сергеевича, вошедшего в зенит своей славы. Именно ей А.С. Пушкин посвятил стихи «Увы, язык любви болтливый...», «Ты и вы», «Предчувствие», «Город пышный, город бедный...» и, наконец, «Её глаза», которые многие помнят наизусть:

*Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!
Потупит их с улыбкой Леля –
В них скромных граций торжество;
Поднимет – ангел Рафаэля
Так созерцает божество.*

На дошедшем до нашего времени портрете Олениной кисти художника А. Попова и мы можем увидеть «её глаза», воспетые А.С. Пушкиным. По левую руку от Анны Алексеевны удаётся рассмотреть бюст её отца, похожего в профиль на Вольтера.

Весна 1828 года была ещё временем надежд для Пушкина, мечтавшего сделать Оленину своей женой. Анна Алексеевна, конечно, очень гордилась вниманием такого знаменитого прославленного поэта и сама признавалась, «что это была честь, которой все завидовали», но сама она не считала Александра Сергеевича «большой партией». Вдобавок она влюбилась, тщательно оберегая тайну сердца от родителей, подруг, даже от собственного дневника. Но потомкам по многим намёкам удалось установить, что это был не кто иной, как полковник, князь Алексей Яковлевич Лобанов-Ростовский (родной дядя А.К. Воронцовой-Дашковой). Ему в то время было 32 года, он овдовел ещё в 1825 году и имел на руках трёх малолетних сыновей.

По некоторым сведениям, Пушкин просил руки и сердца Анны Алексеевны, но родители девушки ему отказали.

Через год, вероятно, сердце-вещун что-то подсказало Пушкину, и он написал бессмертные строки:

*Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.*

Судьба распорядилась так, что Анна Алексеевна не вышла замуж ни за Пушкина, ни за Лобанова-Ростовского, ни за многих других, претендовавших в ту пору на её руку и сердце.

Только через десять лет, в 1839 году, она была помолвлена с полковником лейб-гвардии гусарского полка Фёдором Александровичем Андро (сыном французского эмигранта графа А.Ф. Андро де Ланжерон и Анжелики Дzierжановской), будущим президентом Варшавы – столицы Польши. Она родила сына и дочерей, прожила долгую жизнь и умерла на 81-м году, через 60 лет после отказа Пушкину. Это случилось 15 декабря 1888 года. Сохранились написанные её рукой очень интересные воспоминания о её молодости, дальнейшей жизни и общении со знаменитыми современниками.

Вот такая история.

...После всего рассказанного можно смело утверждать, что не мог Александр Сергеевич Пушкин увлечься дочерью заурядного Митрофанушки. Нет, незаурядным человеком был Алексей Николаевич Оленин.

В 2018 году, 29 апреля (17 апреля по старому стилю) исполнилось 175 лет со дня его смерти, и в этом же году 9 декабря (28 ноября по старому стилю) Россия будет отмечать 255-летие со дня рождения этого выдающегося сына России, её подлинного патриота, оставившего такой большой след в науке, искусстве, культуре, просвещении и языкознании.

